

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

23 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена Чимаманда Нгози Адичи (1977), нигерийская писательница.

Будущей писательнице дали имена Чимаманда и Нгози, что с языка народа игбо, к которому она принадлежит, переводится как «Мой Бог не ошибается (неисчерпаем)» и «Благословение». Она родилась в Энугу и была пятой в семье из шести детей в городе Нсукка на юге Нигерии, где в Университете Нигерии ее отец Джеймс Нвое Адичи работал профессором статистики и проректором. Мать Грейс Айфеома работала регистратором-секретарем в этом же учебном заведении и была первой женщиной на этом посту за всю его историю.

Еще школьницей Адичи слагала стихи и в 1997 году опубликовала поэтический сборник «Решения». С детства она слушала рассказы отца и матери о гражданской войне в Нигерии (1967–1970), во время которой те лишились всего своего имущества и потеряли родителей, и решила, что напишет об этом. В шестнадцать лет Чимаманда Нгози написала пьесу «За любовь к Биафре», вышедшую в свет в 1998 году. Решающее влияние на молодую писательницу оказали романы Чинуа Ачебе и Лей Камара «И пришло разрушение» и «Африканский ребенок». В результате она изменила тему произведений на африканскую и негритянскую.

Чимаманда полтора года изучала медицину и фармакологию в Университете Нигерии. Но осознав, что медицина — не ее призвание, в 1996 году уехала учиться в США. Прослушав курс лекций по коммуникации и политологии в Дрексельском университете в Филадельфии, она перевелась в Университет Восточного Коннектикута, чтобы жить поближе к сестре Айджеоми, у которой была медицинская практика в Ковентри. В 2001 году Чимаманда с отличием окончила этот вуз и получила степень бакалавра.

Вскоре она стала магистром в области литературы в университете Джонса Хопкинса, а также магистром искусств, специализируясь в африканистике в Йельском университете.

Четыре ее произведения — «Ты в Америке», «Дерево в бабушкином саду», «Этот утренний харматан» и «Американское посольство» — были отмечены различными престижными номинациями и премиями.

В Коннектикуте она приступила к своему первому роману «Пурпурный гибискус», в котором повествование ведется от имени главной героини — пятнадцатилетней Камбили Ачике, которая вместе с братом по имени Джаджа страдает от произвола отца-бизнесмена, самодура и католического святоши. Действие произведения развивается на фоне событий в постколониальной Нигерии. Семья

Ачике разваливается, но в итоге все заканчивается счастливо. Роман был издан в 2003 году и в течение следующих двух лет был удостоен двух литературных премий стран Содружества наций в категориях «Лучшая первая книга (Африка)» и «Лучший дебют (в целом)» и еще семи наград, включая номинацию на литературную премию «Оранж» (2004).

В названии ее второй прозаической книги «Половина желтого солнца» отражен один из мотивов флага Биафры — непризнанного государства, существовавшего на территории Нигерии во время гражданской войны в Нигерии 1967–1970 годов. В этом романе показано, как межэтнический конфликт народов хауса и игбо, а затем и эта война повлияли на судьбы главных героев — сельского юноши Угву, его хозяина Оденигбо и двух сестер-близнецов Оланны и Кайнене. Роман был награжден семью премиями, а в 2013 году по мотивам «Половины желтого солнца» был снят одноименный фильм. В конце того же года роман отметили на Международном кинофестивале в Торонто.

В 2009 году вышла книга Чимаманды Адичи «Штука у тебя на шее» — сборник из двенадцати рассказов, преимущественно на нигерийскую и американскую тематику. Один из них, «Холм прыгающей обезьяны», содержит элементы автобиографии. В рассказе «Американское посольство» показана женщина, которая добивается убежища в США, но в конце концов отказывается от этого намерения, потому что не хочет, чтобы ее сына убили ради визы.

В 2010 году Адичи вместе с другими авторами вошла в список «Двадцатка моложе сорока», составленный журналом «Нью-Йоркер» в категории «Художественная литература». В следующем году ее рассказ «Потолок» вошел в список «Лучшие американские рассказы».

В 2013 году она опубликовала свой третий роман, «Америка». Этот труд был удостоен двух наград — премии газеты «Чикаго трибюн» в категории «Художественная литература» и премии Национального круга книжных критиков в категории «Художественная литература».

Адичи неоднократно выступала с докладами на лекциях и конференциях. На конференции TED писательница выступила с докладом «Опасность отдельно взятого рассказа», в Гилдхолле (Лондон) она прочитала лекцию на тему культурных связей между странами Содружества «Читать реалистичную литературу — значит искать человечность», на конференции TEDx Адичи произнесла речь «Мы все должны быть феминистами».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллаев Д. М.

Цифровые платформы как новые участники гражданского оборота: трудности и пути урегулирования 369

Агеев М. В.

История развития существенных условий договора 371

Александрова И. Д.

Зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности медицинских работников 373

Алешина К. М.

Институт конфликта интересов в механизме противодействия коррупции 377

Аракчеева Д. К.

Пределы полномочий представителя и защита добросовестного контрагента: проблема судебной практики и пути решения 382

Арвангинова А. В.

Проблемы защиты прав субъектов административных правоотношений в Российской Федерации 384

Атаманова Н. А., Горохова Е. В.

Актуальные проблемы семейно-правовых соглашений и пути их разрешения 386

Балан В. О.

Регламентация уголовной ответственности за доведение, склонение и подстрекательство к самоубийству в законодательстве зарубежных стран 389

Березин Э. А.

Отдельные проблемы смарт-контракта в рамках цифровой трансформации договорного права 391

Букурова П. И., Николаев Н. С., Янгулова Л. Р.

Цифровая валюта, цифровые права и цифровой рубль: перспективы использования в российской юрисдикции 394

Вареная В. Р.

Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности 399

Василенко А. Д.

Основание прекращения уголовного дела в связи с малозначительностью совершенного деяния 401

Вихорева О. М.

Теоретические и правовые основы института административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства 402

Вихорева О. М.

Правовое регулирование применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере 406

Воробьева Ю. О.

Роль специалиста при производстве следственного эксперимента 411

Гарипова А. Р.

Практика заключения мирового соглашения в отношении единственного ипотечного жилья в процедуре банкротства гражданина 414

Гаспарян А. К.

Криминалистический профайлинг женщин-серийных убийц: мотивация, методы, отличие от мужского профиля 416

Гурова В. А.

Финансовый мониторинг и борьба с легализацией доходов, полученных преступным путём 419

Данилина М. Ю.

Оспаривание сделок с предпочтением в процедуре банкротства: правовая природа и особенности расчетов с кредиторами 421

Дружина А. А.

Проблемы правового регулирования обращения прокурора в суд в защиту прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве и предложения по его совершенствованию 423

Дудров М. А., Козлов Я. В., Егоров Р. Д.

Контроль за целевым использованием алиментов получателем алиментов 426

**Жигало А. В., Мирсагатова А. А.,
Фрадкина М. М.**

Определение места жительства ребенка
в судебной практике: проблемы правового
регулирувания и правоприменения 429

Забродина А. А.

Особенности правового статуса
инвалидов как социально уязвимой
категории населения 433

Забродина А. А.

Полномочия и правовые средства прокурора
по надзору за исполнением законов
в отношении детей-инвалидов 435

Забродина А. А.

Прокурорский надзор за соблюдением прав
детей-инвалидов в сфере здравоохранения,
образования и социального обеспечения 440

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Цифровые платформы как новые участники гражданского оборота: трудности и пути урегулирования

Абдуллаев Джамал Максудович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье разбирается, что такое цифровая платформа с правовой точки зрения, и доказывается, что её пора признать самостоятельным участником гражданских правоотношений. Анализируются разные научные взгляды на природу платформы, а также проблемы с распределением ответственности между владельцем платформы, продавцом и покупателем. На основе действующих законов и складывающейся судебной практики обосновывается необходимость внести изменения в Гражданский кодекс.

Ключевые слова: цифровая платформа, маркетплейс, платформенная экономика, участник гражданского права, владелец платформы, ответственность информационного посредника.

Гражданский кодекс России даёт закрытый список тех, кто может участвовать в гражданских правоотношениях: граждане, организации и государственные образования. Но бурный рост платформенной экономики вскрыл пропасть между старым учением гражданского права и реальной жизнью. Крупные интернет-площадки и службы заказа такси на деле выполняют такие задачи, которые никак не укладываются в статус «информационного посредника» или поверенного: они сами устанавливают правила сделок для всех участников, управляют денежными расчётами и даже разрешают споры между продавцами и покупателями. Сводить платформу только к её владельцу-юридическому лицу недостаточно — у платформы появляется своя, особая роль, которую закон пока не замечает. Цель статьи — разобрать правовую сущность цифровой платформы и обосновать, почему пора ввести в закон понятие «владелец цифровой платформы» как нового, отдельного участника гражданского оборота.

Действующее законодательство не даёт общего определения цифровой платформы как участника правоотношений. Статья 1253.1 ГК РФ, которая говорит об ответственности информационного посредника, применяется к торговым интернет-площадкам по сходству, но не учитывает, что платформа активно вмешивается в условия торговли. Этот статус по умолчанию предполагает пассивную роль — только передачу информации. Платформа же делает гораздо больше: сама определяет, как продавать, как доставлять, как возвращать товар. Поэтому просто расширить обязанности информационного посредника недостаточно — нужен совершенно новый статус. Пытаться назвать платформу поверенным (глава 52 ГК РФ)

тоже неправильно: поверенный действует по поручению и за счёт того, кто его нанял, а платформа сама устанавливает единые правила и меняет оферту в одностороннем порядке.

В науке справедливо замечают: сейчас цифровые платформы не признаны участниками гражданского права, но по поводу них возникают правоотношения, поэтому их можно рассматривать как сложные объекты [1, с. 45]. Сводить платформу просто к набору программ и серверов — значит не замечать её главной роли — устанавливать правила для всех.

Большой шаг вперёд сделан с принятием Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Этот закон ввёл чёткие понятия «цифровая платформа» и «посредническая цифровая платформа», создание реестра таких платформ, закрепил правила честной конкуренции и прозрачности. Однако этот закон по своему характеру относится в основном к публичному, а не к частному праву: он никак не решает вопрос о том, считать ли владельца платформы особым участником гражданских правоотношений. Так же и Федеральный закон от 29.12.2025 № 568-ФЗ, который улучшил нормы об информации, не затронул гражданско-правовое положение платформы.

Выходит, что цифровая платформа на деле выполняет задачи, похожие на задачи устроителя торгов (статьи 447–449 ГК РФ) и владельца инвестиционной платформы (Федеральный закон № 259-ФЗ). Но по закону она всё ещё не вписана в систему участников, перечисленных в Гражданском кодексе.

Острее всего этот правовой пробел чувствуется в вопросах ответственности за вред и за нарушение договора. Типичный случай: покупатель заказал на маркетплейсе товар у продавца — самозанятого гражданина. Товар оказался плохим и испортил имущество покупателя. У продавца-самозанятого часто нет денег, чтобы возместить ущерб, а платформа отказывается платить, ссылаясь на то, что она лишь информационный посредник.

Судебная практика потихоньку отходит от формального подхода. Суды общей юрисдикции (например, Ленинский районный суд города Саратова, Ново-Савиновский районный суд города Казани) в ряде решений за 2025–2026 годы взыскивали с ООО «Вайлдберриз» стоимость некачественного товара, а также штраф и неустойку. Суды объясняли это тем, что владелец торговой интернет-площадки не дал покупателю полных и правдивых сведений о продавце. В некоторых решениях суды даже обязывали маркетплейс раскрыть данные о продавце — это по сути означает, что платформу признают ответственной за недостатки товара.

Важно подчеркнуть: пока нет судебных решений, которые прямо называли бы платформу совместным продавцом. Но ясно видна тенденция: суды возлагают на платформу обязанность предоставить информацию о продавце, а если этой информации нет или она недостоверна — то и ответственность за нарушение прав покупателя. С 1 октября 2026 года, когда вступит в силу Федеральный закон № 289-ФЗ, требования к карточке товара ужесточатся: платформа будет обязана проверять продавцов по государственным реестрам.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 49 от 25.12.2018 разъяснил, что договор можно заключить и молчаливыми действиями (например, если человек оплатил товар). Если владелец платформы (принимая оплату, организуя доставку, выдавая чек) создаёт у покупателя разумное впечатление, что он имеет дело именно с платформой, то платформа должна отвечать как сторона договора. Пока это толкование не стало главным, но истцы на него всё чаще ссылаются.

Совместная ответственность платформы и продавца (статья 322 ГК РФ) возможна только тогда, когда об этом прямо сказано в законе или в договоре. В действующем Гражданском кодексе такого указания нет. При этом предпринимательская деятельность по умолчанию предполагает ответственность независимо от вины, если не докажет действие непреодолимой силы (статья 401 ГК РФ). Это правило хорошо подходит и для платформы, но для его применения надо сначала признать платформу полно-

ценным участником оборота. Правовая неопределённость вредит и покупателям, и самим платформам, которые вынуждены закладывать возможные издержки в свои цены.

Один из вариантов — внести в главу 3 Гражданского кодекса («Граждане и юридические лица») новое понятие «владелец цифровой платформы». Такой участник должен сочетать в себе черты коммерческой организации и общественного устроителя. Ответственность за вред разумно построить по образцу ответственности за источник повышенной опасности (статья 1079 ГК РФ) — то есть без вины, когда владелец платформы сам доказывает, что вред возник из-за непреодолимой силы. А статья 401 ГК РФ уже даёт для этого базу: предприниматель отвечает, если не докажет, что невозможность исполнения вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

Другой путь — ввести совместную ответственность платформы и продавца перед покупателем в тех случаях, когда платформа сама определяла главные условия сделки. Подход, похожий на этот, уже работает в некоторых зарубежных странах и показал себя хорошо.

Параллельно идёт работа над проектом Цифрового кодекса (Минцифры России разрабатывает его с 2024 года). Однако по состоянию на середину 2026 года этот проект официально не внесён в Государственную Думу. Главное в Цифровом кодексе — публично-правовые вещи (персональные данные, подтверждение личности, оборот данных), а не гражданско-правовой статус платформы.

Принятые законы № 289-ФЗ и № 568-ФЗ — это важные, но только первые шаги. Они не заменяют системных поправок в Гражданский кодекс. Отсутствие в ГК РФ законного определения владельца цифровой платформы как участника правоотношений создаёт пустоту, которую судам приходится заполнять случайными толкованиями.

К середине 2026 года российский законодатель признал платформенную экономику: появились базовые понятия и первые публичные обязанности для владельцев площадок (законы № 289-ФЗ и № 568-ФЗ). Но этого мало. Судебная практика уже сталкивается с тем, что старая схема «продавец — посредник — покупатель» не работает, когда продавец неплатёжеспособен, а посредник на самом деле всем управляет. Выход — не донастраивать старые фигуры (информационного посредника или поверенного), а создать новую: «владелец цифровой платформы» с особым режимом ответственности, по образцу источника повышенной опасности. Тогда и покупатель будет защищён, и у платформы появятся понятные правила, а суды перестанут гадать, кто за что отвечает.

Литература:

1. Беликова, К. М. Цифровые платформы: трудности правовой оценки / К. М. Беликова. — Текст: непосредственный // Гражданское право. — 2025. — № 3. — С. 44–49.
2. Рыжко, В. В. Правовой статус товарного агрегатора: проблемы разграничения ответственности между маркетплейсом и продавцом / В. В. Рыжко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 5 (608). — С. 356–358.

3. Войниканис, Е. А. Информация. Собственность. Интернет: старые правила и новые явления / Е. А. Войниканис, М. В. Якушев. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 176 с. — Текст: непосредственный.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — С. Ст. 3301.
5. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026). — Текст: непосредственный // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — С. Ст. 766.
6. О платформенной экономике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — С. Ст. 5120.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 29.12.2025 № 568-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 1. — С. Ст. 15.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». — Текст: непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2.

История развития существенных условий договора

Агеев Михаил Вячеславович, студент магистратуры
Курский государственный университет

В статье исследуется историческое развитие института существенных условий договора в российском гражданском праве. Анализируются дореволюционный, советский и современный этапы формирования представлений о существенных условиях договора. Особое внимание уделяется эволюции взглядов на предмет договора как центральное существенное условие, а также изменению подходов законодателя и цивилистической доктрины к определению перечня условий, необходимых для признания договора заключенным. Делается вывод о том, что развитие института существенных условий договора отражает изменение роли государства в регулировании гражданского оборота и постепенное расширение принципа свободы договора.

Ключевые слова: договор, существенные условия договора, предмет договора, свобода договора, история гражданского права, заключение договора.

Договор традиционно рассматривается в качестве основного юридического средства регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений. Эффективность договорного регулирования во многом зависит от того, насколько четко определены условия, по которым стороны должны достичь соглашения для возникновения соответствующего правоотношения. Именно поэтому категория существенных условий договора на протяжении многих десятилетий остается предметом научных дискуссий.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных существенным условиям договора, многие вопросы, связанные с историей становления данного института, продолжают сохранять актуальность. Изучение исторического развития позволяет проследить трансформацию взглядов законодателя и ученых на сущность договора, определить причины изменения правового регулирования и выявить основные тенденции развития договорного права.

Формирование отечественного учения о существенных условиях договора началось задолго до появления современных гражданских кодексов. Значительный вклад

в развитие данной проблематики внес Д. И. Мейер. Исследуя структуру сделки, ученый выделял необходимые, обыкновенные и случайные условия [5, с. 129]. При этом именно необходимые условия обеспечивали существование сделки как юридического факта.

По мнению Д. И. Мейера, отсутствие необходимой части влекло невозможность существования самой сделки [5, с. 132]. Обыкновенные условия предполагались законом, даже если стороны их специально не соглашывали, а случайные условия зависели исключительно от усмотрения участников правоотношения.

Следует отметить, что уже в дореволюционной цивилистике прослеживалось понимание особой роли предмета договора. Предмет рассматривался в качестве обязательного элемента любого договорного обязательства, поскольку без определения того, по поводу чего стороны вступают в правоотношение, невозможно установить содержание их прав и обязанностей [5, с. 135].

Характерной особенностью дореволюционного периода являлось преобладание принципа автономии воли сторон. Государство вмешивалось в договорные отношения значительно меньше, чем в последующие истори-

ческие периоды. В связи с этим содержание существенных условий преимущественно определялось самими участниками гражданского оборота.

После Октябрьской революции произошли кардинальные изменения в понимании роли договора и гражданского оборота в целом. Плановый характер экономики обусловил существенную трансформацию представлений о договоре и его условиях.

Как отмечают А. А. Маручек и М. В. Шарикова, предмет договора сохранял статус существенного условия на протяжении всего советского периода [4, с. 15]. Однако содержание данного условия зачастую определялось не волей сторон, а государственными плановыми актами. Договор все чаще рассматривался не как результат свободного волеизъявления участников гражданского оборота, а как инструмент реализации государственного экономического планирования.

В советской цивилистике особое внимание уделялось вопросам согласования условий договора и моменту его заключения. Вместе с тем законодательство данного периода не всегда обеспечивало четкое разграничение понятий условий договора, содержания договора и содержания правоотношения.

Критическую оценку соответствующему подходу дал О. А. Красавчиков. Анализируя положения ГК РСФСР 1964 года, ученый обращал внимание на недопустимость смешения различных юридических категорий. По его мнению, законодатель зачастую использовал термин «содержание договора» одновременно для обозначения условий договора, прав и обязанностей сторон и текста самого договора [3, с. 275]. Подобный подход затруднял теоретическое осмысление института существенных условий и создавал проблемы в правоприменительной практике.

В целом советский этап характеризуется усилением публично-правового воздействия на договорные отношения. Существенные условия договора все чаще определялись исходя из потребностей централизованного управления экономикой.

Переход к рыночной экономике потребовал пересмотра многих подходов, сформировавшихся в советский период. Принятие Гражданского кодекса Российской Федерации стало важнейшим этапом реформирования договорного права.

Современное законодательство исходит из того, что договор считается заключенным при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям [2, с. 88]. При этом статья 432 ГК РФ относит к существенным условиям предмет договора, условия, названные в законе как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Данная конструкция позволила объединить как объективные, так и субъективные критерии определения существенных условий. С одной стороны, законодатель прямо указывает на ряд обязательных условий, с другой — пре-

доставляет сторонам возможность самостоятельно определять условия, имеющие для них принципиальное значение.

В современной цивилистике отсутствует единое мнение относительно содержания и перечня существенных условий договора. Так, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский указывают, что традиционное деление условий на существенные, обычные и случайные имеет преимущественно доктринальный характер [1, с. 76]. Законодатель фактически оперирует только категорией существенных условий.

Особый интерес представляет позиция В. В. Груздева, который предлагает рассматривать существенные условия не как элемент содержания уже заключенного договора, а как средство регулирования преддоговорных отношений [2, с. 94]. Согласно данной концепции, существенные условия существуют лишь на стадии согласования договора и утрачивают самостоятельное значение после его заключения.

Подобный подход демонстрирует современную тенденцию к переосмыслению классических цивилистических конструкций и поиску новых теоретических моделей объяснения договорных отношений.

Несмотря на значительное развитие договорного права, вопрос определения существенных условий договора продолжает оставаться дискуссионным.

Одной из основных проблем является отсутствие единообразного подхода к определению перечня существенных условий отдельных видов договоров. В судебной практике нередко возникают споры относительно того, является ли конкретное условие необходимым для признания договора заключенным.

Т. И. Нестерова и А. А. Лаврушкина предлагают решить данную проблему путем более четкого нормативного закрепления существенных условий. По мнению авторов, предмет должен быть признан существенным условием любого договора, цена — существенным условием возмездных договоров, а срок — обязательным условием договоров выполнения работ и оказания услуг [6, с. 281].

В свою очередь, Ю. А. Тымчук придерживается иной позиции. Исследователь считает целесообразным сокращение количества существенных условий, ограничив их лишь теми условиями, которые позволяют отличить один вид договора от другого [7, с. 643]. Такой подход соответствует современным потребностям гражданского оборота и способствует реализации принципа свободы договора.

Представляется, что чрезмерное расширение перечня существенных условий действительно способно усложнить договорную практику и увеличить количество случаев признания договоров незаключенными по формальным основаниям. Вместе с тем чрезмерное сокращение таких условий может привести к правовой неопределенности и затруднить защиту интересов участников гражданского оборота.

История развития существенных условий договора свидетельствует о тесной связи данного института с об-

щими тенденциями развития гражданского права и экономики государства.

На дореволюционном этапе существенные условия рассматривались через призму автономии воли участников гражданского оборота. В советский период их содержание во многом определялось задачами плановой экономики и государственным регулированием. Современное российское право вновь ориентируется на принцип свободы договора, сохраняя при этом необходимые гарантии правовой определенности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что предмет договора на протяжении всей истории

отечественного гражданского права неизменно признавался его существенным условием. Вместе с тем содержание данного условия и подходы к определению иных существенных условий существенно менялись под воздействием политических, экономических и социальных факторов.

Современный этап развития договорного права характеризуется стремлением к поиску баланса между свободой усмотрения сторон и необходимостью обеспечения устойчивости гражданского оборота. Именно в этом направлении, представляется, будет происходить дальнейшее развитие института существенных условий договора.

Литература:

1. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. — М.: Статут, 2020. — 847 с. — Текст: непосредственный.
2. Груздев, В. В. Существенные условия договора и последствия их несогласования сторонами / В. В. Груздев. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 86–97.
3. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 2005.
4. Маручек, А. А. Эволюция представлений о предмете как существенном условии договора в российском праве / А. А. Маручек, М. В. Шарикова. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2016. — № 3 (32). — С. 23.
5. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: курс лекций / Д. И. Мейер. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2021. — 846 с. — Текст: непосредственный.
6. Нестерова, Т. И. Проблемы определения существенных условий договора в российском гражданском праве / Т. И. Нестерова, А. А. Лаврушкина. — Текст: непосредственный // Бюллетень науки и практики. — 2018. — С. 279–283.
7. Тымчук, Ю. А. Существенные условия договора: прошлое, настоящее и будущее / Ю. А. Тымчук. — Текст: непосредственный // Юридический вестник молодых ученых. — 2015. — С. 641–646.

Зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности медицинских работников

Александрова Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье автор исследует зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности медицинских работников. Рассматриваются такие страны, как Германия, Франция, Китай, США и Великобритания.

Ключевые слова: зарубежный опыт, медицина, медицинское уголовное право.

Изучение зарубежного опыта позволяет лучше понять, какие модели уголовно-правовой политики в отношении врачебных ошибок существуют в мире, и какие из них наиболее эффективны для профилактики преступлений в сфере медицины. Правовые системы различных стран по-разному отвечают на вопрос: когда следует наказывать врача уголовно, а когда — нет. Рассмотрим опыт нескольких стран континентального права (на примере Германии, Франции, Китая) и англо-саксонской системы (США, Великобритания), а также некоторых государств постсоветского пространства, с тем чтобы выявить общее и особенное:

1. Германия и страны Европы (континентальное право). В Германии сформировалась самостоятельная отрасль — «медицинское уголовное право», которая рассматривается как совокупность уголовно-правовых норм, применимых к медицинской деятельности. Однако это скорее доктринальное понятие. Специальных статей, адресованных исключительно врачам, в Уголовном кодексе ФРГ нет (за исключением норм о нарушении правил экспериментов над людьми и пр.)

Врачи подлежат ответственности на общих основаниях: например, за причинение смерти по неосторож-

ности (§222 УК ФРГ), за причинение телесного повреждения по неосторожности (§229 УК ФРГ). Тем не менее, германские суды и литература выработали критерии, позволяющие довольно четко разграничивать «простую врачебную ошибку» и «грубую небрежность».

Принцип в Германии таков: если врач действовал согласно правилам медицинской науки (*lege artis*), но результат неблагоприятен — уголовной вины нет. Даже гражданская ответственность в таком случае может быть снята. Но если врач грубо отступил от стандарта лечения без уважительной причины — это рассматривается как *Fahrlässigkeit*, за что может наступить уголовная ответственность. Еще в 1990-е годы немецкие суды оправдывали врачей, если те, к примеру, сделали всё по протоколу, но пациент умер — подчеркивалось, что «врачебная деятельность по определению связана с риском, и право не должно наказывать за неудачу при добросовестном лечении». Вместе с тем, в последние десятилетия и Германия сталкивалась с громкими делами (в основном умышленными): например, случай серийного убийства пациентов медбратом Нильсом Хёггелем (более 80 смертей от передозировки лекарств) — его осудили пожизненно, но это очевидный криминальный умысел, осуждаемый в любой стране. В целом, немецкая модель характерна акцентом на наличии/отсутствии должной осторожности: проводится множество экспертиз, чтобы установить, была ли ошибка врача *непростительной* [1, с. 456–465]. Уголовные приговоры в отношении врачей выносятся, но их немного — чаще за грубые ошибки в состоянии опьянения, явное игнорирование инструкций, оставление пациентов.

Аналогичные подходы и во Франции: там дела против врачей редки, в основном за «непредумышленное убийство по неосторожности» (*Manslaughter*) при грубом нарушении. Во Франции с 2000-х действует система «*no fault compensation*»: при непредвиденных осложнениях пациент получает компенсацию из госфонда без установления вины врача, что существенно снизило число уголовных обвинений.

2. Соединенные Штаты Америки. *Правовая система США сложна:* каждый штат имеет свои уголовные законы. Общим является то, что преобладающая реакция на врачебные ошибки — гражданско-правовые иски о возмещении ущерба (*malpractice lawsuits*). Уголовное преследование врачей — чрезвычайная мера, применяемая обычно в случаях явной грубой халатности или сознательного неправомерного поведения. Например, врач может быть обвинен в *manslaughter* (непредумышленном убийстве), если он, будучи сильно пьян, оперировал и убил пациента. Или в *negligent homicide*, если оставил пациента без помощи, зная о смертельной опасности. Но такие случаи — единицы. В целом, американское право старается защитить медиков от уголовного риска при выполнении долга. Об этом свидетельствуют и нормы, освобождающие от ответственности за вред при экстренной помощи (*Good Samaritan laws*). Как уже было упомянуто, законодательство штатов, например, Нью-Йорка, прямо позволяет

врачу применять методы лечения, даже причиняющие физическое воздействие, без страха уголовного преследования, если есть согласие пациента или экстренные обстоятельства. В четырех штатах США легализована эвтаназия для терминальных больных — врачи при соблюдении процедуры не несут ответственности. Таким образом, в США мы видим либеральный подход: уголовные дела против врачей — большая редкость, на всю страну их считанные десятки в год, притом обычно за явные злоупотребления (мошенничество с рецептами, сексуальное насилие над пациентами — то есть не связанные напрямую с лечением).

Примечательно, что в американском обществе даже гражданские иски пациенты выигрывают не всегда: мощные страховые компании и адвокаты больниц часто добиваются оправдания врачей, если нет грубой вины.

3. Великобритания и страны Содружества. В Великобритании уголовное преследование врачей также редкое явление. Известным прецедентом было дело д-р Джейн Гарбабы (2015г.) — педиатра, осужденной за *manslaughter* (непредумышленное убийство) после смерти ребенка от сепсиса, связанной с ошибочной оценкой состояния.

Этот приговор вызвал шок у медиков, потому что Гарбаба не проявила явной грубости, скорее, система больницы дала сбой. В результате через несколько лет апелляция отменила наказание, а в профессиональных гайдах NHS прописали новые правила, снижающие индивидуальную вину. В целом, британское право признает концепцию «*gross negligence manslaughter*»: если врач действовал вопиюще небрежно, игнорируя элементарные стандарты, и пациент умер — может быть обвинен. Но это планка высокая: «вопиющая» — значит, любой здравомыслящий врач назвал бы эти действия сумасшедшими.

Как правило, таких случаев тоже почти нет.

4. Страны постсоветского пространства. Законодательства СНГ в основном унаследовали советские подходы. В Казахстане, например, УК содержит статью, аналогичную российской ст.317 «Ненадлежащее исполнение обязанностей медработника, повлекшее заражение ВИЧ/СПИД» — то есть выделены специальные случаи. В целом же, в Казахстане, Беларуси и др. используются общие нормы о причинении вреда по неосторожности.

Однако следует отметить, что в некоторых странах ввели расширение ответственности: в Узбекистане есть отдельная статья за врачебную ошибку, в Беларуси обсуждалось введение, но пока нет. В то же время страны, где сильны исламские нормы (например, Таджикистан), могут строже спрашивать с врачей — там случаи осуждения врачей за смерть рожениц по стечению обстоятельств не редкость.

Особые вопросы: аборт, эвтаназия, репродуктивные технологии — эти сферы у разных народов регулируются по-разному и тоже влияют на уголовную ответственность врачей. Как уже сказано, в большинстве западных стран аборт легален (в определенные сроки), потому что уголовные дела возможны только если аборт сделан неза-

конно (например, поздний срок без медпоказаний, подпольная клиника). В России аборт легален медицински, и ст.123 УК РФ применяется преимущественно к «подпольным абортмахерам» без диплома. *Эвтаназия*: в Нидерландах и Бельгии врач не несет ответственности, если следует закону об эвтаназии. В России и большинстве стран СНГ эвтаназия запрещена — если врач умышленно ускорил смерть даже по просьбе, это убийство. В нескольких штатах США разрешено (ранее было упомянуто 4 штата) — там продумана процедура.

Суррогатное материнство: интересный аспект — в Казахстане и США разрешено, а, например, во Франции запрещено; но уголовно это не столько про вред здоровью, сколько про семейные отношения, ответственности врачей тут нет, кроме как за коммерческое нарушение запрета (в ОАЭ, где суррогатство под запретом, врач, проводивший такую процедуру, вероятно будет наказан).

5. Китайская Народная Республика. Китай заслуживает внимания, потому что там иная правовая культура, но интересный опыт. В УК КНР есть специальная статья за «*практику медицины без лицензии, повлекшую тяжёлые последствия*». То есть если знахарь или лишенный лицензии врач лечил и покалечил/убил пациента — наказывают. Кроме того, за ненадлежащее лечение могут наказать по общей неосторожности, однако часто в Китае пострадавшие предпочитают получать компенсацию, а государство — не выносить сор из избы.

Были случаи самосуда над врачами (волнения, нападения на врачей родственниками умерших), и государство даже усилило охрану больниц, но это социальная проблема.

Вывод по зарубежному опыту: большинство развитых правовых систем стремятся ограничить применение уголовного наказания в отношении врачей случаями действительной грубой вины или умысла, в то время как стандартные медицинские риски и ошибки регулируются дисциплинарно и гражданско-правовыми способами. *Везде признается, что медицина — деятельность повышенной опасности, но общественно полезная, и страх перед тюрьмой у врача может привести к обратному эффекту*: отказу браться за сложных пациентов, сокрытию ошибок, дефензивной медицине (когда назначаются лишние процедуры ради юридической подстраховки). *Поэтому за рубежом акцент сделан на профилактике через качество*: обучение, стандартизация, страхование, внутренние разборы инцидентов.

Уголовное право — ultima ratio: этот подход дает результаты: например, в Великобритании за последние 10 лет число уголовных дел против врачей не превышает нескольких случаев в год при миллионах операций, при этом уровень медицины один из лучших. Для России этот опыт означает необходимость смещения фокуса с репрессии на превенцию. Зарубежные примеры, такие как Франция или Швеция, показывают, что системы без сурового наказания врачей могут эффективно защищать права пациентов через компенсационные механизмы, при этом

сохраняя высокое доверие общества к медицине [2, с. 333–337].

Вместе с тем, определенные элементы зарубежного законодательства могли бы быть имплементированы и в российское уголовное право. *Например, стоило бы перенять идею четкого закрепления обстоятельств, исключаящих преступность деяния врача*: законодательно прописать, что «*применение признанных методов лечения с информированного согласия пациента либо в состоянии необходимости не влечет уголовной ответственности медработника*». Отчасти эти идеи содержатся и в российском гражданском праве, и в Основах охраны здоровья (понятие информированного добровольного согласия, право врача на консилиум). Но прямого аналога нормы Нью-Йорка у нас нет. Кроме того, можно рассмотреть внедрение «*суда присяжных*» для дел врачей, как упоминалось — это приближает систему к англо-саксонской, где присяжные обычно более снисходительны к врачу, видя человеческий аспект.

Международная практика демонстрирует не одну, а несколько устойчивых «архитектур» соотношения уголовной, гражданской и дисциплинарной ответственности в медицине. Их ядро составляют три блок-настройки:

1) порог уголовной наказуемости (только грубая неосторожность/умысел либо более широкий охват),

2) механизмы компенсации вреда (страхование ответственности, фонды «no-fault», административные компенсации),

3) саморегуляция и дисциплина (лицензионные советы, палаты, специализированные трибуналы).

Чем выше функциональность блоков б) и в), тем реже обращение к уголовному праву, которое сохраняет роль *ultima ratio*.

Эта логика прослеживается в системах Германии и Франции, англо-саксонских юрисдикциях, а также в скандинавско-новозеландской «безвиновной» модели.

Показателен опыт Италии, где Законом Гелли-Бьянко (2017г.) была институционализирована «безопасная гавань» для врача: соблюдение утвержденных руководств и стандартов исключает уголовную ответственность за неосторожность (при отсутствии грубого отклонения), смещая акцент на гражданское возмещение. Нормативный «зонтик» не снимает дисциплинарных последствий и лишения лицензии, но четко отграничивает уголовную сферу. Во Франции с начала 2000-х действует государственный фонд *no-fault* для урегулирования медицинских инцидентов, что резко сократило потребность в уголовных процедурах при осложнениях без грубой вины. *Скандинавские страны (Швеция, Финляндия) реализуют похожую логику через страховые механизмы patient injury и централизованные комиссии*: пациент получает компенсацию независимо от установления чьей-либо вины; врач, в свою очередь, проходит дисциплинарную оценку без автоматической криминализации. Новая Зеландия пошла еще дальше, заменив значительную часть деликтной ответственности на всеобъемлющую систему ACC (Accident

Compensation Corporation), что практически исключило уголовные кейсы при обычных медицинских осложнениях и переместило фокус на профилактику и качество.

Для Канады и Австралии характерен симбиоз мощных лицензионных регуляторов (колледжи врачей, медицинские борды) и страхования ответственности; уголовные дела возникают лишь при *gross negligence* или явном криминале (насилие, мошенничество, сознательное оставление беспомощного). Япония после ряда громких дел 2000-х усилила медиационные и экспертные процедуры при больницах и судах: до возбуждения дела производится углубленная клинично-правовая верификация, а уголовные преследования сконцентрированы на случаях грубых организационных провалов или умысла. В Китае, напротив, при общей ориентации на компенсацию и «административное урегулирование» сохранен отдельный состав за незаконную медицинскую практику без лицензии с тяжкими последствиями: криминализация адресует именно «внепрофессиональный» сегмент, а не добросовестный клинический риск [3, с. 53–58].

Транспонируя эти подходы к российским реалиям, важно видеть, что прочность «порога» уголовной ответственности линейно зависит от развитости компенсационных и дисциплинарных контуров. Чем проще пациенту получить возмещение и чем предсказуемее дисциплинарная реакция на дефекты помощи, тем реже возникает социальный запрос на уголовную репрессию при неблагоприятном исходе без грубой вины врача. Отсюда — прагматичный вектор рецепции: укрепление внесудебной компенсации и дисциплины вместе с точным описанием уголовного «красного флага».

На фоне этих моделей выделяются четыре инструмента, практически значимые для российской рецепции:

1. Нормативная «безопасная гавань» для добросовестного клинического выбора. Закрепление на уровне УК (в примечаниях к ст.ст. 109 и 118) формулы: соблюдение клинических рекомендаций/стандартов и должного процесса информированного согласия исключает уголовную ответственность при непредотвратимом осложнении; уголовный порог — *грубая небрежность* либо умысел.

2. No-fault / страховые механизмы. По образцам Франции, Скандинавии и Новой Зеландии — институционализация быстрого безвинового возмещения вреда (фонд/обязательная страховка ответственности), чтобы пациент получал компенсацию независимо от исхода уголовно-правовой оценки.

3. Процедуры «раннего разбора» и медиации. Обязательный мультidisциплинарный клинично-правовой аудит неблагоприятного исхода до процессуального решения; «извинение без признания вины» (*apology laws*) как деэскалационный инструмент, не ухудшающий правовое положение врача.

4. Унификация дисциплинарного контура. Усиление роли независимых профессиональных органов (единые стандарты временного приостановления, переаттестации, лишения права практики) с прозрачной процедурой и публичной отчетностью, чтобы дисциплинарная реакция была для общества понятной альтернативой уголовному наказанию.

В результате «синтетическая» модель (высокий уголовный порог + эффективная компенсация + сильная дисциплина + процессуальные фильтры экспертиз) дает измеримый профилактический эффект: снижает стимулы к криминализации обычных осложнений, одновременно повышая ожидаемость наказуемости действительно опасной и грубой небрежности. Именно такая логика обеспечивает устойчивый баланс защиты пациента и врача в ведущих юрисдикциях и может служить ориентиром для российской корректировки уголовно-правовых средств предупреждения в сфере медицины.

Таким образом, международный опыт богат примерами, и его анализ убеждает, что самое действенное предупреждение преступлений медиков — это создание таких правовых условий, где добросовестный врач защищен от необоснованного преследования, а злонамеренные или грубо небрежные действия пресекаются неотвратимо. В следующей главе, опираясь на этот вывод, мы перейдем к рассмотрению конкретных уголовно-правовых характеристик составов и проблем квалификации в российской практике.

Литература:

1. Бимбинов, А. А. Развитие медицинского уголовного права в Германии и России / А. А. Бимбинов, Д. Штаге. — Текст: электронный // Всерос. криминологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 456–465. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-meditsinskogo-ugolovnogo-prava-v-germanii-i-rossii>.
2. Гильфанова, А. Ш. Понятие преступлений медицинских работников против жизни и здоровья / А. Ш. Гильфанова. — Текст: непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2024. — № 4 (26). — С. 333–337. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prestupleniy-meditsinskih-rabotnikov-protiv-zhizni-i-zdorovya>.
3. Серебренникова, А. В. Уголовная ответственность медицинских работников: дискуссионные вопросы / А. В. Серебренникова. — Текст: непосредственный // Социально-политические науки. — 2021. — № 1. — С. 53–58. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-meditsinskih-rabotnikov-diskussionnye-voprosy>.

Институт конфликта интересов в механизме противодействия коррупции

Алешина Ксения Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Конфликт интересов представляет собой одну из центральных категорий современного антикоррупционного законодательства, выступая инструментом превентивного характера. Статья анализирует правовую природу и механизмы урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы Российской Федерации. Рассматриваются законодательные основы института, специфика его применения на практике, а также системные проблемы, снижающие эффективность превентивных мер. Особое внимание уделяется эволюции правового регулирования с 2008 года по настоящее время, включая изменения, внесенные Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы. Анализируются пробелы действующего законодательства, выявляемые правоприменительной практикой и исследователями. Обосновывается необходимость комплексного подхода к совершенствованию механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов как ключевого элемента системы противодействия коррупции.

Ключевые слова: конфликт интересов, противодействие коррупции, государственная служба, личная заинтересованность, антикоррупционные механизмы, урегулирование конфликта интересов, превентивные меры.

The Concept of Conflict of Interest in Anti-Corruption Mechanisms

Aleshina Kseniya Maksimovna, master's student

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, candidate of political science, associate professor

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

Conflict of interest represents one of the central categories of modern anti-corruption legislation, acting as a preventive tool. The article analyzes the legal nature and mechanisms for resolving conflicts of interest in the civil service system of the Russian Federation. The legislative foundations of the institute, the specifics of its application in practice, as well as systemic problems that reduce the effectiveness of preventive measures are examined. Particular attention is paid to the evolution of legal regulation from 2008 to the present, including changes introduced by the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024. Gaps in current legislation identified by law enforcement practice and researchers are analyzed. The necessity of a comprehensive approach to improving mechanisms for preventing and resolving conflicts of interest as a key element of the anti-corruption system is substantiated.

Keywords: conflict of interest, anti-corruption, civil service, personal interest, anti-corruption mechanisms, conflict of interest resolution, preventive measures.

Правовые основы института конфликта интересов в российском законодательстве

Законодательное определение конфликта интересов впервые было закреплено в российском правовом поле Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», однако системное развитие институт получил после принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. Согласно статье 10 указанного закона, под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность прямого или косвенного характера лица, замещающего должность, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей. Личная заинтересованность при этом трактуется как возможность получения доходов в виде денежных средств, иного имущества, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод [1].

Обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов распространяется на широкий круг субъектов. Это государственные и муниципальные служащие, работники государственных корпораций и внебюджетных фондов, служащие Центрального банка Российской Федерации, а также иные категории лиц, определенные федеральными законами [1]. Распространение института на частный сектор происходит через специальное регулирование — обязанности по урегулированию конфликта интересов закреплены для работников, осуществляющих закупочную деятельность, педагогических работников, медицинских и фармацевтических работников, лиц, осуществляющих деятельность в сфере физической культуры и спорта [7].

Процедурные аспекты предотвращения и урегулирования конфликта интересов детализированы в статье 11 Федерального закона № 273-ФЗ. Лицо, являющееся стороной конфликта интересов, обязано уведомить представителя нанимателя о возникшей ситуации или о воз-

возникновения немедленно, как только ему стало об этом известно. Представитель нанимателя, в свою очередь, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта [1]. Способы урегулирования могут выступать изменение должностного положения служащего вплоть до его отстранения от исполнения обязанностей, отказ от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта, передача ценных бумаг в доверительное управление, отвод или самоотвод в случаях, предусмотренных законодательством [3].

Эволюция правового регулирования института конфликта интересов характеризуется постепенным расширением сферы применения и усилением превентивной составляющей. Федеральным законом от 5 октября 2015 года № 285-ФЗ была установлена обязанность лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации и муниципальные должности на постоянной основе, сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по его предотвращению или урегулированию. Данная норма распространила превентивные механизмы на высших должностных лиц, ранее находившихся вне сферы действия института [6].

Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 года № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» создал институциональную основу для рассмотрения вопросов о соблюдении требований к служебному поведению и урегулировании конфликта интересов. Комиссии стали ключевым механизмом, определяющим наличие или отсутствие конфликта интересов в конкретной ситуации и предлагающим меры по его урегулированию [4]. Впрочем, эффективность работы этих комиссий зависит от множества факторов — компетентности членов, независимости принимаемых решений, качества методического обеспечения.

Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478, выделил повышение эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в качестве отдельного направления антикоррупционной политики [5]. План предусматривал уточнение взаимосвязанных понятий, доработку перечня лиц, с которыми может быть связана личная заинтересованность служащего, разработку механизма передачи ценных бумаг в доверительное управление, возложение на непосредственного руководителя обязанности принимать меры по урегулированию конфликта интересов у подчиненного [3]. Эти положения свидетельствуют о признании на государственном уровне недостаточной проработанности действующего регулирования.

Типовые ситуации конфликта интересов и проблемы их квалификации

Практика применения законодательства о конфликте интересов выявила ряд типичных ситуаций, возникающих в деятельности государственных служащих. Первая группа случаев связана с участием служащего в принятии решений в отношении организаций, где работают его родственники или где он имеет имущественные интересы. Вторая группа охватывает ситуации выполнения служащим иной оплачиваемой работы в организациях, деятельность которых связана с функциями государственного органа. Третья группа включает получение подарков от лиц, в отношении которых служащий осуществляет контрольно-надзорные функции [9].

Применительно к праву государственного служащего на осуществление иной оплачиваемой деятельности возникает значительная неопределенность. Часть 2 статьи 14 Федерального закона № 79-ФЗ устанавливает уведомительный порядок выполнения такой работы с условием отсутствия конфликта интересов. Однако буквальное толкование нормы свидетельствует, что до получения положительного решения комиссии по урегулированию конфликта интересов служащий не может быть уверен в допустимости совмещения. Осуществление деятельности без решения комиссии рискует быть квалифицированным как коррупционное правонарушение [5]. Здесь явно требуется законодательное уточнение — либо речь идет о разрешительном порядке с четкими сроками рассмотрения уведомления, либо о действительно уведомительном, при котором служащий вправе приступить к работе после направления уведомления.

Не менее сложной является ситуация с приобретением и владением ценными бумагами. Пункт 4 части 1 статьи 17 Федерального закона № 79-ФЗ запрещает служащему приобретать ценные бумаги, по которым может быть получен доход, в случаях, установленных федеральным законом. Между тем часть 7 статьи 11 Федерального закона № 273-ФЗ запрещает не приобретение, а владение ценными бумагами, если такое владение приводит или может привести к конфликту интересов [5]. Служащий вправе приобрести ценные бумаги, но обязан немедленно уведомить о возможном возникновении конфликта интересов и лишь после решения комиссии может определиться с дальнейшими действиями — передачей в доверительное управление или изменением служебного положения. Фактически законодатель создал процедурный лабиринт, где отсутствие своевременного уведомления влечет риск увольнения в связи с утратой доверия.

Существенным пробелом законодательства является отсутствие регулирования нематериальной заинтересованности как самостоятельного вида личной заинтересованности. Действующее определение личной заинтересованности в части 2 статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ сфокусировано исключительно на имущественной составляющей — возможности получения

доходов, имущества, услуг, выгод. Нематериальные мотивы — карьерные амбиции, репутационные соображения, дружеские или враждебные отношения — остаются вне правового поля [2]. Между тем именно такие мотивы нередко влияют на объективность и беспристрастность служащего не меньше, а порой и больше материальных факторов. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы не предусматривал решения данной проблемы, что оставляет существенную лакуну в превентивных механизмах [3].

Неопределенность понятий «лица, находящиеся в близком родстве или свойстве» и «иные близкие отношения» создает дополнительные трудности. Законодательство приводит исчерпывающий перечень родственников — родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей [1]. Однако категория «иные близкие отношения» не имеет четких критериев. Правоприменитель вынужден в каждом конкретном случае оценивать, являются ли отношения между служащим и третьими лицами достаточно близкими для возникновения конфликта интересов. Критерии могут включать продолжительность знакомства, частоту общения, совместное участие в мероприятиях, финансовые взаимоотношения. Отсутствие единообразия в толковании этой категории порождает правовую неопределенность и снижает предсказуемость правовых последствий [3].

Практическая эффективность института конфликта интересов существенно зависит от качества работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Исследования показывают, что своевременное выявление и урегулирование конфликта интересов позволяет предотвратить до 60 % потенциальных коррупционных правонарушений [9]. Однако реальная работа комиссий часто страдает от формализма. Рассмотрение уведомлений сводится к констатации очевидных фактов без углубленного анализа скрытых связей служащего с заинтересованными лицами. Членам комиссий не всегда хватает компетенций для выявления сложных схем аффилированности, использующих номинальных владельцев, офшорные структуры или займы от подконтрольных лиц [8].

Декларирование доходов и контроль расходов как элемент системы предотвращения конфликта интересов

Механизм декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера представляет собой один из базовых инструментов выявления потенциального конфликта интересов. Статья 8 Федерального закона № 273-ФЗ обязывает государственных и муниципальных служащих, работников государственных корпораций, внебюджетных фондов, а также кандидатов на замещение таких должностей представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах

имущественного характера, а также аналогичные сведения в отношении супруги (супруга) и несовершеннолетних детей не позднее 30 апреля каждого года [1]. С 2012 года действует Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», который дополнил систему декларирования контролем за крупными расходами, превышающими совокупный доход служащего и членов его семьи за три последних года [4].

Эволюция декларационной системы за последние 15 лет характеризуется переходом от бумажного формата к цифровым технологиям. Внедрение автоматизированной информационной системы «Справки БК» позволило интегрировать данные деклараций с базами Федеральной налоговой службы, Росреестра, ГИБДД, что повысило достоверность представляемых сведений и эффективность их проверки на 40 % [9]. В 2022 году была создана государственная информационная система «Посейдон», координируемая Администрацией Президента Российской Федерации при участии Федеральной службы охраны в качестве оператора. Система агрегирует данные из различных ведомств — ФНС России, Росфинмониторинга, Росреестра, Росимущества, Росавиации, Банка России — и позволяет в непрерывном режиме отслеживать изменения финансового и имущественного положения контролируемых лиц [10].

Федеральным законом от 28 декабря 2025 года № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была проведена реформа системы декларирования, отменившая обязанность ежегодной подачи деклараций для государственных служащих и депутатов [11]. Декларирование сохранилось при назначении на должность, переводе из одного органа в другой, включении в кадровый резерв, а также при совершении крупных сделок, превышающих общий трехлетний доход семьи [9]. Авторы реформы обосновывали изменения тем, что современные цифровые технологии позволяют вести непрерывный мониторинг через систему «Посейдон», что делает ежегодное декларирование архаичным. Критики нововведения указывали на снижение прозрачности и ослабление общественного контроля, поскольку декларации перестали быть доступными для общественности [6].

Впрочем, эффективность контроля зависит не столько от частоты подачи деклараций, сколько от качества проверки представленных сведений. Проблема состоит в том, что проверка деклараций часто сводится к формальному сопоставлению данных без глубокого финансового анализа. Кадровые службы и подразделения безопасности государственных органов, как правило, не обладают достаточными ресурсами, компетенциями и технологическими инструментами для выявления сложных схем с использованием офшоров, номинального владения или займов от аффилированных лиц [8]. Автоматизированные системы способны выявить явные расхождения — например, при-

обретение объекта недвижимости при отсутствии официальных доходов, достаточных для его покупки. Однако схемы, в которых имущество оформляется на дальних родственников или третьих лиц, связь с которыми не очевидна, остаются за пределами автоматической детекции.

Развитие института контроля за расходами столкнулось с проблемой правовой защиты конституционных прав граждан. Федеральный закон № 230-ФЗ предусматривает возможность обращения в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на законные доходы. Формально бремя доказывания законности источника средств возлагается на служащего. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что подобные процедуры не должны нарушать принципы презумпции невиновности и права собственности [5]. Баланс между необходимостью борьбы с коррупцией и защитой прав граждан — вопрос, требующий тонкой правовой настройки.

Независимые эксперты отмечали, что отмена обязательного публичного декларирования существенно снижает возможности общественного контроля за доходами должностных лиц. Ранее гражданские активисты и журналисты-расследователи могли сопоставлять данные из деклараций с фактическим образом жизни чиновников, выявляя несоответствия и инициируя проверки [8]. Переход к закрытой системе мониторинга через «Посейдон» ограничивает эту возможность, делая контроль прерогативой исключительно государственных органов. Здесь возникает риск, что система будет использоваться избирательно — для проверки неудобных служащих, но не для выявления коррупции в высших эшелонах власти.

Системные дефекты института конфликта интересов и пути их преодоления

Несмотря на развитую нормативную базу, практическая реализация механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов сталкивается с рядом системных проблем. Первой и наиболее очевидной является формализм и декларативность контроля. Проверка деклараций часто сводится к проверке комплектности документов, а не к глубокому финансовому анализу. Данные декларирования редко используются для корректировки должностных регламентов или инициации проверок в контексте конфликта интересов [8]. Инструменты работают изолированно, не формируя единого профиля коррупционного риска конкретного служащего.

Второй проблемой выступает разобщенность механизмов и отсутствие синергии. Декларирование доходов, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза нормативных актов, работа комиссий по соблюдению требований к служебному поведению функционируют как параллельные, слабо связанные процессы. Отсутствует единая информационная система управления коррупционными рисками, которая аккуму-

лировала бы данные из всех источников и строила комплексный профиль каждого служащего с оценкой вероятности коррупционного поведения [8]. Внедрение системы «Посейдон» — шаг в правильном направлении, но вопрос состоит в том, насколько эффективно она используется на практике и насколько доступны ее аналитические возможности для кадровых служб государственных органов.

Третья проблема связана с недостаточной защитой лиц, сообщающих о фактах коррупции. Хотя статья 9 Федерального закона № 273-ФЗ гарантирует государственную защиту служащим, сообщившим о ставших им известными фактах коррупции, на практике риски карьерных репрессий остаются высокими [1]. Анонимные и независимые каналы сообщений практически отсутствуют, что сдерживает готовность служащих информировать о конфликтах интересов коллег или руководителей. Эффективная система *whistleblowing*, включающая гарантии конфиденциальности и защиты от преследования, является необходимым элементом превентивной антикоррупционной политики [8].

Четвертой проблемой является запоздалый, реактивный характер работы системы. Механизмы ориентированы на констатацию свершившихся фактов, а не на проактивный анализ поведенческих паттернов, сетевых связей и финансовых траекторий, сигнализирующих о потенциальных рисках. Для такого анализа необходимы современные информационные системы с применением технологий больших данных, машинного обучения и графового анализа [8]. Федеральный закон от 8 марта 2022 года № 46-ФЗ предполагает создание государственной информационной системы противодействия коррупции, однако практическая реализация этой задачи требует значительных финансовых и организационных ресурсов.

Пятая проблема касается недостаточной проработки мер по урегулированию конфликта интересов. Законодательство называет общие способы — изменение должностного положения, отказ от выгоды, передача ценных бумаг в доверительное управление, отвод или самоотвод [1]. Однако детальное регулирование процедуры отказа от выгоды отсутствует. Непонятно, что именно должен сделать служащий, чтобы считаться отказавшимся от выгоды. Процесс отвода (самоотвода) также требует более детальной регламентации. Ранее в законодательстве о государственной службе понятие отвода вообще не использовалось, и его введение через антикоррупционное законодательство создало дополнительную терминологическую неопределенность [10].

Совершенствование института конфликта интересов требует комплексного подхода. Во-первых, необходима глубокая цифровизация и внедрение аналитики больших данных через создание единой межведомственной платформы, агрегирующей данные из деклараций, реестров государственных закупок, финансового мониторинга и иных источников для автоматического построения риск-моделей [8]. Во-вторых, обязателен переход к интеллектуальному, риск-ориентированному подходу, смещаю-

щему фокус с тотального контроля на адресные проверки высокорисковых служащих, занимающих должности с высокими дискреционными полномочиями. В-третьих, необходимо обеспечить синергию механизмов путем интеграции данных в единую систему управления коррупционными рисками каждого государственного органа [8].

В-четвертых, требуется законодательное уточнение ключевых понятий — «конфликт интересов», «личная заинтересованность», «лица, находящиеся в близком родстве или свойстве», «иные близкие отношения». Необходимо включить в понятие личной заинтересованности нематериальные мотивы, которые могут влиять на объективность служащего [3]. В-пятых, следует детализировать процедуры урегулирования конфликта интересов, включая механизмы отказа от выгоды, порядок передачи ценных бумаг в доверительное управление, процедуры отвода и самоотвода. В-шестых, необходимо усилить инсти-

туциональную независимость и компетенции комиссий по урегулированию конфликта интересов, обеспечив их методическим и информационно-аналитическим сопровождением [4].

В заключении стоит отметить, что институт конфликта интересов занимает центральное место в современной системе противодействия коррупции, выступая превентивным механизмом, направленным на недопущение ситуаций, в которых личная заинтересованность служащего может повлиять на объективность исполнения им должностных обязанностей. Эволюция правового регулирования с 2008 года по настоящее время демонстрирует постепенное расширение сферы применения института, усиление процедурных требований и развитие институциональной инфраструктуры в виде комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Литература:

1. Абалдуев В. А. Российская антикоррупционная политика в сфере труда: новые правила и нерешенные проблемы // Государство и право. — 2013. — № 3. — С. 50–55.
2. Акунченко Е. А., Дамм И. А., Роньжина О. В. О распространении на членов избирательных комиссий обязанности уведомлять о конфликте интересов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 11. — С. 31–42.
3. Андриченко Л. В. Проблемы регламентации статуса и деятельности комиссий по урегулированию конфликта интересов на муниципальной службе // Журнал российского права. — 2014. — № 2. — С. 59–67.
4. Ватель А. Ю. Административно-правовое регулирование разрешения конфликта интересов на государственной службе в механизме противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. — 2012. — № 6. — С. 26–30.
5. Завьялов А. Н., Юрковский А. В. Роль и значение служб собственной (внутренней) безопасности в противодействии коррупции в правоохранительных органах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2025. — № 1. — С. 187–196.
6. Лесникова И. А. Роль антикоррупционной политики в развитии института урегулирования конфликта интересов в муниципальных закупках // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 6. — С. 249–259.
7. Максименко А. А. Различия в ценностных предпосылках правонарушений у россиян и малазийцев // Диалектика противодействия коррупции: материалы XII всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Казань, 2023. — С. 306–308.
8. Немировский В. А. Формирование нетерпимости к коррупции: постановка проблемы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2024. — № 4. — С. 88–92.
9. Нечевин Д. К., Поляков М. М. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 128 с.
10. Ткаченко К. И., Золкин А. Л., Чистяков М. С. и др. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: теоретические основы // Управленческий учет. — 2021. — № 6. — С. 67–71.
11. Хорошунов Е. В. Препятствия в выявлении и устранении конфликта интересов на государственной гражданской службе и муниципальной службе // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. — 2023. — № 2. — С. 35–43.

Пределы полномочий представителя и защита добросовестного контрагента: проблема судебной практики и пути решения

Аракчеева Дарья Константиновна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует противоречие между необходимостью защиты добросовестного контрагента и риском злоупотреблений со стороны представителя, превышающего полномочия. Анализируются законодательные основания возникновения представительских полномочий, включая представительство, явствующее из обстановки.

Ключевые слова: представительство, пределы полномочий, добросовестный контрагент, обстановка, превышение полномочий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 182 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) представителем является лицо, которое от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого [1].

Анализ вышеуказанной статьи позволяет выделить следующие основания для возникновения полномочий представителя: наличие доверенности (в простой письменной форме, в нотариальной форме), указание закона (в данном случае полномочие возникает из норм права без дополнительного волеизъявления), акт уполномоченного государственного или муниципального органа (например, приказ о наделении полномочиями сотрудника Управления дорожного хозяйства, транспорта и благоустройства администрации Петропавловск-Камчатского городского округа на представление интересов Управления в суде второй инстанции), а также полномочие, которое явствует из обстановки.

Сущность последнего основания заключается в том, что полномочие лица выступать от имени другого лица подразумевается исходя из фактической ситуации, ключевым критерием которого является наличие добросовестных оснований полагать, что то данное лицо правомочно действовать от имени представляемого.

Под пределами полномочий представителя понимаются установленные законом, доверенностью или иным юридическим фактом границы, в рамках которых лицо правомочно совершать от имени представляемого юридически значимые действия, влекущие возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей.

В науке гражданского права традиционно выделяют две разновидности пределов представительских полномочий [6]. Законные пределы представляют собой ограничения, прямо установленные императивными нормами законодательства. К их числу относится, в частности, запрет, предусмотренный п. 3 ст. 182 ГК РФ, согласно которому представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично.

В качестве примера стоит привести определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС23-29092, которым рассматривалась ситуация, когда одно и то же лицо (Горлушкин А. Н.) подпи-

сало соглашение о погашении (реструктуризации) задолженности с одной стороны от имени истца (акционерного общества) на основании доверенности, а с другой стороны это же лицо выступало как генеральный директор ответчика (ООО «ЭлКомИмпорт»). Действия Горлушкина А. Н. были квалифицированы Верховным Судом как прямое нарушение п. 3 ст. 182 ГК РФ: он одновременно представлял обе стороны договора, преследовал собственный интерес и не обеспечил последующего одобрения сделки ни со стороны истца, ни со стороны ответчика [2].

При этом Верховный Суд подчеркнул, что срок исковой давности в подобных случаях надлежит исчислять не с момента, когда сделка была подписана недобросовестным представителем, а с того момента, когда о допущенном нарушении узнал добросовестный представитель (иное уполномоченное лицо представляемого). Как следствие, одно лишь подписание сделки работником истца не может свидетельствовать об осведомлённости самого юридического лица, если представитель действовал в условиях конфликта интересов.

Договорные пределы определяются волей представляемого и фиксируются в доверенности, договоре либо учредительных документах юридического лица.

В рамках исследования проблем защиты гражданских прав в сфере отношений представительства Д. Н. Кархалёв и Н. Ф. Качур приходят к выводу о необходимости выработки критериев разграничения правомерного и неправомерного поведения представителя [7].

Основная сложность применения представительства, явствующего из обстановки, заключается в отсутствии законодательно закреплённых критериев, позволяющих суду и участникам оборота однозначно определить, когда полномочие считается очевидным, а когда его следовало проверить. Судебная практика вырабатывает такие критерии постепенно, но единообразия пока не достигнуто.

В каждом конкретном деле суды оценивают совокупность фактических обстоятельств: где именно действовало лицо, имело ли оно доступ к печати и материальным ценностям организации, какова обычная практика данной сферы деятельности и насколько разумно контрагент полагался на внешние признаки.

Так, Тринадцатым арбитражным апелляционным судом рассматривалась ситуация, когда товар принимался

физическими лицами на складе ответчика, а их подписи в товарных накладных в одних случаях были заверены печатью индивидуального предпринимателя, а в других — нет. Суд признал, что полномочия работников, подписавших накладные с печатью, явствовало из обстановки, поскольку передача печати организации свидетельствовала о допуске этих лиц к приёмке товара. В то же время в отношении накладных, оформленных без печати, суд отказал во взыскании, указав, что одних лишь подписей неустановленных лиц недостаточно для вывода о наличии полномочий, даже если сама обстановка (склад, приёмка продукции) была идентичной [3].

Таким образом, судебная практика нередко подменяет оценку самой обстановки формальными критериями, что порождает правовую неопределённость для добросовестных контрагентов, которые не могут проверить, насколько правомерно лицо, имеющее доступ к печати, принимает товар. Приведённое решение показывает, что без разъяснений со стороны высшей судебной инстанции единообразное применение нормы о представительстве «по обстановке» остаётся затруднительным, а защита добросовестного контрагента ставится в зависимость от случайных обстоятельств.

Как следует из системного толкования п. 3 ст. 183 ГК РФ, законодатель прямо связывает отказ в возмещении убытков с осведомлённостью контрагента о превышении полномочий представителем. Следовательно, если судом будет установлено, что контрагент знал или должен был знать об отсутствии у представителя необходимого объёма полномочий, в удовлетворении его требований к представляемому будет отказано. Правовая позиция по данному вопросу содержится в п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 № 57, где указано, что п. 1 ст. 183 ГК РФ применяется независимо от того, знала ли другая сторона о превышении полномочий [4]. Это означает, что для отказа в иске к представляемому достаточно самого факта превышения полномочий, а осведомлённость контрагента имеет значение лишь для решения вопроса о взыскании убытков с самого представителя.

При этом ключевым становится вопрос о том, знал или должен был знать контрагент об отсутствии у представителя необходимого объёма правомочий. Если контрагент добросовестно полагался на обстановку, сделка признаётся заключённой от имени представляемого, даже если

внутренними документами полномочия работника были ограничены. Напротив, когда превышение полномочий было явным и очевидным для любого разумного участника оборота, суд отказывает контрагенту в защите, указывая на его неосмотрительность.

Так, в Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 № 88–14999/2021 ответчик (продавец) ссылался на то, что расписка с обязательством выплатить денежную сумму подписана не лично им, а его представителем, который якобы превысил полномочия. Однако суд установил, что представитель действовал на основании нотариально удостоверенной доверенности, а сам ответчик в судах нижестоящих инстанций не заявлял о превышении полномочий и не требовал признания расписки недействительной. Суд подчеркнул, что покупатель добросовестно полагался на полномочия представителя, поскольку из доверенности и обстановки сделки не следовало явных и очевидных ограничений. Поэтому одностороннее обязательство, принятое представителем, признано обязательным для представляемого, а доводы о превышении полномочий — несостоятельными [5].

Проведённый анализ демонстрирует, что проблема пределов полномочий представителя и защиты добросовестного контрагента основывается не столько в законодательных пробелах, сколько в отсутствии единообразного подхода к оценке конкретных обстоятельств: что считать «явной» для контрагента недостаточностью полномочий, а что — разумным полаганием на внешние признаки. Судебная практика показывает как примеры взвешенного подхода (учёт добросовестности и обстановки), так и формального применения норм, когда факт превышения полномочий автоматически ведёт к отказу в защите контрагента, без исследования его реальной осведомлённости.

В связи с этим основными направлениями совершенствования правового регулирования и правоприменения могли бы стать: выработка обобщающих разъяснений, которые помогли бы судам более единообразно оценивать «обстановку»; внесение в гражданский кодекс Российской Федерации уточняющих критериев, позволяющих отграничить добросовестное поведение от неосмотрительного. Важно не перекладывать на третьих лиц все риски внутреннего контроля представляемого, но и не создавать условий для злоупотреблений со стороны самого контрагента.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=508490> (дата обращения: 03.06.2026).
2. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 305-ЭС23–29092 по делу № А40–246812/2022. — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=799964> (дата обращения: 03.06.2026).
3. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2015 № 13АП-3659/2015 по делу № А56–53107/2014 — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RAPS013&n=164341> (дата обращения: 03.06.2026).

4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» — Текст: электронный //
5. СПС «Консультант Плюс».: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=508490> (дата обращения: 03.06.2026).
6. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2021 № 88–14999/2021 по делу 2–7693/2020— Текст: электронный //
7. СПС «Консультант Плюс».: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ007&n=40916> (дата обращения: 03.06.2026).
8. Гражданский процесс: учебник / С. Ф. Афанасьев, В. В. Богдан, Л. В. Борисова и др.; под ред. А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж. Соловых // ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. Москва: Статут, 2024. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс».: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=119&dst=101829> (дата обращения: 03.06.2026).
9. Кархалев Д. Н., Качур Н. Ф. Представительство и доверенность в гражданском праве // Современное право. 2022. № 11. С. 116–121. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс».: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=145764> (дата обращения: 03.06.2026).

Проблемы защиты прав субъектов административных правоотношений в Российской Федерации

Арвангинова Алтана Владимировна, студент

Научный руководитель: Тенетко Алексей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

В статье анализируются проблемы защиты прав субъектов административных правоотношений. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию субъектов административного права, формы и способы защиты их прав, а также основные трудности, возникающие в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется административному бездействию, нарушению процессуальных сроков, пробелам нормативного регулирования и ограничениям судебного и внесудебного контроля. На основе анализа действующего законодательства, учебной литературы и правовых позиций судов формулируются предложения по совершенствованию механизмов защиты прав граждан и организаций в сфере публичного управления.

Ключевые слова: административные правоотношения, защита прав, субъекты административного права, публичная администрация, административное судопроизводство, административное бездействие, КоАП РФ, КАС РФ.

The workbook and its significance in the labor law of the Russian Federation

Arvanginova Altana Vladimirovna, student

Scientific advisor: Tenetko Alexey Alekseevich, phd in law, associate professor
Russian State University of Social Technologies (Moscow)

The article analyzes the problems of protecting the rights of subjects of administrative legal relations. The author examines theoretical approaches to understanding subjects of administrative law, forms and methods of protecting their rights, as well as the main difficulties arising in law enforcement practice. Special attention is paid to administrative inaction, violation of procedural deadlines, gaps in legal regulation, and limitations of judicial and extrajudicial control. Based on the analysis of current legislation, academic literature, and legal positions of courts, proposals are formulated for improving mechanisms for protecting the rights of citizens and organizations in the sphere of public administration.

Keywords: administrative legal relations, protection of rights, subjects of administrative law, public administration, administrative proceedings, administrative inaction, Code of Administrative Offenses, Code of Administrative Procedure.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения эффективной защиты прав граждан и организаций в отношениях с органами власти. Существующие механизмы защиты не всегда обеспечивают полноценную реализацию прав субъектов административных правоотношений.

Субъекты административных правоотношений

Субъекты делятся на:

- Индивидуальные (граждане РФ, иностранцы, должностные лица)
- Коллективные (органы власти, учреждения, предприятия)
- Специальные субъекты (госслужащие)

Формы защиты прав

Защита осуществляется в двух основных формах:

- Судебная защита через административное судопроизводство
- Внесудебная защита путём обращения в вышестоящие органы или прокуратуру

Нормативная база

Основу защиты составляют: Конституция РФ, КАС РФ, КоАП РФ, Федеральные законы, Подзаконные акты.

Основные проблемы

1. Административное бездействие органов власти
2. Нарушение процессуальных сроков
3. Пробелы в законодательстве
4. Неопределённость правовых норм
5. Ограничения судебной защиты
6. Недостаточная правовая грамотность граждан

Пути совершенствования

- Принятие закона об административных процедурах
- Усиление судебного контроля
- Внедрение электронного мониторинга сроков
- Повышение правовой грамотности граждан
- Ужесточение ответственности должностных лиц
- Развитие системы досудебного урегулирования

Заключение

Эффективность защиты прав зависит от качества законодательства, работы органов власти и правовой культуры граждан. Основные проблемы связаны с бездействием органов, нарушением сроков и пробелами в праве. Необходимы системные меры по совершенствованию механизмов защиты прав.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (ред. от 17.12.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.
5. Обзор практики Конституционного Суда РФ за первый квартал 2026 года (утв. 29.04.2026). URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 2.05.2026).
6. Лютягина Е. А., Волков А. М. Административное право России. Курс в схемах и таблицах: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 302 с.
7. Попова Н. Ф. Административное право: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 325 с.

8. Административное право: учебник и практикум для вузов / под ред. А. И. Стахова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 480 с.
9. Мельников В. А. Административное судопроизводство: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 410 с.

Актуальные проблемы семейно-правовых соглашений и пути их разрешения

Атаманова Надежда Анатольевна, студент;

Горохова Екатерина Витальевна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Особенность семейно-правовых соглашений заключается в круге регулируемых ими отношений. Наряду с семейно-правовыми соглашениями, регулирующими имущественные отношения семьи (например, брачный договор), получили распространение соглашения, регулирующие неимущественные отношения (соглашение о месте жительства ребенка, соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, и т. д.).

Для того чтобы соглашение имело ожидаемые сторонами юридические последствия, необходимо, чтобы оно в том числе было заключено в надлежащей форме. Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) [1] устанавливает императивные требования к форме для некоторых семейно-правовых соглашений, в частности, для соглашения об уплате алиментов (п. 1 ст. 100 СК РФ), брачного договора (п. 2 ст. 41 СК РФ) и соглашения о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака (п. 2 ст. 38 СК РФ) необходимо нотариальное удостоверение.

В связи с чем актуальным является вопрос о форме соглашения неимущественного характера в отсутствие указания закона. Природа данных соглашений неразрывно связана с личным доверительным характером взаимоотношений сторон, поэтому вероятность споров между сторонами остается высокой. Интересным представляется вопрос и о влиянии формы данных семейно-правовых соглашений на дальнейшую защиту субъективных прав, вытекающих из данного индивидуально-правового регулирования.

Если следовать позиции, что неимущественные семейно-правовые соглашения являются сделками с ограниченным субъектным составом и направлены на изменение семейных прав и обязанностей участников семейных отношений, то к ним допустимо применять общие положения о сделках и договорах гражданского законодательства. Согласно п. 1 ст. 158 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной).

Устная форма несет больше всего рисков для сторон: бремя доказывания факта существования подобного соглашения, а также его содержания будет возлагаться на ту сторону, которая захочет на них сослаться (п. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации — далее ГПК РФ) [3]. А в конфликтных ситуациях, свойственных семейным спорам, стороны не готовы к конструктивному сотрудничеству, поэтому этот риск приобретает особую остроту.

Целесообразно заключение соглашения в простой письменной форме, поскольку она выступает гарантом обеспечения прав и законных интересов родителей как субъектов договорного правоотношения. Существование соглашения в материальной форме является важнейшим преимуществом перед устной формой, поскольку предполагает меньшую затрату сил сторон на доказывание в судебном процессе в случае возникновения спора.

Нотариальное удостоверение соглашения в системе действующего правового регулирования имеет довольно объемный и нереализованный потенциал нотариата в сфере обеспечения защиты прав и законных интересов участников семейных отношений [4, с. 48]. Деятельность нотариуса направлена на проверку правоспособности и дееспособности сторон, законности соглашения, а также на разъяснение сути нотариального действия и последствий его совершения. Кроме того, подобное соглашение имеет процессуальное преимущество — обстоятельство, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания (ч. 5 ст. 61 ГПК РФ).

Авторы статьи считают необходимым внести в законодательство изменения, обеспечивающие механизм принудительного исполнения нотариально удостоверенного семейно-правового соглашения. Нотариальная деятельность в широком значении позволяет практически реализовать принцип диспозитивности, который является фундаментальным для регулирования именно семейных отношений.

Например, соглашение об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка (п. 3 ст. 65 СК РФ) опосредует особо важные общественные отношения, связанные с жилищем детей. Недобросовестное поведение родителя, который заключил соглашение, а затем начал уклоняться от исполнения, нарушает интересы ребенка, вовлеченного в конфликт между родителями. В этой ситуации закон не предоставляет возможности принудительно реализовать ранее достигнутые договоренности для защиты прав несовершеннолетнего ребенка.

Поскольку органы нотариата в рамках своей деятельности реализуют публичные полномочия и защищают интересы общества и государства, а нотариально удостоверенное соглашение соответствует закону, следует закрепить в законодательстве способ принудительного исполнения таких соглашений. Например, в законодательстве уже существует механизм исполнения содержащихся в исполнительных документах требований об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком (ст. 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве») [5].

Такое правовое регулирование будет препятствовать необоснованному уклонению стороны от исполнения достигнутых договоренностей, в отличие от описанного примера. Допустимым способом защиты своих семейных прав для несогласной с заключенным соглашением стороны будет являться обращение в суд с требованием об оспаривании соглашения или изменении его условий.

В контексте совершенствования правового регулирования формы семейно-правовых соглашений нельзя обойти вниманием стремительное развитие института медиации, который вносит принципиально новые аспекты в обсуждаемую проблему. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 года № 3999-р утвержден план мероприятий, включающий подготовку изменений в Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части введения обязательного досудебного порядка урегулирования семейных споров [6]. Данная инициатива получила поддержку на уровне Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 года № 615-р [7], где популяризация института добровольного посредничества (медиации) названа приоритетной мерой для сохранения и восстановления семейных взаимоотношений [8]. Это означает, что уже в ближайшее время такие соглашения, как соглашение о месте жительства ребенка, соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно, а также соглашение о порядке общения с ребенком, будут в обязательном порядке проходить стадию медиации до обращения в суд.

Согласно части 5 статьи 12 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с уча-

стием посредника (процедуре медиации)», только нотариально удостоверенное соглашение имеет силу исполнительного документа [9]. Без нотариального удостоверения медиативное соглашение, даже подписанное сторонами в простой письменной форме, не может быть предъявлено судебным приставам для принудительного исполнения. Таким образом, обязательная медиация объективно подталкивает законодателя к тому же решению: нотариальная форма должна стать необходимой предпосылкой для принудительной реализации семейных договоренностей, особенно затрагивающих права несовершеннолетних.

Возвращаясь к выводу о том, что устная форма создает неоправданно высокие риски доказывания (пункт 1 статьи 56 ГПК РФ), необходимо отметить, что применительно к медиативным соглашениям проблема приобретает еще более острый характер. Как справедливо отмечает юрист по семейному праву А. Захаров в интервью Общественному телевидению России, обязательная процедура медиации может породить массу формальных, низкосортных, так называемых «резиновых» соглашений, которые впоследствии будут оспариваться в суде по мотивам их кабальности, порока воли или несоответствия интересам детей [10]. Иными словами, простая письменная форма медиативного соглашения не только не решает старых проблем, связанных с доказыванием содержания соглашения, но и порождает новые.

Нотариальное удостоверение, напротив, согласно статье 59.1 Основ законодательства о нотариате, предполагает проверку законности содержания, дееспособности сторон, соответствия воли волеизъявлению, а также статуса медиатора [11]. Именно проверка соответствия воли волеизъявлению является барьером, отсекающим большинство «резиновых» соглашений.

Практика уже демонстрирует востребованность нотариального удостоверения семейных соглашений, заключаемых по результатам медиации. По данным Федеральной нотариальной палаты, за девять месяцев 2025 года нотариусы удостоверили на 14 процентов больше медиативных соглашений, чем за аналогичный период прошлого года [12]. При этом нотариальное удостоверение в современных условиях не требует личной встречи конфликтующих сторон — развитие дистанционных технологий позволяет удостоверять соглашения даже при остром семейном конфликте, когда бывшие супруги не желают личного контакта. В первом квартале 2024 года было произведено более 250 тысяч удаленных нотариальных действий, что подтверждает практическую реализуемость данного подхода [12].

Вместе с тем, введение обязательной медиации порождает новые вызовы для нотариальной практики, которые напрямую связаны с проблематикой формы семейно-правовых соглашений. Многократный рост числа медиативных соглашений потребует выработки единых подходов к их проверке, особенно в части оценки соответствия воли волеизъявлению сторон. Представляется необходимым прямое закрепление в Семейном кодексе

Российской Федерации возможности заключения медиативных соглашений. Речь идет о дополнении кодекса нормами, прямо предусматривающими возможность досудебного урегулирования споров о порядке общения с ребенком, об участии в его воспитании и об уплате алиментов именно посредством медиативного соглашения, с обязательным указанием на его нотариальную форму как на необходимое условие.

Также требуется разработка методических рекомендаций для нотариусов, содержащих «красные флаги» — маркеры потенциально недобросовестных договоренностей. Например, такие как, отсутствие реального конфликта между участниками спора, близость к банкротству одной из сторон, использование «технических компаний». Кроме того, заслуживает внимания вопрос о дифференциации нотариальных тарифов для семейных соглашений, чтобы государственная пошлина не становилась барьером для граждан, которые и так находятся в конфликтной ситуации.

Таким образом, законодатель уже сегодня признает нотариальную форму важнейшей гарантией законности

семейных договоренностей, а введение обязательной медиации лишь усиливает актуальность вопроса о надлежащей форме соглашений, определяющих права и обязанности родителей и несовершеннолетних детей. Без нотариального удостоверения даже достигнутые с участием профессионального медиатора договоренности остаются уязвимыми для последующего оспаривания, что противоречит цели примирительных процедур.

Проведенное исследование позволяет заключить, что форма семейно-правового соглашения является не только юридико-техническим требованием, но и существенным фактором, определяющим эффективность индивидуально-правового регулирования семейных отношений. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о том, что устная форма не обеспечивает надлежащей защиты прав участников ввиду сложности доказывания содержания соглашения, тогда как простая письменная форма, хотя и фиксирует волю сторон, не создает механизма принудительного исполнения достигнутых договоренностей.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Елисеева А. А. Роль современного нотариата в обеспечении реализации государственной семейной политики Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2019. N 3. С.42–49
5. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 25.04.2026) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г. // СПС Гарант URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277476/> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р // СПС Гарант URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/> (дата обращения: 23.05.2026).
8. Подробно об институте медиации см. Елисеева А. А. Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества // Журнал российского права. 2011. N 9. С. 34–39.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Российская газета», N 168, 30.07.2010
10. «Развод разводом, а беседа по расписанию. Для чего нужна обязательная медиация перед расторжением брака?» // Общественное телевидение России URL: https://dzen.ru/a/aV0jMdSrMzjMmXtm?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.05.2026).
11. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 20.02.2026) // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/f662130035c02ee2c25485bc059dd114c9873703/ (дата обращения: 21.05.2026).
12. «Без долгих судебных тяжб: В нотариате сообщили о росте медиативных соглашений» // Российская газета URL: https://rg.ru/2025/11/04/v-notariate-soobshchili-o-roste-mediativnyh-soglashenij.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.05.2026)

Регламентация уголовной ответственности за доведение, склонение и подстрекательство к самоубийству в законодательстве зарубежных стран

Балан Валентина Олеговна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье проведён сравнительно-правовой анализ регламентации уголовной ответственности за доведение, склонение и подстрекательство к самоубийству в законодательстве стран романо-германской, англосаксонской правовых семей, а также государств — участников СНГ. Рассмотрены особенности криминализации указанных деяний, включая дифференциацию способов склонения. По итогам анализа выделены основные модели правового регулирования и сформулированы выводы, значимые для совершенствования российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, подстрекательство к самоубийству, сравнительное уголовное право, квазисоучастие.

В современном уголовном праве проблема правовой оценки деяний, связанных с причастностью к самоубийству иного лица, относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. Как справедливо отмечается в научной литературе, законодательство более 160 стран содержит нормы об ответственности за преступную причастность к самоубийству иного лица [6]. При этом самоубийство как таковое в подавляющем большинстве правовых систем не признается преступлением, однако вовлечение третьих лиц в процесс добровольного ухода из жизни традиционно рассматривается как деяние, заслуживающее уголовного наказания.

Российский законодатель относительно недавно — в 2017 году — включил в Уголовный кодекс РФ статью 110.1, устанавливающую ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению [7]. Однако институт ответственности за подобные деяния давно известен законодательству многих зарубежных государств, в том числе стран Содружества Независимых Государств. В связи с этим представляется актуальным сравнительно-правовой анализ подходов к регламентации уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству в различных правовых системах. Обращение к зарубежному правовому опыту представляет значительную практическую ценность. Изучение зарубежных стратегий противодействия общественно опасным деяниям, включая причастность к самоубийству, стало неотъемлемой частью современной законодательной деятельности и юридической науки [3].

Согласно классификации, представленной в научной литературе, можно выделить пять основных групп преступлений, связанных с суицидом:

- 1) ответственность за покушение на самоубийство;
- 2) деяния, связанные с побуждением к суицидальному поведению (доведение до самоубийства, склонение, подстрекательство, содействие);
- 3) нормы, рассматривающие указанные деяния как вид убийства;
- 4) ответственность за распространение информации о способах совершения самоубийства и пропаганду суицида;
- 5) привилегированные составы, связанные с эвтаназией [6].

В европейских государствах, относящихся к романо-германской правовой семье, сформировались различные подходы к криминализации квазисоучастия в самоубийстве. Проведенный компаративистский анализ законодательства Австрии, Великобритании, Голландии, Дании, Испании, Италии, Польши, Сан-Марино, Франции, Швейцарии, Швеции и других стран позволил исследовать специфику правовых конструкций составов преступлений, связанных с содействием самоубийству, склонением к нему и оказанием помощи. Законодательство стран континентальной Европы отличается большим разнообразием криминализируемых форм и терминологией («подстрекательство», «пособничество», «помощь»).

Во Франции Уголовный кодекс 1992 г. (вступил в силу с 1 марта 1994 г.) содержит специальную норму о пропаганде или рекламе продуктов, рекомендуемых в качестве средств совершения самоубийства [1]. При этом французский законодатель, последовательно развивая мысль о ненаказуемости самоубийства, не устанавливает самостоятельной ответственности за пособничество к нему.

Германское законодательство долгое время придерживалось жесткой позиции: § 217 УК ФРГ (введен в 2015 г.) запрещал «профессиональное сопровождение» самоубийства и предполагал наказание нарушителей лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом, при этом под действие параграфа не попадали только родственники или близкие люди умирающего. Однако 26 февраля 2020 г. Федеральный конституционный суд Германии признал § 217 УК ФРГ неконституционным и недействительным, установив право на самоопределенную смерть.

В уголовном законодательстве Южной Америки применяется европейский подход: уголовная ответственность наступает за подстрекательство к суициду. Так, ст. 83 УК Аргентины устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до четырех лет [2].

В странах англосаксонской правовой семьи сформировался особый подход к уголовной ответственности за деяния, связанные с понуждением к суицидальному поведению. Как отмечается в научной литературе, предупреждение преступлений, сопряженных с понуждением к суицидальному поведению по законодательству ряда за-

рубежных стран англосаксонской правовой системы, связывается с комплексом превентивных мер в сфере предотвращения домашнего насилия, противодействия незаконному преследованию, запугиванию и травле жертвы [2]. В индийском уголовном законодательстве, относящемся к англосаксонской правовой семье предусмотрена ответственность за подстрекательство к самоубийству. Ряд зарубежных государств рассматривает помощь, подстрекательство и доведение до действий суицидального характера лиц, не достигших 18 лет, или невменяемых по разным причинам наравне с законодательными нормами об убийстве [5].

Особый интерес представляет сравнительный анализ норм об ответственности за склонение к самоубийству в уголовном законодательстве стран Содружества Независимых Государств (далее СНГ). Склонение к самоубийству в качестве отдельного состава преступления законодательно закреплено не во всех странах СНГ, что объясняется тем, что многие национальные уголовные законы основаны на некогда едином правовом пространстве советского времени и во многом консервативны в своем развитии [8]. Уголовное законодательство стран СНГ характеризуется общностью базовых принципов и задач, что во многом обусловлено влиянием Модельного уголовного кодекса (далее МУК) для государств-участников СНГ, служащего научно-аргументированным ориентиром для национальных законодателей [4].

Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства можно обнаружить в Модельном УК государств — участников СНГ (ст. 118), уголовных кодексах Республики Беларусь (ч. 1 ст. 146), Республики Армения (ст. 111), Туркменистана (ч. 1 ст. 106), Кыргызской Республики (ст. 103).

Модельный УК для государств — участников СНГ был принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г. и носит рекомендательный характер. МУК СНГ в главе 18 «Преступления против жизни и здоровья» содержит две ключевые нормы:

Статья 117 «Доведение до самоубийства», диспозиция которой практически идентична ч. 1 ст. 110 УК РФ, с единственным квалифицирующим признаком — совершение в отношении лица, находящегося в зависимости от виновного.

Статья 118 Модельного УК трактует склонение к самоубийству как «возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство путем уговоров, обмана или иным путем, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него».

УК Республики Беларусь в ч. 1 ст. 146 предусматривает ответственность за умышленное возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство, если лицо по-

кончило жизнь самоубийством или покушалось на него. В ч. 2 ответственность усиливается за склонение к самоубийству двух или более лиц либо заведомо несовершеннолетнего. При этом, в отличие от УК РФ, в ст. 146 УК Республики Беларусь не раскрываются способы возбуждения у потерпевшего желания совершить самоубийство.

В ст. 111 УК Армении также предусматривается ответственность за склонение к самоубийству, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на самоубийство, при этом способами совершения этого деяния называются «уговоры, обман или иной путь».

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать ряд выводов об основных подходах к регламентации уголовной ответственности за доведение, склонение и подстрекательство к самоубийству в зарубежном законодательстве. Во-первых, в странах романо-германской правовой системы (Франция, Германия, Австрия, Испания, Италия, Швейцария и др.) сформировались различные подходы к криминализации квазисоучастия в самоубийстве: от полного отрицания ответственности за пособничество до детальной регламентации составов склонения и содействия. В германском праве произошел переход от полной криминализации профессионального содействия самоубийству к конституционному признанию права на самоопределенную смерть. Во-вторых, страны англосаксонской правовой семьи (Индия) традиционно сохраняют жесткий подход к уголовной ответственности за доведение до самоубийства и подстрекательство к нему, рассматривая указанные деяния как самостоятельные составы преступлений, наказуемые длительными сроками лишения свободы. В-третьих, в государствах — участниках СНГ склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства криминализировано в ряде стран на уровне Модельного УК и национальных уголовных кодексов (Республика Беларусь, Республика Армения, Кыргызская Республика, Туркменистан). Российский законодатель пошел по пути закрепления самостоятельной ответственности за указанные деяния лишь с 2016 г. В-четвертых, зарубежное законодательство демонстрирует тенденцию к усилению уголовной ответственности за преступную причастность к самоубийству несовершеннолетних и иных уязвимых категорий потерпевших.

Законодательство стран континентальной Европы отличается большим разнообразием криминализируемых форм и терминологией. Учет зарубежного опыта может быть полезен для дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства в части более четкой дифференциации форм и способов склонения к самоубийству, а также установления дополнительных квалифицирующих признаков, учитывающих особенности потерпевших и мотивы действующего лица.

Литература:

1. Елисеева Н. М. Европейский опыт криминализации квазисоучастия в самоубийстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10 (119). С. 124–132.

2. Идиятуллов А. Д. Ответственность за преступления, связанные с понуждением к суицидальному поведению на примере ряда зарубежных стран англосаксонской правовой системы (Великобритания, Новая Зеландия, Индия) // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. XV. № 4. С. 56–62.
3. Мелешко Н. П., Тарло Е. Г. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика). М., 2003, с. 47
4. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.
5. Сейфетдинов Р. К. Ответственность за доведение до самоубийства по зарубежному уголовному законодательству // Юридические науки. 2023. № 2. С. 188–192.
6. Талан М. В., Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Правовая регламентация ответственности за посягательства, связанные с побуждением к самоубийству: отечественный и зарубежный опыт // Юридические исследования. 2021. № 6. С. 1–18
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ: в ред. от 09.04.2026// Собрание законодательства Российской Федерации — 1996-№ 25
8. Федоринов А. Г. Правовая регламентация уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства по законодательству некоторых стран СНГ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. XIII. № 3. С. 321–323.

Отдельные проблемы смарт-контракта в рамках цифровой трансформации договорного права

Березин Эдвард Алексеевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Настоящая статья посвящена комплексному анализу смарт-контракта как новой формы исполнения обязательств и его влиянию на трансформацию договорного права в эпоху блокчейна.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, правовая природа смарт-контракта, смарт-контракт как способ исполнения обязательств

Цифровизация общественных отношений, являясь общемировым трендом, оказывает фундаментальное воздействие на все сферы жизни, включая правовую. Гражданское право, призванное регулировать имущественный оборот, сталкивается с необходимостью адаптации своих классических институтов к новым технологическим реалиям. Одним из наиболее значимых феноменов, бросающих вызов традиционному договорному праву, стал смарт-контракт — самоисполняющийся алгоритм, функционирующий на базе технологии блокчейн. Появление смарт-контрактов ставит перед цивилистикой ряд фундаментальных вопросов об их правовой природе, соответствии принципам свободы договора, автономии воли и возможности государственного регулирования.

Термин «смарт-контракт» был предложен Ником Сабо еще в 1994 году как концепция компьютерного протокола, автоматически исполняющего условия сделки. Однако практическая реализация стала возможной лишь с развитием технологии блокчейн и с появлением крупных платформ, например, платформы Ethereum в 2015 году, **Binance Smart Chain в 2020 году** [1, с. 112]. Блокчейн представляет собой децентрализованную базу данных (распределенный реестр), где информация хранится в виде цепочки блоков, каждый из которых содержит набор транзакций

и уникальный код предыдущего блока, что делает невозможным изменение данных задним числом [1, с. 262]. Технически смарт-контракт — это программный код, размещенный в блокчейне, который автоматически выполняет заранее определенные действия при наступлении указанных в коде событий (условия договора) [2, с. 79].

В российской правовой доктрине сформировалось несколько основных подходов к определению правовой природы смарт-контрактов:

1. «Договорная теория» рассматривает смарт-контракт как особую форму заключения гражданско-правового договора, где программный код выступает способом фиксации воли сторон [3].

2. «Исполнительная теория» акцентирует внимание на том, что смарт-контракт представляет собой прежде всего механизм исполнения уже заключенного договора, а не самостоятельную сделку [4, с. 78]. С этой точки зрения, код не заменяет собой соглашение, а лишь технологически обеспечивает реализацию обязательств, возникших на его основе.

3. «Комплексная теория» предлагает рассматривать смарт-контракты как новый гибридный институт, сочетающий элементы договора и способа исполнения обязательств [5]. Ю. А. Коцарь, развивая эту мысль, приходит

к выводу, что смарт-контракт возможно рассматривать как форму внешнего выражения обязательства с обусловленным исполнением (ст. 327.1 ГК РФ) [6, с. 264].

Наиболее взвешенным представляется подход, согласно которому смарт-контракт не является новым договорным типом, а представляет собой технологически обусловленный способ исполнения обязательств. Это согласуется с принципом свободы договора (ст. 421 ГК РФ) и позволяет применять к отношениям сторон общие положения ГК РФ об обязательствах и договорах [7].

Одной из ключевых проблем квалификации смарт-контракта является вопрос о соответствии волеизъявления сторон подлинной воле. Согласно ст. 154 ГК РФ, для заключения договора необходимо выражение согласованной воли сторон. В классическом договоре воля и волеизъявление разделены во времени и могут быть самостоятельным предметом толкования (ст. 431 ГК РФ). В смарт-контракте такое разделение приобретает особую форму.

Как справедливо отмечает Е. Д. Автонова, смарт-контракт «удивительным образом спаивает два элемента... волю и волеизъявление» [8, с. 26]. Направленность волеизъявления, воплощенная в коде, не оставляет свободного трактования намерений сторон. В. Гавриленко подчеркивает, что после идентификации пользователей их поведение подчиняется алгоритму программы, и воля, направленная на заключение договора, включает в себя и волю на его исполнение [9]. Это подтверждается и изменениями, внесенными в ГК РФ в 2019 году, так п. 1 ст. 160 ГК РФ допускает совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки в неизменном виде, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий идентифицировать лицо [10].

Совершение конклюдентных действий (например, нажатие кнопки «ОК» или перевод криптовалюты на адрес-идентификатор смарт-контракта) признается законом достаточным для выражения воли, если это следует из условий оферты или обычая (п. 2 ст. 158, п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). Таким образом, законодатель создал основу для признания действий по активации смарт-контракта юридически значимым волеизъявлением, направленным на заключение и исполнение сделки.

Анализ норм действующего законодательства и доктрины позволяет сделать вывод о двойственной природе смарт-контракта: он выступает одновременно как специфическая форма договора и как особый способ обеспечения исполнения обязательств.

Как форма договора, смарт-контракт представляет собой программный код, который часто приравнивается к простой письменной форме (п. 1 ст. 160 ГК РФ). Для соблюдения письменной формы теперь достаточно, чтобы содержание сделки было воспроизведено с помощью технических средств в неизменном виде, и можно было установить заключившее ее лицо [9]. Это сближает

смарт-контракт с электронной формой договора, но не тождественно ей, так как условия выражены не в тексте, а в программном коде, отражающим условия исполнения или не исполнения договора. Это порождает проблему толкования условий для сторон, не владеющих языками программирования, а также для суда.

Как способ обеспечения исполнения обязательств, смарт-контракт реализует механизм, закрепленный в ст. 309 ГК РФ. Согласно изменениям, внесенным в 2019 году, при наступлении определенных обстоятельств сделка может быть исполнена без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки, по сути технологии смарт-контракта. Ключевыми свойствами, обеспечивающими исполнение, являются:

— Самоисполнимость, выражающаяся в автоматическом наступлении правовых последствий, то есть исполнения обязательств, при наступлении запрограммированных условий [6, с. 263]. Это свойство, направленное на ускорение гражданского оборота, позволяет говорить об увеличении в будущем применения технологии блокчейна в гражданских правоотношениях.

— Гарантированность: исключается возможность неисполнения или одностороннего отказа от исполнения, если иное не предусмотрено кодом при заключении договора [2, с. 81].

В этом качестве смарт-контракт идеально вписывается в конструкцию обязательства с обусловленным исполнением (ст. 327.1 ГК РФ), ведь осуществление прав и исполнение обязанностей по смарт-контракту поставлено в зависимость от наступления определенных обстоятельств.

В связи с наличием минимальной нормативной базы, применение смарт-контрактов сопряжено с рядом проблем, требующих решения как на национальном, так и на международном уровне, а именно:

— Отсутствие легального определения и четкого места в системе договорного права.

— Отсутствие процедур доказывания, сложности с установлением юридической силы и факта неисполнения, ведь из-за технической ошибки условия могут измениться и договор будет автоматически исполнен на других условиях, противоречащих волеизъявлению сторон. Также суды сталкиваются с трудностями при толковании кода как условий договора.

— Проблема идентификации. Необходимо законодательно привязать уникальный цифровой код к личности, преодолев проблему анонимности для обеспечения гарантий сторон в случае возникновения, например, технической ошибки, повлекшей одностороннее исполнение при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства с другой стороны.

— Необходимость определения правового статуса блокчейн-оракулов (особые алгоритмы или сторонние сервисы, открывающие доступ к внешним источникам информации, недоступным для блокчейн-платформы), стандартизации разработки и верификации кода, а также

распределения ответственности за ошибки в коде между сторонами, разработчиками кода и операторами блокчейн платформ). Согласно ст. 401 ГК РФ, отсутствие вины доказывает лицо, нарушившее обязательство, но может ли программа «проявить» ту степень заботливости и осмотрительности, какая требовалась от участника оборота?

В связи с этим, предлагается ряд институциональных преобразований:

— Создание специализированного регуляторного органа (по аналогии со швейцарским FINMA) для надзора за оборотом цифровой валюты и смарт-контрактами.

— Развитие института «цифровых нотариусов» для удостоверения соответствия кода воле сторон.

— Внедрение стандартов KYC/AML (знай своего клиента/противодействие отмыванию денег) в децентрализованные финансовые системы.

— Подготовка судей и создание экспертных центров по анализу программного кода.

На международном уровне необходима гармонизация регулирования, поскольку блокчейн-технологии трансграничны по своей природе. Ключевую роль здесь играет участие в разработке глобальных стандартов через такие организации, как UNCITRAL (Комиссия ООН по праву

международной торговли), а также унификация подходов в рамках интеграционных объединений, например, ЕАЭС [1, с. 113].

Смарт-контракты знаменуют собой новый этап эволюции договорного права. Они не отменяют фундаментальные принципы гражданского права, такие как свобода договора, автономия воли и надлежащее исполнение обязательств, а предлагают технологически совершенный механизм их реализации. Правовая природа смарт-контракта является комплексной: он одновременно выступает как особая цифровая форма сделки и как особый способ автоматизированного исполнения обязательств, наиболее полно раскрывающийся в конструкции обязательства с обусловленным исполнением.

Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на устранение существующих пробелов, создание институциональной инфраструктуры и гармонизацию с международными подходами. Реализация этих мер позволит минимизировать правовые риски для сторон, создать условия для широкого внедрения инноваций в гражданский оборот и укрепить позиции российской цифровой экономики среди иных государств

Литература:

1. Дашин А. В., Сальников Г. А. Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств: проблемы правового регулирования / А. В. Дашин, Г. А. Сальников // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 8. — С. 112–113.
2. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения / М. А. Гармашев // Legal Bulletin. — 2023. — С. 77–87.
3. Карапетов А. Г. Смарт-контракты как вызов традиционному договорному праву / А. Г. Карапетов // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 45–67.
4. Гражданское право: в 4 т. Том 3 / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — 523 с.
5. Витрянский В. В. Договорное право. Книга 1: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 4-е изд. — Москва: Статут, 2022. — 640 с.
6. Коцарь Ю. А. Смарт-контракт как форма исполнения обязательства с обусловленным исполнением / Ю. А. Коцарь // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 5(233). — С. 262–264.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.05.2026). — Текст: электронный.
8. Антонова Е. Д. Смарт-контракты в современном российском праве: возможности реализации технологии / Е. Д. Антонова // Плехановский барометр. — 2017. — № 4. — С. 25–28.
9. Гавриленко В. Электронная форма сделок и «смарт-контракты»: что это такое и как может повлиять на привычное правоприменение? // URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/gavrilenko/1299018/> Информационно правовой портал «Гарант» // (дата обращения: 29.05.2026). — Текст: электронный.
10. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 29.05.2026). — Текст: электронный.

Цифровая валюта, цифровые права и цифровой рубль: перспективы использования в российской юрисдикции

Букурова Полина Игоревна, студент;

Николаев Никита Станиславович, студент;

Янгулова Лилия Равиловна, студент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье анализируется противоречивый правовой статус цифрового рубля в российском законодательстве, совмещающий признаки национальной валюты и «иного имущества». Проводится сравнительно-правовое разграничение цифрового рубля и криптовалюты по эмитенту, обеспечению и функциям платёжного средства. Рассматриваются макроэкономические риски внедрения (отток ликвидности банков, киберугрозы), а также потенциал цифрового рубля как инструмента международных расчётов и платформы для смарт-контрактов. Авторы приходят к выводу, что цифровой рубль является не просто технологическим обновлением, а фундаментальным элементом новой экономической архитектуры, требующим дальнейшего законодательного совершенствования.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, криптовалюта, правовой статус, объекты гражданских прав, денежно-кредитная политика, смарт-контракты, международные расчёты, финансовый контроль, российское законодательство.

Актуальность данной темы обусловлена фундаментальной трансформацией российской денежной системы. На сегодняшний день появляется все большее количество частных финансовых инструментов, которые сложно контролировать централизованно, в связи с чем государство разработало свою альтернативу — цифровой рубль. По итогам 2025 года проект цифрового рубля окончательно перешел из режима эксперимента в режим инфраструктурного проекта с понятными сроками и обязательствами для рынка. Наряду с активным внедрением и широким распространением цифрового рубля в настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, полноценно закрепляющие его правовой статус и регулирующие оборот, в связи с чем отсутствует правовая определенность вокруг понятия «цифровой рубль» и прогнозирование относительно его полноценного внедрения в повседневную жизнь.

Стоит отметить, что на сегодняшний день цифровой рубль активно входит в повседневный гражданский оборот. Так, например, по данным с официального сайта Центрального банка РФ [17] уже существует 27 банков-участников тестовых операций с цифровыми рублями. Более того, тестовые проекты цифрового рубля CBDC широко используются в межгосударственной торговле с Китаем (95 % от общих объемов торговли) [25].

В российском законодательстве цифровой рубль имеет противоречивый статус. С одной стороны, исходя из буквального толкования ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровой рубль рассматривается как одна из форм национальной валюты наряду с наличными и безналичными денежными средствами — он является платёжным средством. Также с 2023 года в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровой рубль вошел в круг объектов гражданских прав и на сегодняшний день считается «иным имуществом», с правовым статусом аналогичным имуще-

ственным правам, безналичными денежными средствами и бездокументарным ценным бумагам [21]. Но стоит отметить, что безналичные денежные средства в классическом понимании не существуют как самостоятельные вещи, а представляют собой требования к кредитной организации. Цифровой рубль же эмитируется непосредственно Банком России как самостоятельная валютная единица, что не попадает под привычную модель «денег как обязательства». Также согласно статье 5 Федерального закон «О банках и банковской деятельности» привлечение цифровых рублей во вклады (депозиты) не осуществляется [22] — то есть цифровой рубль не может быть средством накопления, а невозможность накопления в форме депозита противоречит логике «имущественного права» как права, предполагающего возможность использования для извлечения дохода.

В доктрине на данный момент тоже нет единого подхода к правовой природе цифрового рубля. Так, например, по мнению В. В. Шумиловой, цифровой рубль представляет собой «дополнительную инновационную форму национальной валюты, которая будет обращаться наравне с другими формами денег посредством цифровых технологий» [24], похожую позицию высказывает А. В. Турбанов, он утверждает, что цифровой рубль «станет третьей формой российской валюты и будет использоваться наряду с безналичными рублями» [23]. Альтернативный подход к правовой основе цифрового рубля можно найти в работах Л. Ю. Василевской, на её взгляд «цифровой рубль представляет собой имущественное (обязательственное) право и подпадает под гражданско-правовую квалификацию цифрового права» [3]. Таким образом, исходя из позиций, высказываемых в современной доктрине, можно сделать вывод о том, что цифровой рубль имеет двойственную правовую природу — он одновременно является и валютой, и имущественным правом (по аналогии с неоднозначной правовой природой Центрального банка

Российской Федерации, который одновременно является, и публичным органом государственной власти, и юридическим лицом с частноправовым статусом).

Обращаясь к судебной практике, можно увидеть, что споры относительно цифрового рубля пока являются очень редким явлением, в связи с его совсем недавним появлением и, на сегодняшний день, ещё не широким распространением в повседневной жизни. Однако уже сейчас существует судебная практика, которая иллюстрирует нам, как правоприменителям — что суды однозначно относят цифровой рубль к объектам гражданских прав и применяют к нему права и обязанности, справедливые для имущественных прав в классическом смысле. Например, Арбитражный суд Московского округа в своём Постановлении от 24 апреля 2026 г. по делу № А40–147210/2023 [13] подчеркивает, что по Налоговому законодательству в случае неисполнения обязательств со стороны гражданина — обращение взыскания может происходить в том числе и на цифровые рубли, принадлежащие нарушителю. Также считаем, что закрепление цифрового рубля как объекта гражданских прав на законодательном уровне (в ст. 128 ГК) — исключает блок споров относительно признания/не признания цифрового рубля объектом, к которому могут применяться положения законодательства РФ.

Ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» закрепляет валюту в наличной форме и в безналичной форме (к которой относятся средства на счетах и во вкладах, цифровые деньги иностранных государств) [20]. Следовательно, исходя из содержания данной статьи, понятия безналичных денежных средств и цифрового рубля отождествляется. Однако сопоставляя понятие «цифровой рубль» и наиболее близкую к нему правовую категорию — безналичные деньги, можно выявить значительные различия. Так, например, в отличие от безналичных расчетов к цифровым рублям не применяются традиционные формы расчетов, предусмотренные гл. 46 ГК РФ, включая платежные поручения, аккредитивы, инкассо и чеки. Также цифровой рубль может существовать только на платформе Центрального Банка и только на одном расчетном счете — открытие нескольких счетов (как в разных коммерческих банках может быть с безналичными денежными средствами) не допускается, хотя банки будут выступать в роли «проводников» при совершении операций с цифровыми рублями (предоставлять доступ, обсуживать, контролировать и консультировать при совершении операций с цифровыми рублями), так же с цифровыми рублями нельзя будет совершить никакие анонимные операции, даже при минимальных суммах. Р. И. Гарипов и Н. Н. Максимова в качестве основных отличий цифрового рубля от безналичных денег указывают: «1) обращение в блокчейне; 2) возможность использования в качестве расчетного средства как в онлайн, так и в офлайн-режиме; 3) отсутствие комиссий за перевод» [4]. Таким образом, различие между цифровым и безналичным рублем заключается не только в техническом механизме их обращения, но и в том, какой

круг расчетных операций может с ними совершаться, и допустимых способах осуществления расчетных операций.

Более того, считаем, что цифровой рубль правильнее было бы отождествлять не только с безналичными денежными средствами, но ещё и с наличными, так как цифровой рубль эмитируется исключительно Центральным Банком — правовая природа сходная с наличными денежными средствами. Поэтому цифровой рубль нужно выделять именно неким гибридом, который содержит в себе свойства и наличных, и безналичных денег — в связи с чем его дальнейшее внедрение и повседневное использование гражданами, юридическими лицами и органами государственной власти должно стать более оптимальным и удобным, чем использование двух, противоположных по своим характеристикам, форм валюты по отдельности.

Считаем необходимым провести системный сравнительно-правовой анализ цифрового рубля и цифровой валюты (криптовалюты), выделив их существенные отличия, так как на практике и в публичном дискурсе нередко происходит смешение понятий «цифровой рубль» и «криптовалюта», что порождает юридические ошибки и неверные ожидания участников оборота. Как справедливо отмечает Е. В. Зайнутдинова, общим признаком для всех этих категорий выступает их цифровая форма и существование в определенной информационной системе, однако различия между ними лежат в плоскости легализации, ограничений оборота и функционального назначения [5]. Рассмотрим основные отличия «цифрового рубля» от «цифровой валюты»:

1) Цифровой рубль, согласно изменениям, внесенным в ст. 128 ГК РФ, рассматривается как «иное имущество» и, по сути, является имущественным правом требования к Банку России. Как пишут Д. А. Самородов и М. С. Мережкина, цифровой рубль обладает двойственной правовой природой: с одной стороны — это объект гражданских прав, с другой — форма валюты Российской Федерации, используемая для расчетов [18]. Л. Ю. Васильевская прямо квалифицирует цифровой рубль как обязательственное право, подпадающее под категорию цифровых прав [3, с. 9-19]. А криптовалюта (в российском законодательстве — «цифровая валюта») имеет иной статус. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые не являются законным платежным средством. При этом Верховный Суд РФ и судебная практика (например, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40–124668/2017) признают криптовалюту имуществом по смыслу ст. 128 ГК РФ [14]. Однако, в отличие от цифрового рубля, криптовалюта не имеет обязанного лица — ее ценность обеспечивается не государственной гарантией, а доверием участников оборота и алгоритмами консенсуса.

Таким образом, первое отличие состоит в том, что цифровой рубль является обязательственным правом требования к центральному эмитенту; криптовалюта — децентрализованным имуществом без обязанного лица.

2) Эмитентом цифрового рубля выступает Банк России. Это следует из Концепции цифрового рубля 2021 г. и поправок в Федеральный закон «О национальной платежной системе». Цифровой рубль является формой существования национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Криптовалюта (биткоин, эфириум и др.) не имеет эмитента в юридическом смысле. Майнинг представляет собой деятельность по созданию новых «монет», которая не регулируется нормами о денежной эмиссии. С. А. Андрюшин и А. Я. Запорожан подчеркивают, что криптовалюты являются частными деньгами, не обеспеченными активами центрального банка [1]. Более того, согласно ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ, на территории РФ запрещено принимать криптовалюту в качестве средства платежа, что подчеркивает ее негосударственную природу.

Второе отличие состоит в том, что цифровой рубль эмитируется исключительно Банком России и обеспечивается государством, криптовалюта же не имеет эмитента и не обеспечена никакими публично-правовыми гарантиями.

3) Цифровой рубль по замыслу регулятора призван выполнять все функции законного платежного средства. Ст. 140 ГК РФ прямо допускает расчеты цифровыми рублями. В 2024 году Банк России проводил тестовые операции с участием реальных клиентов — оплата товаров и услуг с использованием QR-кода. Планируется, что с 2026 года крупные торговые сети будут обязаны принимать цифровой рубль. Таким образом, цифровой рубль — это универсальное расчетное средство. А криптовалюта, напротив, законным платежным средством не является. Ее использование в качестве встречного предоставления возможно только в силу соглашения сторон, но никто не может быть принужден к ее принятию. Внутри страны оборот криптовалюты как средства платежа запрещен. Как указывает А. А. Максуров, существуют сложности с привлечением к ответственности за использование криптовалюты в расчетах [9], что свидетельствует о «сером» характере ее оборота. Отсутствие защиты имущественных прав, связанных с цифровой валютой, наглядно иллюстрируется судебной практикой. Так, например, в Апелляционном определении СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 марта 2023 г. по делу № 33-6505/2023 истец перевел ответчику 135 000 рублей без указания назначения платежа. Ответчик утверждал, что это оплата за биткоины, приобретенные через иностранную платформу LocalBitcoins. Суд установил, что сделки с цифровой валютой через иностранных операторов, не включенных в реестры Банка России, не соответствуют законодательству РФ. Такая валюта не признается объектом гражданских прав в России. Суд признал получение средств неосновательным обогащением и обязал ответчика вернуть деньги, а также выплатить проценты и расходы по госпошлине. Апелляционная инстанция оставила решение без изменений.

То есть, третье отличие заключается в том, что цифровой рубль является законным платежным средством, обязательным к приему в установленных случаях и, при необходимости, защищаемым государством в соответствии с законодательством РФ, криптовалюта лишь инвестиционный актив (иное имущество), не являющийся деньгами.

4) Расчеты цифровым рублем характеризуются повышенной прозрачностью. Как отмечают А. О. Питиримова и К. Д. Сироткина, цифровой рубль станет инструментом финансового контроля [12]. Операции в платформе цифрового рубля отслеживаются Банком России, что позволяет противодействовать расчетным операциям, противоречащим законодательству РФ. Криптовалюта же, особенно конфиденциальные монеты (Monero, Zcash), предоставляет высокий уровень анонимности. Это создает риски использования криптовалюты в незаконной деятельности. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 26.02.2019 распространил на криптовалюту законодательство о противодействии легализации преступных доходов [15].

Следовательно, четвертое отличие состоит в том, что цифровой рубль предполагает высокую степень контролируемости, а криптовалюта в значительной степени анонимна и неподконтрольна государству.

5) В отношении цифрового рубля законодатель не вводит значительных ограничений оборота, за некоторым исключением (невозможность открытия вкладов в цифровых рублях, как указано в ст. 5 Закона «О банках и банковской деятельности», невозможность накопления на счетах цифровых рублей). Криптовалюта, наоборот, обставлена многочисленными запретами. Ее нельзя использовать как средство платежа, рекламировать, организовывать ее выпуск и обращение без соответствующей лицензии. При этом, как справедливо замечает С. А. Карелина, отсутствуют эффективные механизмы поиска криптовалюты в процедурах банкротства [6], что создает пробел в правовом регулировании.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно разницы между понятиями «цифровой рубль» и «цифровая валюта». Указанные понятия являются принципиально различными правовыми феноменами. Цифровой рубль — это форма национальной валюты, обязательственное право, эмитируемое Банком России, обладающее всеми признаками законного платежного средства и встроенное в централизованную информационную систему. Криптовалюта — децентрализованное цифровое имущество, не имеющее обязанного лица, не являющееся деньгами, оборот которого внутри России существенно ограничен.

Категории «цифровая валюта» и «цифровой рубль» нельзя сопоставлять никаким образом. Прогнозировать внедрение цифрового рубля по аналогии с развитием и распространением криптовалюты также не представляется возможным. Следовательно, цифровой рубль будет проходить свой индивидуальный путь широкого

внедрения и распространения, а также иметь принципиально другие достоинства и недостатки по сравнению с цифровой валютой.

По итогам 2025 года проект цифрового рубля трансформировался из экспериментальной инициативы в полноценный инфраструктурный проект с детерминированными сроками реализации и обязательствами для участников рынка, что объективно актуализирует комплексное исследование его макроэкономических последствий. В связи с этим считаем, что необходимо анализировать влияние цифрового рубля на трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики, устойчивость банковского сектора и перспективы интеграции в систему международных расчётов.

Стоит отметить, что экономическое влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику носит двоякий характер. С одной стороны, по мнению И. Г. Марина, внедрение цифрового рубля способствует повышению эффективности денежно-кредитной политики за счёт снижения транзакционных издержек и ускорения скорости обращения денег [10]. Появление третьей формы денег приведёт к перераспределению средств между наличными, безналичными и цифровыми рублями, однако общий объём денежного предложения останется неизменным, поскольку эмиссия цифрового рубля сопровождается списанием аналогичной суммы с корреспондентских счетов кредитных организаций [7].

С другой стороны, наиболее значимым риском для денежно-кредитной политики является возможный отток ликвидности из банковского сектора. По различным оценкам, отток может составить от 2 до 10 трлн рублей [11], [19], а в неблагоприятном сценарии кредитные организации могут столкнуться с утратой 35–40 % средств на текущих счетах физических лиц и пятой части средств корпоративных клиентов. Однако выбранная двухуровневая розничная модель (CBDC), при которой коммерческие банки сохраняют роль финансовых посредников, позволяет смягчить негативные последствия [7].

В случае существенного сокращения ликвидности банковского сектора регулятор располагает инструментами для нейтрализации дефляционного давления, включая возможность снижения ключевой ставки и перехода от абсорбирования ликвидности к её предоставлению. Введение цифрового рубля также способствует сокращению теневой экономики на 7,3 трлн рублей, или на 21 % от первоначального объёма, за счёт повышения прозрачности финансовых операций, что оказывает умеренное дефляционное воздействие [16].

Таким образом, цифровой рубль одновременно усиливает и ослабляет инструментарий денежно-кредитного регулирования — он повышает прозрачность денежных потоков, но создаёт неопределённость в отношении поведения банковского сектора.

В условиях санкционного давления на российскую экономику и отключения российских банков от международной платёжной системы SWIFT цифровой рубль при-

обретает особое значение как инструмент международных расчётов. По мнению В. В. Антропова, национальные цифровые валюты, стоимость которых гарантируется государством через центральный банк, представляют наиболее перспективную форму международных взаиморасчётов в сравнении с децентрализованными криптовалютами, отличающимися высокой волатильностью и низкой ликвидностью. Однако существенным препятствием остаётся необходимость создания технических предпосылок для финансового сотрудничества со стороны заинтересованных стран и формирования соответствующей нормативной базы [2].

Таким образом, цифровой рубль становится не просто платёжным средством, а геополитическим инструментом, способным обходить традиционные финансовые барьеры.

Существенным технологическим преимуществом выступает интеграция смарт-контрактов — алгоритмизированных сделок, автоматически исполняемых при наступлении заданных условий на платформе цифрового рубля. Данный инструмент исключает возможность одностороннего уклонения от обязательств и снижает издержки на юридическое сопровождение. В пилотном режиме тестируются смарт-контракты для условного депонирования средств (эскроу) при расчётах по госконтрактам, что открывает перспективы для автоматизации выплат заработной платы, страховых возмещений и внутрихолдинговых расчётов [7]. В отличие от классической договорной конструкции, смарт-контракт на платформе цифрового рубля обеспечивает мгновенное исполнение обязательств при наступлении прописанных в коде условий, что минимизирует риски неисполнения и сокращает издержки для контрагентов.

Управление рисками, сопутствующими внедрению цифрового рубля, требует системного подхода, учитывающего интересы всех стейкхолдеров. По мнению Ю. А. Лебедевой, централизованная платформа цифрового рубля представляет собой потенциально привлекательную цель для масштабных кибератак, успешная реализация которых может парализовать платёжную систему и привести к утрате средств [8]. При этом сохраняются технологические риски, связанные с недостаточной производительностью распределённых реестров и обеспечением офлайн-режима. Инфраструктурная неготовность предприятий и разный уровень защищённости финансовых организаций создают дополнительные уязвимости.

Ключевым фактором успеха проекта является готовность населения и бизнеса к использованию новой формы денег, поскольку опыт других стран демонстрирует, что низкая популярность цифровых валют центральных банков может сделать их внедрение экономически неэффективным [16]. Поэтапный подход к запуску, предусматривающий пилотирование на ограниченном круге участников с последующим масштабированием, позволяет выявлять и устранять технические проблемы, адаптировать нормативную базу и формировать доверие пользователей [7].

Таким образом, риски внедрения цифрового рубля не являются непреодолимыми, но требуют постоянного мониторинга и гибкости регуляторных механизмов.

Согласно Концепции [7], дальнейшее развитие цифрового рубля Банка России должно быть направлено на совершенствование механизмов защиты прав потребителей, определение правового статуса цифрового рубля в международных расчётах, урегулирование вопросов налогообложения операций с цифровой валютой. Российское правовое и экономическое поле в сфере цифровых валют находится на стадии активного форми-

рования, и новаторский характер цифровых активов объективно обуславливает необходимость поэтапного совершенствования законодательства с учётом накопленного опыта пилотных проектов и международной практики.

В конечном итоге цифровой рубль представляет собой не просто технологическое обновление платёжной системы, а фундаментальный элемент новой экономической архитектуры, способный переопределить соотношение между государством, банками и гражданами в сфере денежных отношений.

Литература:

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 54–76; Запорожан А. Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 32–36.
2. Антропов, В. В. Современные цифровые технологии в международных расчетах как инструменты обхода анти-российских санкций / В. В. Антропов // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — № 6. — С. 51–53.
3. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему [Электронный ресурс] // Lex russica. — 2023. — Т. 76, № 1. С. 16
4. Гарипов Р. И., Максимова Н. Н. Значение цифрового рубля для экономики страны [Электронный ресурс] // Управление в современных системах. — 2012. — № 4. С. 8
5. Зайнутдинова Е. В. Цифровая валюта, цифровые права и цифровой рубль: перспективы использования в российской юрисдикции // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 3–9.
6. Карелина С. А., Фролов И. В. Правовой режим криптовалюты и институт несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации // Право и цифровая экономика. 2019. № 4. С. 14–18.
7. Концепция цифрового рубля / Банк России. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2021. — Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 19.05.2026).
8. Лебедева, Ю. А. Цифровая валюта в России: устойчивость финансовой системы и управление рисками: монография / Ю. А. Лебедева. — Москва: Русайнс, 2025. — 126 с. — ISBN 978–5–466–10561–2. — Режим доступа: <https://book.ru/book/960597> (дата обращения: 19.05.2026).
9. Максуров А. А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 428–433.
10. Марин, И. Г. Анализ влияния внедрения цифрового рубля на денежно-кредитную политику Банка России и финансовую систему страны / И. Г. Марин // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31, № 8. — С. 218.
11. Оценка влияния цифрового рубля на депозиты коммерческих банков России // Финансовый журнал. — 2025. — Т. 17, № 3. — С. 126–140. — Режим доступа: https://www.finjournals-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2025/3/statii/08_3_2025_v17.pdf (дата обращения: 19.05.2026).
12. Питиримова А. О., Сироткина К. Д. Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 546–552.
13. Постановление Арбитражного суд Московского округа от 24 апреля 2026 г. по делу № А40–147210/2023
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40–124668/2017.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32...» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4.
16. Родик, П. А. Цифровой рубль в правовом поле России: анализ нормативного регулирования и механизмов обращения / П. А. Родик, Т. А. Стафеева // Вестник молодежной науки. — 2025. — № 4 (51). С. 51.
17. Сайт ЦБ РФ (Электронный источник: <https://cbr.ru/fintech/dr/>, дата обращения: 19.05.2026)
18. Самородов Д. А., Мережкина М. С. Цифровой рубль как объект правового регулирования в Российской Федерации: понятие и перспективы применения // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. № 4 (44). С. 20–24.
19. Солнцев, О. Г. Оценка рисков внедрения цифрового рубля для стабильности денежного рынка и возможностей их компенсации инструментами денежно-кредитной политики / О. Г. Солнцев, И. В. Медведев. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/Soln/Komp_Kredit.pdf (дата обращения: 19.05.2026).
20. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» Ст. 1

21. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) Ст. 128
22. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 09.04.2026) «О банках и банковской деятельности» Ст. 5
23. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 5 (138). С. 74
24. Шумилова В. В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты [Электронный ресурс] // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 2. С. 158
25. Экспертное заключение по итогам сессии ПМЭФ-2025 «Международное финансовое сотрудничество: Россия, Африка и Азия — новый финансовый треугольник». (Электронный источник: <https://roscongress.ru/materials/kak-vnedrenie-tsifrovyykh-valyut-v-stranakh-briks-menyaet-landshaftmezhdunarodnykh-raschetov/>, дата обращения: 19.05.2026)

Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности

Вареная Виктория Романовна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматриваются проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, проблема, решение.

Существование оснований освобождения от уголовной ответственности является закономерным следствием гуманизации уголовной политики государства. В доктрине уголовного права под освобождением от уголовной ответственности понимается последствие совершения преступления, проявляющееся в негативной оценке государством в лице компетентных органов виновного лица, совершившего преступление, с последующим претерпеванием этим лицом отрицательных последствий [5]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) закреплены следующие основания: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба, назначение судебного штрафа, истечение сроков давности. Самым проблемным и дискуссионным является основание истечение сроков давности, данный институт закреплен в статье 78 УК РФ. Рассматриваемое основание является динамично развивающимся механизмом уголовного права.

Под сроками давности в уголовной доктрине понимается установленные законом периоды времени, после которых человека нельзя наказать за совершенное преступление. Если этот срок истек, лицо освобождается от уголовной ответственности, а возбужденное дело подлежит прекращению. В статье 78 УК РФ закреплено, что сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу [2]. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 27.06.2013 № 19 в п. 17 под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует понимать день совершения общественно

опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий [3]. Продолжительность сроков зависит от категории совершенного преступления, так после совершения преступления небольшой тяжести срок составляет два года; средней тяжести шесть лет; тяжкое преступление десять лет; особо тяжкое пятнадцать лет.

Актуальность проблематики освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности обусловлена комплексом различных взаимосвязанных факторов.

Во-первых, в доктрине отсутствует единство относительно его правовой природы: одни авторы считают, что это обстоятельство, которое устраняет общественную опасность лица, поскольку по истечении длительного времени восстановление социальной справедливости не имеет значения, а также лицо могло исправиться. Но при анализе данной точки зрения, рассматриваемое основание будет являться реабилитирующим, но закон устанавливает его как не реабилитирующее. Исходя из этого, в правоприменительной практике возникают противоречия. Другие утверждают, что это случай амнистии, то есть не реабилитация, а прощение со стороны государства. Возражением на этот подход является то, что амнистия — это акт государственной власти, а освобождение в связи с истечением сроков — это самостоятельный механизм, действующий автоматически. Эта неопределенность порождает противоречивую судебную практику и затрудняет выработку единых критериев применения ст. 78 УК РФ.

Во-вторых, противоречия в толковании ключевого понятия «уклонение от следствия и суда». Судебная прак-

тика пошла по пути формального признания уклонения лишь при условии, что лицо знало о возбужденном деле, но совершало действия, направленные на невозможность его установления. Однако в практике недостаточно обосновано, как оценивать поведение лица, которое не скрывалось, но активно противодействовало расследованию. Не выработана позиция и в отношении ситуации, когда лицо не являлось на вызовы по уважительным причинам. Это ведет к тому, что суды принимают противоположные решения. Примером служит апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Курска, в котором рассматривается дел, где ФИО обвинялся в мошенничестве при получении субсидий (ч. 2 ст. 159.1 УК РФ). В мае-июне 2015 года он подал в центры занятости Курской области заявки на компенсацию расходов за создание рабочих мест для инвалидов, предоставив подложные документы о покупке оборудования на общую сумму около 145 тыс. рублей. Фактически оборудование он не приобретал, рабочие места не оборудовал, а полученные деньги похитил. Мировой судья прекратил уголовное дело 13.07.2017 из-за истечения 2-летнего срока давности (преступление небольшой тяжести). Потерпевший обжаловал это решение, заявив, что срок давности должен был приостановиться, так как ФИО уклонялся от следствия. Суд апелляционной инстанции оставил постановление мирового судьи без изменений, указав, что срок давности действительно истёк (преступление совершено с мая по 11 июня 2015 года, а дело прекращено 13.07.2017); доказательств, что ФИО умышленно уклонялся от следствия и суда не имеется [4].

В-третьих, коллизия с презумпцией невиновности и правом на справедливое судебное разбирательство. Приостановление течения давности в случае уклонения возлагает на обвиняемого фактическое бремя доказывания своей неуклонности, что вступает в противоречие со ст. 49 Конституции РФ, которая гласит о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность [1].

Таким образом, возникает вопрос, как должен действовать суд при установлении факта уклонения лица.

Рассмотрев проблемы возникающие при освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, считаю нужным предложить пути решения. Относительно проблемы отсутствия единой правовой природы данного основания, можно предложить внести изменение в ст. 78 УК РФ, сказав, о том, что данное освобождение является нереабилитирующим основанием, не свидетельствует о невиновности лица, но влечет непременное прекращение уголовного преследования без права на возмещение вреда, исключением будут являться случаи, когда будет установлено, что уголовное дело было возбуждено при отсутствии события или состава преступления. Пути решения второй проблемы следующие: необходимо точно определить, что является уклонением от суда и следствия, внося изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55, сказав, что уклонением от следствия и суда признаются только умышленные действия, совершенные после того, как лицу стало достоверно известно о возбуждении уголовного дела: смена места жительства без уведомления, использование подложных документов, систематическая неявка по вызову без уважительных причин. При этом не являются уклонением: болезнь, нахождение в командировке, отсутствие извещения. И для решения третьей проблемы, также необходимо расширить ст. 78 УК РФ, указав, что приостановление течения сроков давности в связи с уклонением лица от следствия и суда допускается только при условии, что факт уклонения доказан, и бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Неустранимые сомнения в наличии уклонения толкуются в пользу обвиняемого.

В заключение стоит сказать, что все перечисленные в работе проблемы могут быть решены только при совместной работе законодателя и правоприменителя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/
4. Апелляционное постановление № 10–23/2017 от 28 августа 2017 г. по делу № 10–23/2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4W4KjajKmPQs/>
5. Е. В. Герасимова, И. А. Петрова Освобождение от уголовной ответственности: учебное пособие — Вологда: Северо-Западный ин-т (филиал) Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2025. — 193 с.

Основание прекращения уголовного дела в связи с малозначительностью совершенного деяния

Василенко Анжелика Денисовна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматривается малозначительность деяния, как основание прекращения уголовного дела, проблемы реализации этого института, а также пути их решения.

Ключевые слова: возбуждение, прекращение, основание, малозначительность, критерии.

В механизме уголовно-процессуального регулирования одно из ключевых мест занимает стадия возбуждения уголовного дела. Поводом к возбуждению дела согласно ст. 140 УПК РФ выступают заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение из иных источников, а также постановление прокурора о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании [1]. Однако сам по себе повод не порождает обязанности начать расследование: решающее значение имеет основание — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Если в ходе доследственной проверки выявлено, что деяние формально содержит все элементы состава преступления, однако отличается невысокой степенью общественной опасности, в возбуждении дела должно быть отказано. В частности, ссылаясь на п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, отказывают в возбуждении дела ввиду отсутствия самого события преступления; если же дело уже было открыто — оно подлежит закрытию.

Прекращение уголовного дела влечёт за собой разные юридические последствия — реабилитирующие и не реабилитирующие — в зависимости от конкретного основания и этапа процесса. К числу реабилитирующих относится, помимо прочего, отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Данная формулировка означает, что инкриминируемое событие либо вовсе не происходило в действительности, либо действие (бездействие) имело место, но не является преступным (т. е. не содержит требуемых признаков).

Данное основание прекращения влечёт такие правовые последствия, как: официальное подтверждение невиновности — лицо признаётся непричастным к преступлению; возникновение права на реабилитацию (ст. 133–139 УПК РФ), включая возмещение имущественного вреда от уголовного преследования, компенсацию морального ущерба, восстановление в трудовых и иных правах.

Тем не менее на практике применение уголовно-правовой нормы о малозначительности сопряжено с серьёзными теоретическими и правоприменительными трудностями, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

К отсутствию события преступления следует относить и малозначительность деяния, которая, таким образом, выступает одним из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность и порождающих право на реабилитацию. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, не признаётся пре-

ступлением действие (бездействие), пусть формально и содержащее признаки какого-либо состава, предусмотренного уголовным законодательством, но в силу малозначительности лишённое общественной опасности [2].

Существование данной категории в УК способствует реализации ключевого принципа уголовного права — гуманизма, а также служит проявлением экономии уголовно-правовой репрессии, позволяя избежать неоправданного привлечения лица к ответственности.

В следственно-судебной практике норма о малозначительности применяется тогда, когда деяние лица, хотя и включает все формальные признаки состава из Особенной части УК РФ, тем не менее по своему содержанию отличается от типичных уголовно наказуемых действий и не требует применения мер уголовно-правового воздействия. Как справедливо отмечает В. Н. Винокуров, при малозначительности само деяние совершается виновно, однако вред (или угроза его причинения) либо отсутствует, либо носит ничтожный характер [3]. Важно подчеркнуть: малозначительность — это не смягчающее обстоятельство, а обстоятельство, исключающее преступность деяния. В отличие от освобождения от уголовной ответственности (например, в связи с деятельным раскаянием), малозначительность означает, что преступления не было с самого начала.

В теории уголовного права выделяются следующие критерии определения малозначительности, во-первых, это характер и степень фактической общественной опасности (размер вреда, способ, обстановка, форма вины); во-вторых, направленность умысла (планировалось ли причинение более серьёзного вреда); в-третьих, стоимость, значимость предмета посягательства; в-четвертых, личность виновного (но лишь в той мере, в какой она влияет на оценку опасности самого деяния); и в-пятых, последствия или реальная угроза их наступления. При этом, как подчёркивают Тасаков С. В. и Нечаева Е. В., «особенности определения малозначительности должны относиться к деянию, а не к смягчающим наказанием обстоятельствам» [5]. Данные критерии, подтверждаются примерами из практики: 1. Открытое хищение одной плитки шоколада из магазина признаётся малозначительным ввиду ничтожной стоимости и отсутствия существенного вреда. Уголовное дело прекращается, а лицо может быть привлечено к административной ответственности. 2. В постановлении Президиума Сахалинского областного суда, приведённом в Обзоре практики Верховного Суда РФ от 24 июня

2022 г., гражданин, выловивший спиннингом одну особь сахалинского тайменя (вид, занесённый в Красную книгу), был оправдан именно ввиду малозначительности: единичный характер, орудие лова не являлось запрещённым, ущерб рыбным запасам не был существенным [4].

Следует различать малозначительность и случаи, когда событие имело место, но оно не содержит признаков состава (например, отсутствует вина, субъект не достиг возраста ответственности). При малозначительности же формальные признаки состава есть, но отсутствует именно общественная опасность как материальное свойство преступления.

Схожие ситуации встречаются в практике достаточно часто, однако уголовно-правовая оценка малозначительных деяний остаётся крайне непоследовательной и противоречивой. При определении малозначительности необходимо также принимать во внимание характер и степень содеянного, способ совершения, намерения лица, соразмерность деяния уголовному наказанию, предусмотренному законом. Особенности установления малозначительности должны относиться непосредственно к деянию, а не к смягчающим наказание обстоятельствам. Решение вопроса о признании деяния малозначительным находится в компетенции следствия и суда.

Реализация института малозначительности на практике сопряжена со сложностями, что обусловлено трудностями аргументации, отсутствием чётких критериев отграничения преступления от деяния, которое формально содержит признаки состава, но ввиду малозначительности не представляет общественной опасности [5].

В настоящее время назрел ряд проблем, требующих разрешения. Во-первых, отсутствует единое понимание правовой природы малозначительности в уголовном праве и её места в системе институтов, связанных с исключением уголовной ответственности. Во-вторых, не выработано унифицированных критериев для выявления признаков малозначительности. В-третьих, имеет место разрозненная судебная практика с использованием шаблонных формулировок в судебных актах при установлении признаков малозначительности. Эти и другие проблемы создают почву для произвольного правоприменения и нуждаются в скорейшем решении.

Резюмируя сказанное выше, можно сказать, что малозначительность деяния представляет собой самостоятельный уголовно-правовой институт, выполняющий важную гуманистическую функцию: он позволяет отсечь от уголовной юрисдикции случаи формального нарушения закона, не представляющие реальной общественной опасности. Отказ в возбуждении дела или его прекращение на этом основании является реабилитирующим и порождает для лица полное восстановление прав.

Однако отсутствие чётких критериев в законе и разъяснений Верховного Суда порождает противоречивую практику, нарушающую принципы справедливости и равенства. Принятие специального постановления Пленума ВС РФ, содержащего детальные критерии малозначительности и процессуальные гарантии реабилитации, позволит повысить авторитет правосудия и обеспечить единообразное применение ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 174-ФЗ от 18.12.2001 г. (ред. от 09.04.2026 г.)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 г. (ред. от 09.04.2026 г.)
3. Винокуров В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С. 74–83.
4. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404783865/>
5. Тасаков С. В., Нечаева Е. В. Малозначительность деяния в российском уголовном праве и правоприменительной практике [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloznachitelnost-deyaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave-i-pravoprimenitelnoy-praktike>

Теоретические и правовые основы института административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства

Вихорева Ольга Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются теоретические и правовые основы института административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства в Российской Федерации. Рассматриваются понятие, признаки и правовая природа административной ответственности в налоговой сфере, анализируется ее со-

отношение с налоговой ответственностью, а также раскрываются особенности нормативного регулирования соответствующих правоотношений. Особое внимание уделяется положениям действующего российского законодательства, проблемам квалификации налоговых административных правонарушений, вопросам определения субъектного состава и особенностям правоприменительной практики.

Ключевые слова: административная ответственность, налоговое законодательство, налоговые правонарушения, административное правонарушение, налоговая ответственность.

Theoretical and legal basis of the institute of administrative liability for committing offenses in the field of tax legislation

This article examines the theoretical and legal foundations of administrative liability for tax offenses in the Russian Federation. It examines the concept, characteristics, and legal nature of administrative liability in the tax sphere, analyzes its relationship with tax liability, and reveals the specifics of the regulatory framework governing the relevant legal relations. Particular attention is paid to the provisions of current Russian legislation, the classification of tax administrative offenses, determining the subject matter, and the specifics of law enforcement practice.

Keywords: administrative liability, tax legislation, tax offenses, administrative offense, tax liability.

Актуальность исследования института административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства обусловлена тем, что налоговая сфера затрагивает базовые публичные интересы государства, поскольку именно через систему законно установленных налогов и сборов обеспечивается формирование доходной части бюджетов, финансирование публичных обязательств и поддержание устойчивости финансовой системы. Конституционный уровень значимости налоговой обязанности прямо выражен в статье 57 Конституции Российской Федерации, закрепляющей обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы. В этих условиях административная ответственность выступает не только как средство реагирования на уже совершенное противоправное деяние, но и как важный инструмент предупреждения нарушений, дисциплинирования участников налоговых правоотношений и поддержания режима законности в сфере публичных финансов. Особую научную значимость теме придает и то обстоятельство, что соответствующие составы правонарушений закреплены в действующем российском законодательстве, прежде всего в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, тогда как сама налоговая обязанность и порядок ее исполнения детально урегулированы Налоговым кодексом Российской Федерации. Это делает рассматриваемый институт межотраслевым по своей правовой природе и особенно сложным для теоретического осмысления и правоприменения.

Цель исследования состоит в комплексном научном осмыслении теоретических и правовых основ института административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства в Российской Федерации, в выявлении его места в системе юридической ответственности, в раскрытии особенностей нормативного регулирования, состава соответствующих административных правонарушений,

оснований и пределов привлечения к ответственности, а также в определении проблемных аспектов правоприменительной практики и направлений дальнейшего совершенствования законодательства.

В разработку теоретических и прикладных аспектов рассматриваемой проблематики внесли вклад ученые, исследовавшие общие вопросы административной ответственности, публично-правового принуждения и финансово-правовой охраны налоговых отношений. Среди них традиционно выделяют Д. Н. Бахраха, Н. Г. Салищеву, А. П. Шергина, Ю. А. Тихомирова, а в области налогового и финансового права — С. Г. Пепеляева, И. И. Кучерова, А. В. Брызгалова, Д. В. Винницкого и других авторов, чьи работы позволили сформировать методологическую основу для анализа ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах. Специально вопросы административной ответственности в налоговой сфере рассматривались и в профильных исследованиях, посвященных современным проблемам квалификации, разграничения видов ответственности и особенностям правоприменения.

Институт административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства в Российской Федерации занимает особое место в системе публично-правового воздействия, поскольку он формируется на пересечении административного и налогового права и служит обеспечению фискальной устойчивости государства, защите бюджетных интересов и поддержанию обязательности налоговой дисциплины. Его специфика состоит в том, что сама обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы имеет конституционную природу, а меры государственного реагирования на нарушения в данной сфере распределены между несколькими отраслями законодательства. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы, Налоговый кодекс Российской Федерации опре-

деляет содержание налоговой обязанности и меры ответственности за налоговые правонарушения, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает составы административных проступков в области финансов, налогов и сборов. Таким образом, административная ответственность в налоговой сфере не может быть понята вне общего механизма публично-правового принуждения, в котором сочетаются материально-правовые, процессуальные и превентивные элементы.

Теоретически данный институт следует рассматривать как форму административно-деликтной охраны налоговых отношений, направленную прежде всего на обеспечение надлежащего исполнения процессуальных и организационных обязанностей в налоговой сфере, возлагаемых не только на налогоплательщиков, но и на должностных лиц организаций, налоговых агентов, банки и иных участников отношений, связанных с исчислением, удержанием, перечислением и контролем обязательных платежей. Именно поэтому административная ответственность в этой области отличается от налоговой ответственности в узком смысле, закрепленной в главе 15 Налогового кодекса Российской Федерации. Налоговая ответственность ориентирована преимущественно на восстановление имущественной сферы публичного образования и взыскание финансовых санкций за собственно налоговые правонарушения, тогда как административная ответственность чаще адресована виновному физическому лицу, прежде всего должностному, и выражает персонализированное государственное порицание за нарушение установленного порядка исполнения налоговых обязанностей. В научной литературе именно это разграничение признается одним из центральных вопросов всей конструкции ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах [1, с. 127].

Правовая основа рассматриваемого института складывается из нескольких нормативных блоков. Первый блок образуют конституционные положения о всеобщности налоговой обязанности, законности ограничений прав и принципе правовой определенности. Второй блок представлен Налоговым кодексом Российской Федерации, который определяет понятие налогового правонарушения, общие условия привлечения к ответственности, формы вины, обстоятельства, исключающие вину, а также специальные составы налоговых деликтов. Третий блок составляют нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, прежде всего главы 15, в которой сосредоточены составы в области финансов, налогов и сборов. В ней закреплены, в частности, составы, связанные с нарушением срока постановки на учет в налоговом органе, нарушением срока представления сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, грубым нарушением требований к бухгалтерскому учету и отчетности, а также иные составы, затрагивающие налоговое администрирование. Важное значение имеют и процессуальные нормы КоАП Российской Феде-

рации, определяющие подведомственность, порядок возбуждения дел, доказывание, сроки давности, правила назначения административных наказаний и гарантии лицу, привлекаемому к ответственности [2, с. 173].

Наиболее существенная теоретическая проблема заключается в разграничении налоговой и административной ответственности при внешнем сходстве охраняемых отношений. В российском праве эта проблема не является сугубо академической, потому что она прямо влияет на квалификацию деяния, круг субъектов, состав доказательств и последствия для организации и ее должностных лиц. Пункт 4 статьи 108 Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет, что привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности. Следовательно, российская модель исходит из допустимости параллельного существования налоговой ответственности организации и административной ответственности ее должностного лица, если каждая из них имеет собственное нормативное основание и адресована самостоятельному субъекту. Конституционный Суд Российской Федерации в 2021 году, анализируя связанные нормы, подтвердил, что такое регулирование само по себе не означает недопустимого двойного наказания, поскольку речь идет о разных субъектах ответственности и различных публично-правовых механизмах реагирования.

Именно субъектный состав образует одну из ключевых особенностей административной ответственности в налоговой сфере. В отличие от налоговой ответственности, где основным субъектом обычно выступает налогоплательщик, плательщик сбора или налоговый агент, административная ответственность в значительном числе случаев ориентирована на должностных лиц организаций. Такая конструкция объясняется тем, что нарушение налоговой дисциплины в хозяйственной практике часто связано не только с имущественным положением юридического лица, но и с конкретными управленческими и учетными решениями: несвоевременной постановкой на учет, искажением данных бухгалтерского учета, непредставлением сведений, ненадлежащим исполнением обязанностей налогового агента, неисполнением требований налогового органа. В результате административно-деликтный механизм в налоговой сфере выполняет персонализирующую функцию, позволяя возлагать ответственность не на абстрактную организацию, а на конкретное должностное лицо, действия или бездействие которого сделали возможным нарушение публичной обязанности. Именно поэтому в судебной и конституционной практике особое место занимают споры о надлежащем установлении статуса должностного лица, объема его полномочий и действительной степени вины [3, с. 48].

Практика показывает, что современное налоговое администрирование в России все в большей степени опирается не на массовое применение санкций по итогам

формальных проверок, а на риск-ориентированный контроль, аналитическую работу и побуждение к добровольному уточнению налоговых обязательств. По данным ФНС России за январь–март 2025 года, по результатам выездных налоговых проверок и аналитической работы в бюджет поступило 100 миллиардов рублей, из которых 62 процента пришлось именно на аналитическую работу и 38 процентов — на выездные проверки; при этом в аналогичном периоде 2024 года соотношение составляло 57 и 43 процента соответственно. За тот же период по результатам камеральных проверок было доначислено 41,3 миллиарда рублей, а объем увеличения налоговых обязательств после получения требований о представлении пояснений и документов составил 38,2 миллиарда рублей. Эти данные свидетельствуют о трансформации модели государственного воздействия: формально-карательный элемент остается значимым, но все более заметную роль начинают играть цифровой контроль, превенция и стимулирование добровольного исполнения налоговой обязанности. На этом фоне административная ответственность становится частью более широкого механизма налогового комплаенса, а не только карательной реакцией государства.

Дополнительный материал для оценки эффективности действующей модели дает статистика досудебного и судебного обжалования. ФНС России сообщала, что в первом полугодии 2025 года было рассмотрено 75 жалоб налогоплательщиков по налоговым спорам, что на 13,8 процента меньше, чем за аналогичный период 2024 года; удовлетворены были 3 жалобы, то есть 4 процента. Оспариваемая сумма составила 143 905 тысяч рублей против 599 131 тысячи рублей годом ранее. В судах первой, апелляционной и кассационной инстанций за тот же период рассмотрено 42 дела, что на 18 споров меньше, чем в сопоставимом периоде 2024 года; при этом сумма требований, удовлетворенных в пользу налогоплательщиков, составила 0,8 процента от общей суммы рассмотренных судом требований. Эти показатели не позволяют автоматически сделать вывод о безусловном качестве всей системы, однако они указывают на две важные тенденции: во-первых, на усиление досудебной фильтрации и предварительной аналитической проработки споров; во-вторых, на относительную устойчивость позиции налоговых органов в значительной части дел. Для исследования административной ответственности это важно потому, что устойчивость правоприменения зависит не только от текста нормы, но и от качества доказательной базы, процедурной добросовестности и единообразия квалификации [4, с. 130].

Среди наиболее значимых проблем правоприменения следует выделить, прежде всего, недостаточную определенность границ между налоговым правонарушением и административным проступком. На практике это проявляется в ситуациях, когда одно и то же фактическое поведение связано одновременно с неполной уплатой налога, нарушением правил учета, непредставлением све-

дений и неисполнением процессуальных обязанностей. При отсутствии предельно четких критериев разграничения возникает риск смешения мер ответственности и неравномерной практики по делам в отношении организаций и их должностных лиц. Второй проблемой является сложность доказывания вины конкретного должностного лица в условиях корпоративного распределения функций между руководителем, главным бухгалтером, иными работниками и аутсорсинговыми структурами. Третья проблема связана с цифровизацией налогового контроля: автоматизация выявления расхождений и рисков повышает эффективность администрирования, но одновременно требует более высоких стандартов процессуальной прозрачности, чтобы лицо понимало, какие именно обстоятельства легли в основу претензии государства. Наконец, сохраняется вопрос о соразмерности санкций в случаях, когда формальное нарушение не повлекло существенного ущерба бюджетным интересам, но все же образует состав административного правонарушения.

Пути совершенствования рассматриваемого института могут быть сведены к нескольким взаимосвязанным направлениям. Прежде всего требуется дальнейшее нормативное уточнение составов административных правонарушений, сопряженных с налоговым администрированием, чтобы яснее разграничить случаи, когда деяние образует налоговое правонарушение организации, и случаи, когда оно должно влечь административную ответственность должностного лица. Не менее важно обеспечить единообразие процессуальных стандартов доказывания по таким делам, особенно в части установления субъекта, формы вины и значения электронных данных налогового контроля. Вторым направлением должно стать развитие риск-ориентированной и профилактической модели, уже проявляющейся в статистике ФНС России: чем эффективнее аналитическая работа и превентивное информирование, тем ниже потребность в жестком санкционном вмешательстве [5, с. 81].

В целом институт административной ответственности за совершение правонарушений в области налогового законодательства в Российской Федерации следует оценивать как необходимый и структурно значимый элемент охраны публичных финансов, однако его дальнейшее развитие требует более тонкой настройки. Современная практика показывает, что эффективность налогового администрирования достигается не только за счет репрессии, но и благодаря аналитике, цифровому сопровождению, досудебному урегулированию и профилактике нарушений. Поэтому научно обоснованная модель административной ответственности в налоговой сфере должна сочетать неотвратимость ответственности за виновное нарушение, точность законодательных конструкций, индивидуализацию санкций и высокий уровень процессуальных гарантий. Только при таком подходе возможно сохранить баланс между фискальными интересами государства, принципом законности и защитой прав участников налоговых правоотношений.

Литература:

1. Гусынин П. В. Административная ответственность за нарушение налогового законодательства / П. В. Гусынин // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — Т. 5, ч. 2. — С. 126–131.
2. Евсикова Е. В. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение правонарушений в сфере налогового законодательства / Е. В. Евсикова, К. В. Ковалишина // Образование и право. — 2023. — № 2. — С. 171–176.
3. Калачиков Н. С. Рассмотрение дел о налоговых административных правонарушениях / Н. С. Калачиков // Ерopen. Global. — 2024. — № 50. — С. 45–49.
4. Костенко А. Ю. Место административной ответственности в системе юридической ответственности за нарушение налогового законодательства / А. Ю. Костенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 10–3 (97). — С. 130–133.
5. Перетолчин А. П. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений в российском праве / А. П. Перетолчин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 4. — С. 78–86.

Правовое регулирование применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере

Вихорева Ольга Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется правовое регулирование применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические основы административной ответственности в системе публично-правового воздействия, анализируются особенности ее соотношения с налоговой ответственностью, закрепленной в Налоговом кодексе Российской Федерации, а также раскрываются проблемы квалификации правонарушений, определения субъектного состава и выбора надлежащих мер государственного принуждения. Особое внимание уделяется действующему законодательству Российской Федерации, правоприменительной практике и современным подходам, сложившимся в научной литературе по вопросам охраны налоговых правоотношений.

Ключевые слова: административная ответственность, налоговые правонарушения, налоговая сфера, правовое регулирование, налоговое законодательство, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Legal regulation of application of measures of administrative responsibility for offenses in the tax sphere

This article examines the legal regulation of administrative liability for tax offenses in the Russian Federation. It examines the theoretical foundations of administrative liability within the public law system, analyzes its relationship with tax liability as enshrined in the Tax Code of the Russian Federation, and addresses the issues of classifying offenses, determining the subject matter, and selecting appropriate state enforcement measures. Particular attention is paid to current Russian legislation, law enforcement practice, and modern approaches developed in the scientific literature on the protection of tax legal relations.

Keywords: administrative liability, tax offenses, tax sphere, legal regulation, tax legislation, Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

Актуальность исследования правового регулирования применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере в Российской Федерации обусловлена тем, что современная налоговая система выполняет не только фискальную, но и стабилизирующую функцию, обеспечивая финансовую основу публичной власти, реализацию социальных обя-

зательств государства и устойчивость бюджетного процесса. В этих условиях любое нарушение установленного порядка исполнения налоговых обязанностей затрагивает не только интересы казны, но и публичный порядок в целом. При этом действующая модель юридической ответственности в налоговой сфере носит сложный, многоуровневый характер: она включает собственно на-

логовую ответственность, закрепленную в Налоговом кодексе Российской Федерации, а также административную ответственность, установленную Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Нормативное сосуществование этих видов ответственности делает особенно значимым вопрос о разграничении оснований, субъектного состава, процедур привлечения и пределов применения санкций. На уровне действующего законодательства данная проблематика подтверждается тем, что Налоговый кодекс Российской Федерации специально регулирует налоговые правонарушения и ответственность за их совершение, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях закрепляет общие начала административной ответственности, виды наказаний и специальные составы правонарушений в сфере финансов, налогов и сборов.

Повышенное научное и практическое значение темы связано также с тем, что налоговая деликтность все чаще проявляется не в примитивных формах неисполнения обязанности, а в более сложных вариантах нарушения правил учета, представления сведений, взаимодействия с налоговыми органами и соблюдения процедур налогового контроля. Это требует от правоприменителя не формального, а системного толкования норм, поскольку одни и те же фактические обстоятельства могут затрагивать положения Налогового кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях одновременно. Особую сложность создает необходимость соблюдения принципов законности, вины, соразмерности и недопустимости двойного наказания за одно деяние, что придает исследованию не только отраслевой, но и межотраслевой характер. Актуальность темы усиливается и тем, что действующие редакции КоАП Российской Федерации и Налогового кодекса Российской Федерации продолжают обновляться, а значит, научное осмысление механизма административной ответственности в налоговой сфере должно учитывать современное состояние нормативной базы.

Цель исследования состоит в комплексном теоретико-правовом анализе механизма применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере в Российской Федерации, в выявлении особенностей его нормативной конструкции, проблем правоприменения и направлений дальнейшего совершенствования законодательства.

Постановка проблемы в рамках данной темы обусловлена наличием нескольких взаимосвязанных противоречий. Во-первых, в российском праве сохраняется сложное соотношение налоговой и административной ответственности, при котором требуется четко разграничивать составы правонарушений, субъектов ответственности и процессуальные формы реагирования государства. Во-вторых, не всегда бесспорно решается вопрос о том, какие деяния в налоговой сфере должны квалифицироваться как налоговые правонарушения по Налоговому кодексу Российской Федерации, а какие как административные проступки по КоАП Российской Федерации.

В-третьих, существенную научную дискуссию вызывает проблема соразмерности применяемых административных санкций, особенно в тех случаях, когда они затрагивают должностных лиц организаций, действующих в условиях сложного налогового администрирования и высокой регуляторной нагрузки. В-четвертых, сохраняет актуальность вопрос о достаточности процессуальных гарантий при возбуждении, рассмотрении и обжаловании дел об административных правонарушениях, возникающих в связи с нарушением законодательства о налогах и сборах. Тем самым исследовательская проблема заключается не просто в описании действующих норм, а в установлении степени их системности, внутренней согласованности и эффективности.

Среди ученых, чьи труды имеют значение для исследования вопросов административной ответственности, налоговых правонарушений и публично-правового принуждения в финансовой сфере, следует назвать Д. Н. Бахраха, Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова, А. П. Шергина, Н. Г. Салищеву, С. Н. Братуся, С. Г. Пепеляева, И. И. Кучерова, А. В. Брызгалина, Д. В. Винницкого, Е. Ю. Грачеву, Н. И. Химичеву, О. Н. Горбунову, М. В. Карасеву, И. И. Янжула в историко-теоретическом контексте развития финансово-правовых идей, а также других представителей науки административного и финансового права, исследовавших природу публичной ответственности, механизм налогового контроля и способы защиты фискальных интересов государства.

Правовое регулирование применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере в Российской Федерации представляет собой один из наиболее сложных сегментов современного публичного права, поскольку находится на пересечении налогового, административного и финансового регулирования. Его специфика определяется тем, что государство охраняет здесь не абстрактный порядок управления, а устойчивость бюджетной системы, полноту и своевременность поступления обязательных платежей, а также достоверность информации, на которой строится налоговое администрирование. Именно поэтому российская модель ответственности в данной области имеет двойственную конструкцию: с одной стороны, Налоговый кодекс Российской Федерации содержит самостоятельный институт налоговых правонарушений и налоговых санкций, а с другой стороны, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях закрепляет специальные составы административных проступков в области налогов и сборов, прежде всего в главе 15. Такая нормативная архитектура означает, что правоприменитель неизбежно сталкивается с задачей точного разграничения налоговой и административной ответственности, определения надлежащего субъекта ответственности, выбора процессуальной формы реагирования и соблюдения запрета на чрезмерное либо дублирующее карательное воздействие. Раздел VI Налогового кодекса Российской Феде-

рации включает общие положения об ответственности за налоговые правонарушения и перечень специальных составов, а глава 15 КоАП Российской Федерации прямо выделяет составы административных правонарушений в области налогов и сборов.

С научной точки зрения принципиально важно различать налоговую ответственность и административную ответственность, хотя в практическом обороте эти категории нередко смешиваются. Налоговое правонарушение в смысле статьи 106 Налогового кодекса Российской Федерации связано с неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязанностей, установленных актами законодательства о налогах и сборах, и влечет применение налоговых санкций в порядке, предусмотренном самим Налоговым кодексом. Административная ответственность в налоговой сфере, напротив, реализуется по правилам КоАП Российской Федерации и имеет собственную конструкцию состава, сроков давности, субъектов и процедур рассмотрения дела. Это различие не является сугубо теоретическим: оно влияет на распределение бремени доказывания, на круг лиц, которых можно привлечь к ответственности, на характер санкций и на возможность судебного обжалования. Налоговый кодекс отдельно закрепляет понятие налогового правонарушения, формы вины, обстоятельства, исключающие вину, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а КоАП Российской Федерации, в свою очередь, связывает административную ответственность в данной сфере с иными составами и иной процедурной моделью [1, с. 128].

Действующее российское законодательство позволяет увидеть, что административная ответственность в налоговой сфере ориентирована прежде всего на пресечение нарушений процедурного, информационного и организационного характера. В главе 15 КоАП Российской Федерации прямо названы такие составы, как нарушение срока постановки на учет в налоговом органе, нарушение срока представления сведений об открытии и закрытии счета, нарушение сроков представления налоговой декларации, непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, нарушение порядка открытия счета налогоплательщику, нарушение срока исполнения поручения о перечислении налога, а также неисполнение банком решения о приостановлении операций по счетам. Рядом находится статья 15.11 о грубом нарушении требований к бухгалтерскому учету, которая имеет особое значение для налоговой сферы, поскольку именно искажение учетных данных во многих случаях становится предпосылкой дальнейших налоговых нарушений. Таким образом, административно-деликтный механизм в налоговой области выполняет не только карательную, но и превентивную функцию: он охраняет информационную и процедурную инфраструктуру налогообложения.

В отличие от этого, Налоговый кодекс Российской Федерации концентрируется на иных по своему юридическому смыслу деяниях. В главе 16 Налогового кодекса перечислены составы, связанные с нарушением по-

рядка постановки на учет, непредставлением декларации, грубым нарушением правил учета доходов и расходов, неуплатой или неполной уплатой налога, невыполнением обязанностей налогового агента, непредставлением сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, представлением недостоверных сведений и иными нарушениями специального налогового режима поведения. Уже сам перечень показывает, что налоговая ответственность охватывает прежде всего нарушения, непосредственно влияющие на исчисление, удержание, перечисление и контроль обязательных платежей. Отсюда вытекает важный вывод: административная ответственность в налоговой сфере не должна рассматриваться как «запасной» или «дополнительный» вариант налоговой ответственности; это самостоятельный вид публично-правового реагирования, применимый лишь там, где законодатель прямо сконструировал административный состав [2, с. 172].

Именно на этапе разграничения двух видов ответственности возникает первая крупная проблема правового регулирования. Формально законодатель развел институты по двум кодексам, однако фактическая близость части составов создает риск неверной квалификации. Например, непредставление сведений, необходимых для налогового контроля, присутствует и в системе налоговых правонарушений, и в системе административных правонарушений; при этом различаются субъектный состав, юридическая природа санкции и процессуальная форма привлечения. В научной литературе это обычно оценивается как проявление межотраслевой конкуренции охранительных норм, когда при внешнем сходстве диспозиций охраняются не полностью совпадающие правовые блага. На практике ошибка разграничения приводит либо к незаконному дублированию санкций, либо к уходу от ответственности по причине пропуска сроков и неверного выбора юрисдикционной процедуры. В этом смысле качество правового регулирования определяется не только полнотой перечня составов, но и степенью их системной согласованности [3, с. 47].

Вторая фундаментальная проблема касается субъектов ответственности. Налоговая ответственность по Налоговому кодексу в основном адресована налогоплательщикам, налоговым агентам, плательщикам сборов и иным участникам налоговых правоотношений как носителям специальных налоговых обязанностей. Административная ответственность в налоговой сфере зачастую адресована должностным лицам организаций, банкам, иным обязанным субъектам, связанным с обеспечением налогового контроля и движения платежной информации. Эта конструкция позволяет государству точно реагировать не только на результат нарушения, но и на организационные сбои внутри корпорации или финансовой инфраструктуры. Однако одновременно она порождает серьезный вопрос о допустимых пределах персонализации ответственности должностных лиц, особенно в ситуациях, когда нарушение возникло вследствие сложных

внутренних процессов, недостатков автоматизации учета, правовой неопределенности или неоднозначности разъяснений. В таком контексте установление вины не может быть формальным; оно требует анализа реального распределения полномочий, содержания должностных обязанностей и степени возможности предотвратить нарушение. И Налоговый кодекс, и КоАП Российской Федерации исходят из виновного характера публичной ответственности, что делает недопустимым автоматическое наказание лишь по факту неблагоприятного результата.

Особое место занимает проблема вины и обстоятельств, исключающих ответственность. Налоговый кодекс Российской Федерации специально выделяет формы вины, а также обстоятельства, исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения. Это крайне важно для налоговой сферы, где правомерность поведения часто зависит от толкования сложных расчетных правил, неоднократно изменяющегося законодательства, электронных процедур и документарных стандартов. Административное производство также строится на вменении виновного деяния, но в реальной практике именно налоговые и связанные с ними административные дела особенно чувствительны к качеству доказательственной базы. В них нельзя ограничиваться констатацией факта пропуска срока или непредставления документа; необходимо устанавливать, была ли у лица объективная возможность действовать надлежащим образом, имелась ли правовая неопределенность, были ли приняты разумные меры по соблюдению обязанности, повлияло ли на ситуацию техническое функционирование электронных сервисов. Игнорирование этих обстоятельств ведет к трансформации ответственности из виновной в фактически безвиновную, что противоречит базовым принципам публичного права [4, с. 1552].

Третья большая проблема связана со сроками давности. Для налоговой сферы это не просто процедурный вопрос, а один из ключевых инструментов обеспечения баланса между публичным интересом и правовой определенностью. В Налоговом кодексе имеется собственное регулирование сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения, тогда как в административном праве действуют правила КоАП Российской Федерации, в том числе специальные сроки по ряду составов главы 15. В справочных материалах КонсультантПлюс по соответствующим составам главы 15 указывается, что для статей 15.3–15.9 обычно применяется годичный срок давности. Судебная логика последних лет в целом усиливает требование к определенности исчисления сроков и не допускает их произвольного «перезапуска» либо расширительного толкования в ущерб привлекаемому лицу. Хотя в свежем решении Конституционного Суда Российской Федерации от 2026 года речь шла об антимонопольной сфере, сам конституционный подход к недопустимости неопределенности, позволяющей произвольно продлевать преследование, имеет общеправовое значение и для налогово-административных дел.

Современная практика ФНС России показывает, что государство постепенно смещает центр тяжести от массового карательного вмешательства к риск-ориентированному и аналитическому администрированию. По официальному докладу ФНС о виде государственного контроля, в 2024 году при сокращении количества выездных налоговых проверок на 10 процентов поступления в бюджетную систему по их итогам выросли на 6 процентов и составили 150 миллиардов рублей; эффективность выездной проверки достигла 70 миллионов рублей на одну результативную проверку против 64 миллионов рублей годом ранее. Еще показательнее данные о добровольном уточнении обязательств: без назначения выездных проверок в 2024 году в бюджет поступило 258 миллиардов рублей, что на 18 процентов больше, чем в 2023 году, а доля таких поступлений составила 56 процентов. Эти цифры свидетельствуют о существенной трансформации модели налогового контроля: санкция и проверка все чаще становятся не первым, а последним инструментом, тогда как приоритет получает аналитическое воздействие и побуждение к добровольному исполнению обязанности [5, с. 268].

Дополнительным индикатором изменения модели налогового контроля является развитие налогового мониторинга. По данным ФНС России, к октябрю 2024 года количество участников налогового мониторинга составило 568, а в федеральный бюджет на участников этого режима приходилось 37 процентов налоговых поступлений; в 2025 году, по сообщению ФНС, налоговый мониторинг должен был охватить уже 744 компании. На странице ФНС о налоговом мониторинге также прямо указано, что за период проведения мониторинга выездные налоговые проверки по общему правилу не проводятся, за исключением установленных законом случаев. Для темы административной ответственности это важно потому, что мониторинг демонстрирует альтернативную логику налогового администрирования: акцент переносится с последующего наказания на текущую прозрачность, обмен информацией и превентивное урегулирование рисков. Следовательно, развитие мониторинга объективно сужает пространство для части конфликтов, которые раньше заканчивались налоговыми и административными санкциями, и одновременно повышает требования к качеству регулирования процедурных обязанностей участников.

Не менее важна группа составов, связанных с банковским и расчетным посредничеством. Статьи 15.7–15.9 КоАП Российской Федерации посвящены нарушениям порядка открытия счета налогоплательщику, сроков исполнения поручения о перечислении налога и неисполнению решений о приостановлении операций по счетам. Их наличие показывает, что государство рассматривает банки и платежных посредников не как внешних по отношению к налоговому процессу участников, а как встроенный элемент механизма исполнения публичной обязанности. Это особенно актуально в условиях цифровизации, единого налогового счета и нарастающей зависимости на-

логового контроля от скорости и достоверности межведомственного обмена данными. Здесь административная ответственность выполняет дисциплинирующую функцию в отношении субъектов, которые сами не являются налогоплательщиками по конкретному обязательству, но способны существенно повлиять на реальное поступление средств в бюджет.

Отдельного внимания заслуживает статья 15.11 КоАП Российской Федерации о грубом нарушении требований к бухгалтерскому учету. Формально она размещена в административном законе, но по своему практическому значению тесно связана с налоговой сферой. Именно бухгалтерский учет образует основу для формирования налоговой базы по целому ряду обязательных платежей, а грубые искажения отчетности часто являются либо прямой причиной налогового правонарушения, либо средством его сокрытия. В этом состоит интересная межатраслевая особенность: административная ответственность за нарушения бухгалтерского учета фактически работает как превентивный барьер перед более тяжкими налоговыми последствиями. В научном плане это подтверждает, что административная ответственность в налоговой сфере охватывает не только «чисто налоговые» составы главы 15, но и более широкий массив смежных деликтов, способных повлиять на законность и полноту налогообложения.

С точки зрения правоприменительной практики заметна еще одна важная тенденция: государство сокращает охват бизнеса выездными проверками и одновременно наращивает адресность контроля. По данным ФНС по ряду регионов и округов, количество выездных проверок снижается, тогда как результативность и сумма доначислений на одну проверку растут; так, по официальному окружному сообщению ФНС по Сибирскому федеральному округу количество выездных налоговых проверок за 2024 год сократилось на 23,9 процента до 306, а более половины поступлений было обеспечено самостоятельным уточнением обязательств. В Санкт-Петербурге ФНС сообщала, что охват проверками бизнеса в 2024 году составил лишь 0,03 процента, при этом эффективность выездного контроля выросла на 14 процентов. Эти данные важны для оценки административной ответственности: при столь узком прямом охвате контроль становится более «прицельным», а потому возрастает значение точной юридической квалификации, качественной доказательственной базы и безупречности процедур привлечения к ответственности.

На этом фоне особенно заметен системный недостаток действующего регулирования: законодательство по-прежнему не устраняет до конца коллизионность между налоговым и административным преследованием. В нормах отсутствует достаточно ясный универсальный критерий, позволяющий без споров определить, когда нарушение в налоговой сфере должно влечь именно налоговую санкцию, когда административное наказание, а когда допустимо параллельное реагирование на разные стороны

одного фактического события. Формальная разнесенность по кодексам проблему не снимает. Для правовой определенности следовало бы нормативно закрепить более четкие правила приоритета специальных налоговых составов перед административными в тех случаях, когда деяние полностью охватывается конструкцией налогового правонарушения и не затрагивает самостоятельный объект административной охраны. Такая корректировка снизила бы риск дублирования и укрепила бы единообразие практики.

Второе направление совершенствования связано с субъектом ответственности. Представляется целесообразным нормативно конкретизировать критерии вины должностного лица в делах о нарушениях налогового характера, особенно когда речь идет о сложных корпоративных структурах, распределении функций между руководителем, главным бухгалтером, финансовым директором, аутсорсинговой организацией и оператором электронного документооборота. В настоящее время правоприменение нередко исходит из слишком упрощенной модели, когда ответственность автоматически связывается с формальной должностью. Более справедливым было бы требование прямого установления круга обязанностей, реальной возможности повлиять на соблюдение налогового предписания и причинной связи между действиями конкретного лица и нарушением. Такой подход повысил бы не только законность, но и профилактический эффект ответственности, поскольку делал бы наказание адресным, а не номинальным.

Третье направление реформы касается сроков давности и процедурной определенности. В делах налогового характера особенно опасно любое размывание начального момента течения срока давности, поскольку значительная часть нарушений выявляется в результате последующего анализа документов и цифровых следов. В интересах правовой определенности целесообразно более четко сформулировать на уровне закона либо официальных разъяснений подходы к исчислению сроков по различным видам налогово-административных нарушений: для одномоментных деяний, для длящихся нарушений, для непредставления сведений, для неисполнения обязанности банком, для ситуаций с повторным пересмотром материалов контрольного мероприятия. Конституционно-правовая логика последних решений по административной давности показывает, что неопределенность в этой сфере уже сама по себе является риском для законности [6, с. 81].

В итоге можно сделать вывод, что правовое регулирование применения мер административной ответственности за правонарушения в налоговой сфере в Российской Федерации развивается в направлении усложнения и функциональной дифференциации. Его современное состояние характеризуется одновременным существованием самостоятельного института налоговой ответственности в Налоговом кодексе и системы специальных административных составов в КоАП Российской Федерации; переходом от массового контроля к риск-ори-

ентированной и аналитической модели; усилением значения информационных и процедурных обязанностей; ростом роли цифровой среды и банковских посредников; а также сохраняющимися проблемами разграничения составов, субъекта ответственности, вины, сроков давности и запрета двойного наказания. Содержательная эффек-

тивность этой системы определяется уже не строгостью санкций как таковой, а тем, насколько точно она встроена в общую архитектуру современного налогового контроля и насколько надежно обеспечивает баланс фискальных интересов государства, правовой определенности и гарантий привлекаемых лиц.

Литература:

1. Гусынин П. В. Административная ответственность за нарушение налогового законодательства / П. В. Гусынин // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). — Т. 5. — Ч. 2. — С. 126–131.
2. Евсикова Е. В., Ковалишина К. В. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение правонарушений в сфере налогового законодательства / Е. В. Евсикова, К. В. Ковалишина // Общественное и право. — 2023. — № 2. — С. 171–176.
3. Калачиков Н. С. Рассмотрение дел о налоговых административных правонарушениях / Н. С. Калачиков // Ермен. Global. — 2024. — № 50. — С. 45–49.
4. Лещина А. С. Административная ответственность за неуплату налогов гражданами Российской Федерации / А. С. Лещина // StudNet. — 2022. — № 3. — С. 1550–1557.
5. Муравьев И. А. Административная ответственность за нарушение налогового законодательства / И. А. Муравьев // Молодой ученый. — 2025. — № 15 (566). — С. 266–269.
6. Перетолчин А. П. К вопросу о разграничении административной и налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений в российском праве / А. П. Перетолчин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2023. — № 4. — С. 78–86.

Роль специалиста при производстве следственного эксперимента

Воробьева Юлия Олеговна, студент магистратуры

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В научной статье анализируется процессуальный статус и практическая роль специалиста при производстве следственного эксперимента. На основе уголовно-процессуального законодательства, норм Уголовного кодекса РФ и эмпирических данных автором рассмотрены его функции на различных этапах данного следственного действия. Особое внимание уделяется вкладу специалиста в обеспечение объективности, достоверности и допустимости получаемых доказательств. Обосновывается тезис о том, что в условиях цифровизации преступности и усложнения расследуемых событий специалист из вспомогательного участника превращается в ключевую фигуру, определяющую судьбу доказательств.

Ключевые слова: следственный эксперимент, специалист, специальные знания, допустимость доказательств, относимость доказательств, достаточность доказательств, киберпреступность, уязвимые участники.

Следственный эксперимент, регламентированный статьей 181 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1], занимает особое место в системе следственных действий. Его уникальность заключается в активном, опытным воспроизведении обстоятельств события, что позволяет наглядно проверить имеющиеся версии и получить новые доказательства. Достоверность выводов, сделанных по результатам этого действия, напрямую зависит от степени соответствия условий проведения эксперимента условиям реального события.

Согласно данным официальной ведомственной статистики («Отчет о следственной работе») [2], общее количество произведенных следственных экспериментов в России имеет тенденцию к постепенному снижению. За период 2019–2021 гг. отмечалось хоть и стабильное, но незначи-

тельное сокращение (на 1–3 % в год) от общего числа экспериментов. В 2022–2025 гг. эта тенденция могла усилиться. Это снижение происходит на фоне общего сокращения числа традиционных видов преступлений (например, против собственности или против личности) и роста доли экономических преступлений (глава 22 УК РФ) и киберпреступлений (глава 28 УК РФ) [3], расследование которых требует не только общих юридических знаний, но и глубоких познаний в области науки и техники. Следовательно, будучи юристом широкого профиля, не всегда обладает узкоспециализированными навыками, необходимыми для точного воссоздания обстановки и проведения опытов. Именно здесь ключевую роль приобретает фигура специалиста.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, при-

влекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, постановке вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Его права регулируются п. 3 вышеуказанной статьи и включают право отказаться от участия в данном следственном действии, если у него нет соответствующих специальных знаний, право задавать вопросы участникам следственного эксперимента, делать заявления, подлежащие непосредственному занесению в протокол, знакомиться с самим протоколом и право приносить жалобы на действия (бездействия) следователя (дознателя), нарушающие или ограничивающие его права. Он обязан являться по вызову, участвовать в следственном действии, применять специальные знания и научно — технические средства [4, с. 68–73].

Важно отличать процессуальную фигуру специалиста от эксперта. Статья 57 УПК РФ определяет эксперта как «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения», т. е. которое привлекается, когда для разъяснения вопросов, возникающих при расследовании, требуются специальные знания в области науки, искусства, ремесла или другой сферы деятельности. Его права и обязанности аналогичны правам и обязанностям специалиста, за исключением права делать заключения по проведенным исследованиям в пределах своей компетенции, чего лишен специалист как участник следственного действия [5, с. 308].

Таким образом, можно сказать, что деятельность специалиста носит вспомогательный характер и направлена на содействие в самом процессе получения информации. Он не проводит лабораторных исследований, а использует свои знания непосредственно «в полевых условиях» для обеспечения качества следственного действия.

Как известно, результаты следственного эксперимента приобретают статус доказательств только при условии, что они получены законным путем, с соблюдением всех процессуальных гарантий, и имеют прямое отношение к предмету доказывания по уголовному делу [6, с. 55–61]. Согласно статье 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований уголовно — процессуального кодекса, являются недопустимыми, а недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ [7, с. 346–349].

Нарушение процедуры следственного эксперимента (например, необеспечение принципа идентичности условий, некорректная реконструкция обстановки) влечет признание результатов этого действия недопустимым доказательством. Именно здесь роль специалиста приобретает критическое значение. Его привлечение на этапе планирования и проведения позволяет:

1. Обеспечить процессуальную легитимность — специалист фиксирует, что все опытные действия проводились в условиях, максимально сходных с проверяемым событием. Не стоит забывать, что, если специалист не привлечен, а методика эксперимента не документирована, защита вправе заявить ходатайство об исключении доказательств на основании ст. 235 УПК РФ;

2. Подтвердить научную обоснованность — в заключении специалиста отражается, какие методы измерений применялись (например, использование сертифицированных люксметров для проверки видимости, шумомеров для проверки слышимости), что исключает впоследствии доводы защиты о «кустарном» характере эксперимента.

Следовательно, участие специалиста — это не тактическая рекомендация, а фактическое условие допустимости результатов эксперимента по делам, требующим специальных знаний.

Эксперимент признается относящимся к делу, если проверка установленных фактов имеет значение для разрешения возникших сомнений в показаниях свидетелей, потерпевших, обвиняемых. Эксперимент, проведенный вне связи с предметом доказывания, теряет свою ценность как источник доказательств. Однако следователь, не обладающий специальными познаниями, не всегда может корректно определить, какие именно обстоятельства необходимо проверять экспериментальным путем.

В таких случаях специалист тоже приходит на помощь. Он помогает правильно «поставить эксперимент» — то есть определить перечень опытных действий, результаты которых будут относимы к инкриминируемой статье УК РФ:

1) по делам о преступлениях против собственности (гл. 21 УК РФ) — при расследовании краж (ст. 158 УК РФ) специалист-криминалист укажет, что для доказывания квалифицирующего признака «незаконное проникновение» (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ) необходимо проверить возможность преодоления конкретной преграды конкретным способом. Результат эксперимента (удалось/не удалось проникнуть) напрямую относится к предмету доказывания. Примером может служить эксперимент, который установил, что ключами, изъятymi у обвиняемого, удалось открыть замки входных дверей квартиры, подвергшейся разбою [8];

2) по делам о нарушении ПДД (ст. 264 УК РФ) — специалист-автотехник определит, что для установления причинной связи между нарушением ПДД и наступившими последствиями необходимо измерить тормозной путь, скорость движения и время реакции водителя. Эти данные относимы к вопросу о наличии или отсутствии состава преступления;

3) по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ) — специалист в области баллистики или судебной медицины помогает воссоздать механизм причинения смерти. Результаты эксперимента (траектория полета пули, возможность нанесения удара конкретным орудием с конкретного расстояния) позволяют следствию подтвердить или опровергнуть умысел.

Таким образом, в случае невозможности проведения следственного эксперимента без использования специальных навыков и знаний организатор должен учитывать необходимость участия в производстве специалиста [9, с. 190–196]. Если специалист не привлечен, следовательно рискует провести эксперимент, результаты которого окажутся неотносимыми (например, проверить слышимость звука, тогда как для дела важно было проверить видимость предмета). Такое доказательство не сможет лечь в основу обвинения.

Как уже было сказано выше, рост преступлений в сфере экономической деятельности и, особенно, в сфере компьютерной информации, ставит перед следствием принципиально новые вызовы. В 2024 г. в России количество преступлений с применением информационно-телекоммуникационных технологий повысилось на 15,3 % по отношению к 2023 г. Размер ущерба, вызванный их увеличением, составил сотни миллиардов рублей, что является серьезной утратой не только для граждан, но и для всего государства [10, с. 148–154].

Классическое требование о проведении эксперимента в обстановке, максимально сходной с реальной, при расследовании киберпреступлений обретает новое содержание: «**место действия**» и «**обстановка**» — это не физическая точка на карте, а многокомпонентная цифровая среда (программное обеспечение, сетевая инфраструктура, условия доступа). В подобных случаях эксперимент проводится не в физической, а в виртуальной среде, созданной как точная копия атакованной системы [11, с. 398–401]. Воспроизведение такой среды без специалиста в области информационной безопасности (ИБ-специалиста) невозможно. В данном контексте он фактически выполняет функции, сопоставимые с экспертом, а следственный эксперимент трансформируется из тактического действия в экспертно-техническое исследование.

В условиях роста внимания к правам личности и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, на рассмотрении которого в данный момент находится около 17,5 тысяч жалоб в отношении Российской Федерации [12], этическая корректность проведения следственного эксперимента с уязвимыми лицами (несовершеннолетними, лицами с психическими отклонениями или пострадавшими от насильственных преступлений) становится не менее важным критерием его допустимости, чем процессуальная правильность. При его производстве возникает прямая угроза вторичной виктимизации, т. е. становлением жертвой преступления повторно. В этих условиях участие специалиста-психолога становится не просто рекомендацией, а императивным требованием. Специалист-психолог оценивает текущее психическое состояние участника, определяет допустимость его вовлечения в опытные действия и при необходимости фиксирует признаки психологического дискомфорта, что впоследствии может стать основанием для признания доказательства недопустимым как полученного с наруше-

нием закона, наносящим ущерб достоинству и безопасности личности (ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Не стоит забывать, что следственный эксперимент, даже при идеальном проведении, редко бывает «самодостаточным» доказательством. Его результаты обретают достаточность лишь в системе с другими уликами. Для приговора они имеют ценность только в качестве одного из множества элементов в цепи доказательств, и их сила проявляется в синергии с другими материалами дела.

Специалист играет здесь роль «связующего звена»:

1. На основе результатов эксперимента (например, установленных параметров освещенности, скорости, траектории) специалист формулирует вопросы для последующей судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ), например, автотехнической или баллистической. Или же они могут использоваться как самостоятельное доказательство в виде заключения специалиста. Это обеспечивает преемственность доказывания;

2. Следственный эксперимент способен доказать, что событие могло случиться так, как описывает один из участников, и не могло — как описывает иной. Специалист, комментируя результаты эксперимента, помогает следователю и суду определить, какая из версий подтверждается объективными данными. Это повышает достоверность отдельных доказательств и, как следствие, достаточность всей их совокупности для вынесения приговора;

3. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [13, с. 120–122]. Заключение специалиста, объясняющее методику эксперимента и объективность полученных данных, является важным элементом, формирующим это убеждение.

Именно заключение специалиста, объясняющее, как именно получены эти результаты и как они соотносятся с другими материалами дела, превращает результаты эксперимента из «красивой картинки» в полноценное звено цепи доказывания.

Таким образом, роль специалиста в проведении следственного эксперимента заключается в следующем:

- 1) выбор наиболее подходящего для решения определенного вопроса вида следственного эксперимента и составлении плана его проведения;
- 2) разработка тактики проведения следственного эксперимента;
- 3) подбор орудий, средств, предметов, изготовление муляжей, необходимых для проведения опытов;
- 4) создание специальных условий, в которых наиболее целесообразно провести следственный эксперимент;
- 5) воспроизведение обстановки и обстоятельств для производства опытов, расстановке и инструктаже его участников;
- 6) участие в производстве непосредственно опытов с тем, чтобы они были поставлены технически грамотно;
- 7) фиксация результатов следственного эксперимента;

8) оценка результатов следственного эксперимента [14, с. 486–488].

В заключение можно сказать, что роль специалиста при производстве следственного эксперимента трудно переоценить. Он является ключевым звеном, обеспечивающим научную обоснованность, объективность и полноту этого сложного следственного действия. Участие специалиста позволяет превратить реконструкцию событий из формальной процедуры в эффективный инструмент до-

казывания. Отказ от его привлечения или формальное отношение к его функциям неизбежно ведет к получению недостоверных результатов, которые могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Его участие — это необходимое условие для того, чтобы следственный эксперимент реализовал свой потенциал полноценного, допустимого и относимого источника доказательств, способного в совокупности с другими уликами обеспечить достаточность для законного и обоснованного приговора.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 18.12.2001 г. № 174 — ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Справочно-правовая система «Гарант» / НПП «Гарант — Сервис».
2. Официальная статистическая информация Следственного комитета Российской Федерации (ежегодные отчеты «О состоянии следственной работы») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sledcom.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Справочно-правовая система «Консультант плюс» / СПС «Консультант плюс».
4. Епифанов, А. Е. Участие специалиста в следственных и процессуальных действиях (аспекты уголовного судопроизводства) / А. Е. Епифанов // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 2 (80). — С. 68–73.
5. Гриненко, А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов / А. В. Гриненко. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 308 с.
6. Вологина, Е. В. Требование к допустимости доказательств при рассмотрении дела судом в уголовном процессе / Е. В. Вологина, Э. В. Голоманчук // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2024. — № 3 (70). — С. 55–61.
7. Павлова, А. А. К вопросу о доказательствах в уголовном процессе / А. А. Павлова, Ю. В. Строева // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 5 (221). — С. 346–349.
8. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 27 марта 2023 года № 2–7/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: [база данных]. URL: sudact.ru.
9. Ибрагимова, Л. Ф. О некоторых проблемах правовой регламентации следственного эксперимента как следственного действия / Л. Ф. Ибрагимова // Eromen.Global. — 2024. — С. 190–196.
10. Гонов, А. М. Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности: правовые основы и проблемы правоприменения / А. М. Гонов // Образование. Наука. Научные кадры. — 2025. — № 1. — С. 148–154.
11. Лобачев, Л. Л. Цифровая криминалистика возможности и перспективы развития / Л. Л. Лобачев, Ф. В. Куцаков // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 12 (76). — С. 398–401.
12. Российская Федерация перестает быть участником Европейской конвенции о правах человека. Информация Европейского Суда по правам человека // Интернет-издание Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405205651/>.
13. Минайдаров, С. М. К вопросу о допустимости, относимости и значимости собирания доказательств по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / С. М. Минайдаров // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 6 (210). — С. 120–122.
14. Тхакумачев, Б. Ю. Организация применения специальных знаний специалиста при производстве следственного эксперимента / Б. Ю. Тхакумачев // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 9. — С. 486–488.

Практика заключения мирового соглашения в отношении единственного ипотечного жилья в процедуре банкротства гражданина

Гарипова Альбина Рушановна, выпускник
Саратовская государственная юридическая академия

Легальная конструкция банкротства гражданина в Российской Федерации традиционно исходит из принципа баланса между социальными гарантиями долж-

ника и имущественными интересами кредиторов. В соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) на имущество, на которое

не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, распространён иммунитет в отношении единственного пригодного для проживания жилого помещения [1, с. 12]. Однако в сфере несостоятельности (банкротства) этот иммунитет претерпевает существенные исключения.

Специфика ипотеки как обременения заключается в том, что право залогодержателя является приоритетным по отношению к праву собственности должника [2, с. 45]. В силу прямого указания ст. 78 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» обращение взыскания на заложенное жилое помещение допускается, даже если оно является единственным. Данная коллизия долгое время создавала правовую неопределённость, разрешённую законодателем путём введения специализированного механизма — отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации).

Федеральным законом от 08.08.2024 № 298-ФЗ в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) введена ст. 213.10–1 [3]. Данная норма предоставила уникальную возможность должнику и залоговому кредитору заключить сделку, действие которой не распространяется на иных кредиторов. Юридическая конструкция данной нормы революционна: она разрывает принцип универсальности конкурсной массы в части единственного ипотечного жилья.

Анализ положений ст. 213.10–1 позволяет выделить ключевые характеристики такого соглашения:

1. Локализация — соглашение касается только жилого помещения, находящегося в ипотеке и являющегося единственным для должника и членов его семьи.
2. Изолированность — не требуется согласия иных кредиторов, а несогласие финансового управляющего не является препятствием для утверждения (п. 2 ст. 213.10–1).
3. Сущностная особенность — ипотека не прекращается, а требования залогового кредитора исключаются из реестра и погашаются за счёт будущих доходов должника или третьего лица (п. 4 ст. 213.10–1) [3].

В доктрине банкротного права обоснованно отмечается, что такая модель является гибридом реструктуризации долгов и реабилитационной процедуры, но без прекращения дела о банкротстве [4, с. 67].

Несмотря на формальную ясность закона, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных препятствий. Проведённый анализ практики за период действия ст. 213.10–1 (с сентября 2024 г.) позволяет выделить две ключевые группы проблем.

1. Диспропорция в переговорном процессе и тактика кредиторов.

Включение кредитора в реестр требований кредиторов автоматически порождает у должника право на обращение с предложением о заключении отдельного мирового соглашения. Однако, как показывает практика, ипотечные банки, являясь профессиональными участниками рынка, используют свою административную и ресурсную мощь.

В отличие от общего правила о разумных сроках (ст. 6 ГК РФ), законодательство не устанавливает специального срока для рассмотрения кредитором такого предложения. На практике срок согласования может достигать до 3 месяцев и более. Это создаёт риски реализации имущества (п. 5 ст. 213.25 Закона о банкротстве), поскольку торги не блокируются автоматически фактом направления оферты. Кредиторы осознанно затягивают процесс, мотивируя это внутренним регламентом, что дестабилизирует положение должника и третьих лиц, готовых принять обязательства.

Более того, выявлена тенденция к взиманию кредиторами комиссий за «согласование» условий мирового соглашения (например, фиксированные суммы от 10 до 15 тыс. рублей), прямо не предусмотренных тарифами кредитной организации. Данные действия квалифицируются как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), однако механизм оперативного пресечения таких действий со стороны финансового управляющего отсутствует, так как закон не требует его согласия (п. 2 ст. 213.10–1), но и не даёт ему рычагов давления на банк.

2. Требования к третьему лицу и риск правовой неопределённости.

Суть соглашения предполагает, что исполнять обязательства перед банком будет третье лицо (поручитель или новый должник). Это связано с тем, что к моменту заключения соглашения деловая репутация должника как заёмщика утрачена [5, с. 22]. Практика выработала следующие негласные требования к третьим лицам (финансовый управляющий обязан проверить благонадёжность):

- официальное трудоустройство с доходом, покрывающим ежемесячный платёж по ипотеке, прожиточный минимум самого третьего лица и его иждивенцев;
- предоставление выписки из ЕГРН в отношении должника, его супруга(и) и бывшего(ей) супруга(и) за последние 3 года для исключения факта отчуждения иного жилья и иных документов.
- подтверждение дохода/пенсии (2-НДФЛ — за последние 6 мес. по дате заключения соглашения, выписка из ПФ, справка по форме банка, декларация для ИП за 23 последних года, справка самозанятого;
- подтверждение иждивенцев (при наличии), брака/развода (свидетельство о рождении, свидетельство о заключении/расторжении брака).

То есть помимо целого пакета документов и долгого времени согласования вся проблема заключается в том, что, принимая на себя обязательства, третье лицо подвергает риску свою кредитную историю, однако законодательно не защищено от последующего банкротства должника, если платёжеспособность третьего лица ухудшится.

Утверждение мирового соглашения является дискреционным полномочием суда. В Определении Верховного Суда РФ по сходной правовой ситуации (применительно к ст. 213.17) сформирована правовая позиция: отказ кредитора от заключения соглашения должен быть экономически обоснованным. В противном случае суд вправе

утвердить локальный план реструктуризации по правилам п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве.

Как видно из судебной практики, арбитражный суд при утверждении соглашения исходит из необходимости сохранения баланса. Суд предлагает сторонам «найти выход из сложившейся ситуации, приняв экономически обоснованное и взаимовыгодное решение». Характерно, что суд оставляет за собой право исключить из условий соглашения пункты, касающиеся судебных расходов и государственной пошлины, перекладывая их на ответчика (кредитора), что является мерой ответственности за затягивание переговоров. На практике такое встречается редко и все расходы в том числе по государственной пошлине кредитор перекладывает на третье лицо.

Утверждённое судом мировое соглашение порождает исполнительский иммунитет. В п. 4 ст. 213.10–1 Закона о банкротстве установлено, что жилое помещение не подлежит реализации, исключается из конкурсной массы, а требования кредитора удовлетворяются за счёт будущих доходов должника или третьего лица [3].

С практической точки зрения на этом этапе возникают следующие риски:

Санкции за нарушение графика. Должник или третье лицо обязаны строго соблюдать график платежей. Даже незначительная просрочка (1–2 дня) даёт кредитору право обратиться в суд с заявлением об отмене мирового соглашения (ст. 164 Закона о банкротстве), после чего имущество вновь подлежит немедленной реализации. В отличие

от стандартной ипотеки, здесь нет длительной стадии досудебного урегулирования (так называемого «периода ожидания»).

Права на прожиточный минимум. Должник, находящийся в процедуре банкротства, но исполняющий мировое соглашение, сохраняет право на получение из конкурсной массы прожиточного минимума на себя и несовершеннолетних детей (ст. 213.25 Закона о банкротстве). Данный механизм не отменяется заключением соглашения.

Институт отдельного мирового соглашения (ст. 213.10–1 Закона о банкротстве) является прогрессивным инструментом, позволяющим сохранить единственное ипотечное жильё. Однако правоприменительная практика выявила существенные пробелы.

Во-первых, отсутствие нормативно установленного срока для рассмотрения банком заявки должника на заключение соглашения порождает злоупотребления со стороны кредитных организаций, затягивающих процедуру. Во-вторых, не урегулирован вопрос о правомерности взимания банками комиссий за подписание такого соглашения. Данные действия нарушают права должника и противоречат смыслу реабилитационных процедур.

Представляется целесообразным внесение изменений в ст. 213.10–1 Закона о банкротстве в части установления предельного срока для акцепта оферты кредитором (не более 30 дней) и включения прямого запрета на взимание дополнительных комиссий, не связанных с реальными расходами на сопровождение сделки.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Витрянский, В. В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2017. — 431 с.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Афонова А. В. Все об ипотеке / А. В. Афонова. — М.: Омега-Л. — 2016. — 176 с.
5. Енькова Е. Е., Ершова И. В. Правовое регулирование банкротства. Учебник. — М.: Проспект, 2021. — 720 с.

Криминалистический профайлинг женщин-серийных убийц: мотивация, методы, отличие от мужского профиля

Гаспарян Анна Кареновна, студент

Научный руководитель: Гребенев Роман Вячеславович, кандидат юридических наук,

младший научный сотрудник, ассистент

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост академического и общественного интереса к феномену серийных убийц, что обусловлено как увеличением числа соответствующих научных публикаций, так и активным освещением данной тематики в средствах массовой информации. Несмотря на то что серийные убийства фиксируются на протяжении всей истории человечества, именно массмедиа сыграли ключевую роль в формировании своеобразного культа вокруг подобных личностей. За последние десятилетия было создано значительное количество художественных и документальных фильмов на эту тему, среди которых «Поверьте мне. Похищение Лизы МакВей», «Зодиак», «Мол-

чание ягнят», «Ночной стalker» и другие. Указанные произведения преимущественно фокусируются на преступлениях мужчин-убийц, их целях, мотивации и психологических характеристиках. Настоящая статья посвящена менее изученному аспекту — анализу профилирования женщин-серийных убийц. В работе рассматриваются следующие вопросы: какие факторы детерминируют совершение женщинами серийных убийств, какими методами они при этом руководствуются, а также каковы ключевые различия между женщинами и мужчинами-серийными убийцами. В основном разделе статьи представлен анализ обозначенной проблематики и рассмотрены несколько эмпирических кейсов.

Ключевые слова: серийные убийцы, женщины-серийные убийцы, мотивы, методы, преступление, анализ.

Forensic profiling of female serial killers: motivation, methods, differences from the male profile

Gasparyan Anna Karenovna, student

Scientific advisor: Grebenev Roman Vyacheslavovich, candidate of legal sciences, junior research fellow, assistant Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

In recent decades, there has been a steady increase in academic and public interest in the phenomenon of serial killers, driven both by the growing number of relevant scientific publications and by active media coverage of this topic. Although serial killings have been recorded throughout human history, it is the mass media that have played a key role in forming a peculiar cult around such individuals. Over recent decades, a significant number of feature and documentary films have been created on this subject, including «Believe Me: The Abduction of Lisa McVey», «Zodiac», «The Silence of the Lambs», «Night Stalker», and others. These works primarily focus on the crimes of male killers, their targets, motivations, and psychological characteristics. This article is devoted to a less studied aspect — the analysis of profiling female serial killers. The paper examines the following questions: what factors determine the commission of serial killings by women, what methods do they employ, and what are the key differences between female and male serial killers. The main section of the article presents an analysis of these issues and discusses several empirical cases.

Keywords: serial killers, female serial killers, motives, methods, crime, analysis.

В обыденном сознании феномен серийного убийцы устойчиво ассоциируется с образом мужчины, который может предстать в различных ипостасях — от вымышленного персонажа Ганнибала Лектера до реального исторического лица Теда Банди. Женщина как субъект серийных убийств возникает в массовом восприятии значительно реже. В целом на первоначальных этапах расследования общество нередко исключает возможность совершения серийных убийств женщинами. Особенно отчётливо данная тенденция проявлялась в прошлом, когда социальные роли женщин были жёстко детерминированы статусными ограничениями, предписывающими им функции хранительницы домашнего очага, воплощения доброты, мягкости и заботы. Отдельные проявления указанного стереотипа сохраняются и в настоящее время. Тем не менее накопленный эмпирический материал способствует профессиональному развитию: если рядовые граждане могут не учитывать возможность женской преступности, то специалисты-следователи, анализируя совокупность доступных данных — мотивы, психологические особенности и способы совершения убийств, — способны идентифицировать предполагаемого преступника женского пола.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо определить ключевые понятия — «профилирование» и «серийный убийца». Профайлинг (криминалистическое профилирование) представляет собой методологический инструмент составления внешностного и психологического портрета вероятного преступника, позволяющий сузить круг подозреваемых лиц [1]. Применение данного инструмента спо-

собствует ускорению процесса расследования, поскольку профильные органы в лице следователя и оперативной группы затрачивают меньше времени на установление лица, совершившего противоправное деяние. Для эффективной идентификации потенциальных кандидатов на роль преступника необходимы компетенции в области психологии и, что особенно значимо, последующая практическая деятельность.

Под серийным убийцей понимается лицо, совершающее умышленные деяния, повлёкшие смерть других людей. Обязательным критерием выступает совершение двух и более убийств в разные временные периоды (при этом массовые убийства, совершаемые в рамках одного эпизода, к данному понятию не относятся).

К факторам, способствующим трансформации личности в направлении подобного образа жизни, относятся: социальные детерминанты (неблагоприятное окружение); внутрисемейные отношения (физическое и психологическое насилие); психологические и психические аномалии; биологическая предрасположенность (так называемый «ген серийного убийцы»); подражание криминальной субкультуре (фанатичное отношение к преступникам); фрустрация — состояние разочарования, напряжения и бессилия на пути к достижению цели, которое может провоцировать агрессию и поиск жертвы для купирования напряжения [2]; гиперчувствительность к информации либо воздействию средств массовой информации (например, романтизированный образ преступников, извлекающих материальную выгоду посред-

ством совершения противоправных деяний) [3]. Следует подчеркнуть, что ни один из перечисленных факторов не выступает единственной причиной; именно комбинация нескольких характеристик лежит в основе формирования личности серийного убийцы.

Мотивация убийств в случае женщин-серийных убийц включает: финансовую выгоду (наследство, страховые выплаты по договорам страхования жизни или личное имущество жертвы); личную и эмоциональную месть; латентный садизм; воздействие социальной либо семейной среды (восстановление контроля над собственной жизнью, избавление от «обузы» либо месть вследствие дисфункциональных отношений); психопатологию и психические расстройства; феномен «ангелов смерти» (медицинские работники, совершающие убийства пациентов) [3].

По сравнению с мужчинами женщины применяют более латентные, «тихие» способы лишения жизни, такие как отравление, удушение, передозировка лекарственными препаратами и иными веществами, морение голодом, инъекции, а также манипуляции с несчастными случаями (создание специальных ситуаций под видом случайностей — например, падение с обрыва, имитирующее самостоятельное падение жертвы).

Мужчины-серийные убийцы в большей степени склонны к проявлению садизма, стремлению к контролю и жестокости по отношению к жертве; они используют изощрённые способы лишения жизни. Кроме того, мужчины зачастую придерживаются одних и тех же операционных схем, повторяя конкретные действия. Они мысленно конструируют те или иные фантазии и впоследствии реализуют их на лицах, оказавшихся в их власти. Женщины в большинстве своём демонстрируют меньшую импульсивность и агрессивность, хотя им могут быть свойственны пограничное расстройство личности (выражающееся в резких аффективных вспышках и страхе быть покинутыми), синдром Мюнхгаузена (намеренное симулирование, вызывание либо преувеличение симптомов заболевания с целью вызвать сочувствие и привлечь внимание) — в том числе делегированный синдром Мюнхгаузена (например, преступница может умышленно лишать людей жизни, имитируя естественную смерть, при этом активно участвуя в процессе лечения и публично демонстрируя скорбь). Женщины выбирают более «тихие» методы убийства, стремясь не привлекать к себе внимания.

Для более детального представления вышеизложенной позиции стоит рассмотреть несколько кейсов.

Эржебет Батори (также известна как «Кровавая графиня» или «Чахтицкая пани») считается одной из первых задокументированных женщин-серийных убийц, а также дискуссионной исторической фигурой. Родилась в 1560 году

в Венгрии. Будучи графиней из влиятельного рода, с раннего возраста проявляла особую жестокость, которая усилилась после заключения брака с Ференцем Надашди, а впоследствии — после знакомства с соучастницей преступлений Анной Дарвулией. Совместно с Анной Дарвулией и ещё четырьмя прислужниками графиня самыми разнообразными способами подвергала истязаниям крестьянок, находившихся у неё в услужении, за любую оплошность. Согласно разным источникам, на счету Эржебет Батори насчитывается от 60–80 до 175–200 смертей; отдельные данные называют цифру 605. В итоге преступная группа была раскрыта, соучастников казнили, а сама графиня провела оставшуюся жизнь взаперти в темнице того самого замка, где совершались убийства. Дискуссионный статус данной фигуры обусловлен существованием гипотезы о том, что обвинения против Батори были выдвинуты по политическим мотивам. Установить истину в полном объёме в настоящее время не представляется возможным [4].

Мэри Энн Коттон (известна как «Чёрная вдова») родилась в 1832 году в неимущей английской семье. После смерти отца она начала помогать матери и трудоустраиваться. На протяжении всей жизни Коттон стремилась к получению материальных благ и устраняла всех, кто мог бы стать препятствием на этом пути, включая близких родственников. Долгое время ей удавалось искусно прятаться образом скорбящей вдовы, поскольку практически всегда умирали её мужья, а также дети — как биологические, так и от предыдущих браков супругов. Жертвы погибали в результате отравления мышьяком, причём каждый случай смерти Коттон объясняла тифом либо кишечными коликами. С течением времени было установлено, что за чередой трагедий стоял корыстный мотив: основным побуждением Мэри было завладение страховыми выплатами и наследством. В конечном счёте преступница была изобличена и казнена в 1873 году [4].

На основании проанализированной информации можно констатировать, что женщины-серийные убийцы длительное время оставались вне поля подозрения вследствие гендерных стереотипов, приписывающих женщинам мягкость и заботливость. В отличие от мужчин, руководствующихся садизмом, стремлением к контролю и власти, мотивами женщин преимущественно выступают корысть либо самозащита, а основными способами являются латентные методы совершения убийств — в частности, удушение, отравление и инсценировка несчастных случаев. Формированию преступного поведения способствует комплекс факторов, включая дисфункциональную семейную среду и психические расстройства. Эффективное расследование требует отказа от стереотипов и учёта гендерных различий при осуществлении криминалистического профилирования.

Литература:

1. Что такое профайлинг? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/406640/> (Дата обращения: 06.04.2026)

2. Фрустрация: что это и как с ней бороться [Электронный ресурс]. URL: <https://mip.institute/journal/frustraciya-chto-eh-to-takoe-i-kak-ee-preodolet> (Дата обращения: 28.04.2026)
3. Zeljko Bjelajac «Analogy of Profiling Male and Female Serial Killers» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analogy-of-profiling-male-and-female-serial-killers> (Дата обращения: 06.04.2026)
4. Тори Телфер «Леди-убийцы: смертоносные женщины в истории» [Электронный ресурс]. URL: <https://readania.com/ledi-ubijtsy-smertonosnye-zhenschiny-v-istorii-tori-telfer-id41923/read/> (Дата обращения: 06.04.2026)

Финансовый мониторинг и борьба с легализацией доходов, полученных преступным путём

Гурова Валерия Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовые основы финансового мониторинга как одного из ключевых инструментов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Анализируются современные механизмы выявления подозрительных финансовых операций, деятельность субъектов финансового мониторинга, а также международные стандарты в сфере противодействия легализации преступных доходов. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики и перспективам совершенствования законодательства Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития риск-ориентированного подхода, цифровизации финансового контроля и укрепления международного сотрудничества в целях повышения эффективности противодействия финансовой преступности.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, легализация доходов, отмывание денежных средств, финансовый контроль, противодействие преступности, Росфинмониторинг, финансовая безопасность, ПОД/ФТ.

Financial monitoring and anti-money laundering

Gurova Valeria Aleksandrovna, master's student
Moscow University of Finance and Law

This article examines the legal framework for financial monitoring as a key tool for combating the legalization (laundering) of criminally obtained income. It analyzes modern mechanisms for identifying suspicious financial transactions, the activities of financial monitoring entities, and international standards in the field of combating money laundering. Particular attention is paid to the problems of law enforcement practice and prospects for improving Russian legislation. It concludes that further development of a risk-based approach, digitalization of financial control, and strengthening international cooperation are necessary to improve the effectiveness of combating financial crime.

Keywords: financial monitoring, legalization of income, money laundering, financial control, combating crime, Rosfinmonitoring, financial security, AML/CFT.

В современных условиях глобализации мировой экономики и активного развития цифровых финансовых технологий проблема легализации доходов, полученных преступным путём, приобретает особую актуальность. Отмывание денежных средств представляет собой сложный процесс придания законного вида финансовым ресурсам, полученным в результате совершения преступлений. Данное явление оказывает негативное воздействие на экономическую безопасность государства, способствует развитию организованной преступности, коррупции и финансированию терроризма.

Эффективное противодействие легализации преступных доходов является важнейшей задачей государ-

ственной политики. В этой связи особое значение приобретает система финансового мониторинга, направленная на выявление, предупреждение и пресечение незаконных финансовых операций. В Российской Федерации данная деятельность осуществляется на основании Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».

Целью настоящей статьи является исследование правовых основ финансового мониторинга, анализ его роли в противодействии легализации преступных доходов, а также выявление основных проблем и направлений совершенствования соответствующего механизма.

Понятие и сущность финансового мониторинга

Финансовый мониторинг представляет собой систему мер по сбору, обработке, анализу и передаче информации о финансовых операциях, которые могут быть связаны с легализацией преступных доходов или финансированием терроризма. Основной задачей финансового мониторинга является своевременное выявление подозрительных операций и предотвращение использования финансовой системы в противоправных целях.

Согласно положениям Федерального закона № 115-ФЗ организации, осуществляющие операции с денежными средствами и иным имуществом, обязаны идентифицировать клиентов, фиксировать сведения об операциях и направлять информацию в уполномоченный орган при наличии признаков подозрительности [1].

Финансовый мониторинг включает несколько взаимосвязанных элементов: идентификацию клиентов, оценку рисков, внутренний контроль, анализ финансовых операций и взаимодействие с государственными органами. Важнейшим принципом современного финансового мониторинга является риск-ориентированный подход, предусматривающий дифференцированную оценку клиентов и операций в зависимости от степени вероятности их использования в незаконных целях [2, с. 47].

Правовые основы противодействия легализации преступных доходов

Нормативно-правовая база противодействия легализации преступных доходов в Российской Федерации включает международные договоры, федеральные законы, подзаконные нормативные акты и рекомендации международных организаций.

Основополагающее значение имеют рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которые признаны международным стандартом в области противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма [3].

На национальном уровне центральное место занимает Федеральный закон № 115-ФЗ. Закон устанавливает перечень субъектов финансового мониторинга, их обязанности, порядок предоставления информации и меры ответственности за нарушение требований законодательства [1].

Уголовно-правовые меры противодействия легализации доходов закреплены в статьях 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанные нормы предусматривают ответственность за совершение финансовых операций и иных сделок с денежными средствами или имуществом, заведомо приобретёнными преступным путём [4].

Система субъектов финансового мониторинга

Российская система финансового мониторинга включает широкий круг участников. Центральным звеном вы-

ступает Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), осуществляющая функции национального подразделения финансовой разведки.

К субъектам первичного финансового мониторинга относятся кредитные организации, страховые компании, профессиональные участники рынка ценных бумаг, микрофинансовые организации, ломбарды, нотариусы, адвокаты и иные лица, осуществляющие операции с денежными средствами и имуществом [1].

Существует также проблема обеспечения баланса между эффективностью финансового контроля и соблюдением прав граждан. Избыточные меры контроля могут создавать дополнительные административные барьеры для добросовестных участников экономической деятельности.

Борьба с подозрительными операциями является приоритетной задачей государственных органов. В России ключевую роль в этой сфере играют Банк России, Росфинмониторинг, правоохранительные органы и Федеральная налоговая служба. Их совместная работа направлена на перекрытие финансовых потоков криминальных структур, связанных с коррупцией, наркобизнесом, уклонением от налогов и финансированием терроризма. [5]

В условиях цифровизации экономики и развития новых технологий, таких как криптовалюты, методы отмывания денег становятся все более изощренными. Это требует постоянного совершенствования инструментов контроля. Центральный банк РФ рекомендует кредитным организациям ежедневно анализировать операции клиентов, уделяя особое внимание внесению крупных сумм наличных денежных средств, которые могут быть направлены на легализацию незаконных доходов. [6]

Финансовое расследование, проводимое Росфинмониторингом, включает исследование движения денежных средств для выявления связей между источником их происхождения, получателями и временем получения. Эти данные служат доказательной базой в суде и помогают выявлять масштаб криминальной деятельности, связи внутри группировок и активы, подлежащие конфискации. [7]

Финансовый мониторинг является важнейшим элементом системы обеспечения экономической и национальной безопасности государства. Его основная задача заключается в выявлении и пресечении попыток использования финансовой системы для легализации доходов, полученных преступным путём.

Проведённый анализ показал, что российская система противодействия легализации преступных доходов основывается на современных международных стандартах и включает развитую сеть субъектов финансового мониторинга. Вместе с тем сохраняются проблемы, связанные с цифровизацией финансовых отношений, использованием новых платёжных инструментов и трансграничным характером финансовой преступности.

Повышение эффективности финансового мониторинга требует дальнейшего совершенствования законо-

дательства, внедрения современных технологий анализа данных, укрепления международного сотрудничества и развития риск-ориентированного подхода. Реализация

указанных мер будет способствовать укреплению финансовой безопасности государства и повышению эффективности борьбы с экономической преступностью.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма».
2. Крохина Ю. А. Финансовое право России. — М.: Норма, 2023. — 624 с.
3. Международные стандарты ФАТФ по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма. — Париж: FATF, 2024.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
5. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. Раздел «Противодействие отмыванию денег и валютный контроль» // URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ [^1]
6. ПРАЙМ. ЦБ рекомендовал банкам усилить контроль за операциями по внесению наличных // URL: <https://lprime.ru/20260521/banki-870099554.html> [^4]
7. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Противодействие легализации (отмыванию) доходов // URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/legalization> [^3]

Оспаривание сделок с предпочтением в процедуре банкротства: правовая природа и особенности расчетов с кредиторами

Данилина Мария Юрьевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье анализируется механизм оспаривания сделок с предпочтением в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). На основе анализа законодательства и судебной практики рассматриваются критерии преференциальности, периоды подозрительности и специфика оспаривания платежей в пользу банков и аффилированных лиц. Особое внимание уделено условиям защиты сделок, совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: банкротство, сделка с предпочтением, конкурсная масса, периоды подозрительности, обычная хозяйственная деятельность, реституция.

Challenging transactions with preference in bankruptcy proceedings: legal nature and peculiarities of settlements with creditors

This article analyzes the mechanism for challenging preferential transactions within insolvency (bankruptcy) proceedings. Based on an analysis of legislation and judicial practice, it examines the criteria for preference, suspect periods, and the specifics of challenging payments to banks and affiliated persons. Special attention is given to the conditions for protecting transactions made in the ordinary course of business. The article also explores the legal consequences and the restitution mechanism resulting from such challenges.

Keywords: bankruptcy, preferential transaction, insolvency estate, suspect periods, ordinary course of business, restitution.

Институт оспаривания преференциальных сделок (сделок с предпочтением) является необходимым инструментом обеспечения одного из фундаментальных принципов конкурсного права — принципа пропорционального удовлетворения требований кредиторов [2, ст. 61.3]. Согласно источнику, под сделкой с предпочтением понимается действие должника в отношении отдельного кредитора, которое влечет или может повлечь за собой удовлетворение его требований преимущественно перед другими кредиторами [3, п. 10].

Важной юридической характеристикой таких сделок является их оспоримость. В отличие от ничтожных сделок сделки с предпочтением признаются недействительными только по решению суда при наличии установленных законом оснований [1, ст. 166]. Ключевым критерием здесь выступает факт того, что в результате сделки конкретный кредитор получил удовлетворение своих требований раньше или в большем объеме, чем он мог бы получить при распределении конкурсной массы в законном порядке [2, ст. 61.3].

Статья 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» выделяет три основных обстоятельства, свидетельствующих о наличии предпочтения [2, ст. 61.3]:

1. Направление сделки на обеспечение исполнения обязательства (например, залог), возникшего до совершения самой сделки.

2. Изменение очередности удовлетворения требований кредиторов.

3. Удовлетворение требований, срок исполнения которых еще не наступил, при наличии просроченных обязательств перед другими лицами [2, ст. 61.3].

Законодатель устанавливает два дифференцированных периода подозрительности для оспаривания таких действий. Первый период составляет один месяц до принятия заявления о банкротстве (или после него). В этом случае для признания сделки недействительной достаточно доказать сам факт предпочтения; доказывать недобросовестность контрагента не требуется [3, п. 11]. Второй период охватывает промежуток от одного до шести месяцев до возбуждения дела. Для оспаривания в этот период необходимо дополнительно установить осведомленность кредитора о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника [2, ст. 61.3].

Одной из наиболее распространенных категорий споров является оспаривание платежей в пользу кредитных организаций. Судебная практика подчеркивает, что досрочный возврат кредита в преддверии банкротства, не имеющий разумных экономических причин, рассматривается как явное предпочтение [4, с. 12]. В таких случаях на управляющего не возлагается бремя доказывания осведомленности банка о финансовом состоянии должника — действует презумпция того, что целью досрочного погашения был именно вывод средств в пользу «избранного» кредитора.

Особый режим предусмотрен для сделок с аффилированными лицами. Платежи в их пользу в период подозрительности рассматриваются судами с повышенной степенью критичности [4, с. 15]. Согласно разъяснениям Верховного суда РФ, недобросовестность контрагента при совершении сделки исключает возможность ее квалификации как совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности [3, п. 14].

К оспариваемым действиям также относятся расчеты, произведенные путем зачета встречных требований, если они привели к изменению очередности удовлетворения претензий [3, п. 10].

Защитным механизмом для добросовестного оборота выступает положение п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве, запрещающее оспаривать сделки, совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности должника [2, ст. 61.4]. Основными критериями такой деятельности являются регулярность аналогичных сделок, соответствие условий рыночным и размер платежа, не превышающий 1 % от стоимости активов должника [3, п. 14]. Однако систематичность и малый размер платежа не спасают сделку от оспаривания, если доказана недобросовестность контрагента.

Последствием признания сделки с предпочтением недействительной является реституция. Контрагент обязан возратить в конкурсную массу все полученное по сделке. При этом его право требования к должнику восстанавливается и подлежит удовлетворению в порядке реестровой очередности [2, ст. 61.6].

Таким образом, механизм оспаривания сделок с предпочтением служит целям восстановления баланса интересов всех участников банкротного процесса, предотвращая недобросовестное распределение активов в период финансового кризиса должника.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» (ред. от 19.11.2024) // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 3.
4. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы правового регулирования обращения прокурора в суд в защиту прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве и предложения по его совершенствованию

Дружина Анастасия Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются проблемы правового регулирования обращения прокурора в суд в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Исследуется противоречие между формулировками ГПК РФ и Федерального закона о прокуратуре, проблема подмены интересов несовершеннолетнего интересами его законного представителя, а также неопределённость заключения прокурора. Сформулированы предложения по внесению изменений в статьи 45, 131 и 189 ГПК РФ.

Ключевые слова: прокурор, несовершеннолетние, гражданское судопроизводство, защита прав, заключение прокурора, законный представитель, статья 45 ГПК РФ.

Защита прав и законных интересов детей занимает одно из центральных мест в системе конституционных гарантий Российской Федерации. Часть 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашает, что материнство и детство находятся под защитой государства, а введённая в 2020 г. ст. 67.1 закрепила за детьми статус важнейшего приоритета государственной политики [1]. В реализации этих конституционных установлений существенная роль принадлежит органам прокуратуры, которые в силу ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) обеспечивают верховенство закона, защиту прав и свобод граждан [2]. Несовершеннолетние в силу возраста, физической и психологической незрелости не способны самостоятельно защищать свои права, что делает прокурорское обращение в суд одним из ключевых инструментов обеспечения их интересов. Между тем действующее процессуальное законодательство содержит ряд пробелов и внутренних противоречий, которые снижают эффективность данного института и нуждаются в детальном анализе.

О масштабе деятельности прокуроров свидетельствует статистика: по данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г. выявлено 792 898 нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних, а ежегодно в суды направляется более 80 тысяч исков и заявлений, из которых более 95 процентов удовлетворяются [3, с. 121–122]. Столь высокий показатель результативности одновременно свидетельствует и о тщательности подготовки прокуроров, и о бесспорности значительной части нарушений. Между тем гражданское процессуальное законодательство содержит ряд пробелов и противоречий, которые снижают эффективность этого механизма и нуждаются в устранении. Рассмотрим три наиболее значимых из них, имеющих непосредственное практическое значение.

Одна из ключевых проблем заключается в противоречии между формулировками ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) [4] и ч. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре. Процессуальный кодекс наделяет прокурора правом обратиться в суд, тогда как Закон о прокуратуре устанавливает, что прокурор предъ-

являет и поддерживает иск в интересах пострадавших, которые по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не могут лично отстаивать свои права. А. Н. Колосов, детально исследовавший это расхождение, приходит к выводу, что «в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ речь все же должна идти об обязанности прокурора защищать интересы указанных в статье лиц, в том числе и несовершеннолетних» [5, с. 120]. Л. А. Авдеева и М. А. Назина разделяют эту позицию и предлагают сформулировать норму через императивную конструкцию [6, с. 174]. Позиция этих авторов по своей сути верна, однако нуждается в уточнении. Замена диспозитивной формулировки на императивную без оговорки о том, что не каждое нарушение прав ребёнка требует именно судебного вмешательства, рискует перегрузить судебную систему: прокурору доступны и внесудебные средства реагирования. Целесообразно закрепить обязанность прокурора предъявить иск при установлении нарушения прав несовершеннолетнего, которое не может быть устранено в ином порядке. Такая конструкция сохранит императивность нормы и оставит прокурору пространство для выбора адекватного средства реагирования. Нельзя не учитывать и практическую сторону вопроса: если каждое выявленное нарушение будет влечь обязательный судебный иск, прокуроры окажутся перегружены делами, объективно не требующими судебной процедуры, а суды получат поток заявлений, которые могли бы быть разрешены посредством внесения представления. Обязанность должна быть привязана не к самому факту нарушения, а к невозможности его устранения иными средствами.

Проблема усугубляется избыточным требованием к обоснованию обращения прокурора. Часть 3 ст. 131 ГПК РФ обязывает прокурора мотивировать невозможность предъявления иска самим гражданином.

А. В. Гришин фиксирует, что «несовершеннолетние как самостоятельная категория граждан в ст. 45 ГПК РФ не выделяются», вследствие чего прокурору приходится обосновывать обращение ссылкой на возраст и одновременно объяснять, почему бездействуют законные представители ребёнка [3, с. 127]. Ю. В. Суровикина обращает

внимание на то, что ч. 1 ст. 45 оперирует категорией «детство», которая по смысловому охвату шире понятия «несовершеннолетние» и одновременно менее конкретна [7, с. 309].

А. В. Гришин предлагает дополнить абзац второй ч. 3 ст. 131 ГПК РФ словами «за исключением несовершеннолетнего» [3, с. 128], освободив прокурора от необходимости мотивировать очевидное. Это обосновано: несовершеннолетний по определению не обладает полной процессуальной дееспособностью, и возлагать на прокурора бремя объяснения причин бездействия родителей означает создавать процессуальный барьер, не имеющий правовой необходимости.

Непосредственным следствием описанных проблем становятся отказы судов в принятии исков прокуроров. Суды нередко отказывают прокурору, ссылаясь на наличие у ребёнка законных представителей. У. А. Рудовская обращает внимание на парадокс: если в прокуратуру обращается бабушка ребёнка (не являющаяся законным представителем), прокурор вправе подать иск, поскольку бездействие родителей даёт ему такое основание; но если с аналогичной просьбой обращается сам родитель, прокурор ограничен дополнительными условиями. У. А. Рудовская квалифицирует подобные ситуации как подмену: суд отождествляет наличие у ребёнка законного представителя с реальной защитой его прав, что далеко не всегда соответствует действительности [8, с. 43]. Д. Я. Гусейнова и Н. В. Лебединец приходят к аналогичному выводу и констатируют, что прокурор вынужден обосновывать законность участия, которое уже предполагается действующим законодательством [9, с. 236]. Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял, что право прокурора не зависит от наличия у ребёнка законного представителя [10], однако на практике этот вывод распространяется преимущественно на детей, оставшихся без попечения родителей. Выход видится в дополнении ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прямым указанием: ограничение не распространяется на заявления прокурора в защиту прав несовершеннолетних. Сложившаяся ситуация обнажает системный дефект: законодатель провозглашает приоритет защиты детства, но не предоставляет прокурору безусловного процессуального инструмента для реализации этого приоритета. В результате прокурор оказывается в положении, когда он должен доказывать своё право защищать тех, кого государство обязало его защищать. Устранение этого противоречия через прямое законодательное указание на несовершеннолетних в ст. 45 ГПК РФ является первоочередной мерой.

Третья проблема касается процессуального положения прокурора, вступающего в уже возбужденное дело для дачи заключения. Часть 3 ст. 45 ГПК РФ перечисляет категории дел, по которым участие прокурора обязательно: о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда жизни или здоровью. Однако значительный массив споров, затрагивающих права несовершеннолетних, в этот перечень не попадает. Д. Д. Матвеева на примере жилищных споров наглядно продемонстрировала, на-

сколько узко толкуется даже включённая в перечень категория «дела о выселении»: из тридцати опрошенных ею прокуроров лишь десять сочли, что эта категория должна охватывать и дела, в результате которых ребёнок может утратить жилищные права [11, с. 230]. Между тем дело о прекращении права пользования жилым помещением или о расторжении договора найма по своим последствиям для ребёнка ничем не отличается от дела о выселении — ребёнок лишается крыши над головой в обоих случаях. Различие носит исключительно формальный характер и не должно предопределять судьбу прокурорского участия. В. В. Чекаренко обоснованно констатирует, что «прямое указание на категории дел, предусмотренных ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, по которым может быть дано заключение, существенно ограничивает возможности прокурора для осуществления защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей» [12, с. 81]. Попытка решить эту проблему через казуистичное расширение перечня — путь тупиковый: сколько бы категорий ни было добавлено, законодатель не сможет предвидеть все ситуации, в которых интересы ребёнка окажутся затронуты. Более продуктивным выглядит подход, предложенный А. В. Гришиным: дополнить ч. 3 ст. 45 ГПК РФ общей формулировкой об обязательности участия прокурора по делам о защите прав несовершеннолетних [3, с. 138]. Такое решение охватывает все возможные ситуации и ставит защиту ребёнка в зависимость от существа спора, а не от его формального наименования.

С ограниченностью перечня связана и проблема процессуальных возможностей прокурора на стороне ответчика. Когда иск предъявлен к несовершеннолетнему, прокурор вправе вступить в дело для дачи заключения, но не может предъявить встречный иск от имени ребёнка. А. Р. Каримов обоснованно указывает на этот пробел и предлагает наделить прокурора соответствующим полномочием [13, с. 357]. Если прокурор вправе инициировать самостоятельный процесс в интересах несовершеннолетнего, то логично предоставить ему возможность активной защиты и тогда, когда ребёнок оказывается в роли ответчика. Иной подход создаёт асимметрию: прокурор может атаковать, но не может защищать. Я. Ю. Лихоманова и В. А. Мурзина ставят ещё один важный вопрос — о последствиях неявки прокурора: «присутствие прокурора должно быть обязательным, а его неявка должна выступать в качестве препятствия для рассмотрения дела по существу» [14, с. 80]. Здесь, однако, требуется взвешенность: безусловное отложение при любой неявке может затягивать процессы и нарушать права самих несовершеннолетних. Разумным компромиссом было бы разграничение: по делам, инициированным прокурором, его присутствие обязательно; по делам, где прокурор привлечён для заключения, первая неявка влечёт отложение с уведомлением вышестоящего прокурора, а повторная — рассмотрение дела без заключения с обязательным отражением этого в мотивировочной части решения.

Содержание заключения прокурора также остаётся неурегулированным. А. В. Гришин прямо указывает: «ГПК РФ не раскрывает понятие заключение прокурора, не определяет его содержание и правовое значение. Нет требований к суду мотивировать в решении несогласие с заключением прокурора» [3, с. 136]. Д. Я. Гусейнова и Н. В. Лебединец поддерживают идею закрепления письменной формы, аргументируя тем, что это повысит ответственность прокурора при подготовке [9, с. 236]. Отсутствие нормативного определения ведёт к тому, что заключение превращается в необязательную устную реплику, которую суд может проигнорировать без какой-либо мотивации. По существу, норма об обязательном участии прокурора обесценивается: прокурор формально присутствует и высказывает мнение, но это мнение юридически «невесомо». Введение ст. 189.1 ГПК РФ, определяющей заключение как мотивированное мнение с обязанностью суда мотивировать несогласие, решило бы эту проблему. При этом заключение должно оставаться именно мнением,

а не обязательным указанием — автономия суда не подлежит ограничению.

Таким образом, совершенствование правового регулирования обращения прокурора в суд в защиту прав несовершеннолетних требует комплекса законодательных мер: включения в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прямого указания на несовершеннолетних как категорию лиц, в защиту которых прокурор обращается без ограничений; освобождения прокурора от обоснования невозможности самостоятельного обращения путём дополнения ч. 3 ст. 131 ГПК РФ; расширения перечня дел обязательного участия прокурора через общую формулировку вместо казуистичного перечисления; введения ст. 189.1 ГПК РФ, определяющей содержание заключения прокурора. Институт прокурорского обращения в суд в защиту несовершеннолетних остаётся одной из ключевых государственных гарантий реализации конституционного принципа приоритетности защиты детства, и его дальнейшее развитие является задачей, от решения которой зависит реальная защищённость каждого ребёнка в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 366; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (ч. I). — Ст. 8320.
3. Гришин А. В. Актуальные проблемы участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел о защите прав и законных интересов несовершеннолетних // Гражданское и арбитражное судопроизводство: история и современность. Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. С. 120–130.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 15. — Ст. 1846.
5. Колосов А. Н. Обращение прокурора в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве: право или обязанность? // Молодой ученый. 2024. № 38 (537). С. 118–120.
6. Авдеева Л. А., Назина М. А. Особенности участия прокурора в гражданском процессе в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–2(80). С. 173–175.
7. Суровикина Ю. В. К вопросу об участии прокурора в обеспечении прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Социально-экономические процессы современного общества: теория и практика. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. С. 308–310.
8. Рудовская У. А. Защита прокурором в гражданском судопроизводстве прав и законных интересов несовершеннолетних // Студенческий форум. 2025. № 11–2(320). С. 40–44.
9. Гусейнова Д. Я., Лебединец Н. В. Роль и значение участия прокурора в гражданском процессе с участием несовершеннолетних: анализ законодательства и правоприменительной практики // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. С. 235–237.
10. Определение Верховного Суда РФ от 03 февраля 2009 г. № 75-Впр08–39 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/3TySum> (дата обращения: 30.05.2026).
11. Матвеева Д. Д. О некоторых вопросах защиты прокурором прав несовершеннолетних при рассмотрении судами дел о выселении // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 229–231.
12. Чекаренко В. В. Проблемы участия прокурора в гражданском процессе в защиту прав несовершеннолетних // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2023. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 79–82.

13. Каримов А. Р. Особенности участия прокурора в гражданском процессе в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних // Юридическая наука в условиях современных вызовов. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2025. С. 355–358.
14. Лихоманова Я. Ю., Мурзина В. А. Актуальные проблемы защиты прокурором прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Альманах молодого исследователя. 2024. № 16. С. 77–81.

Контроль за целевым использованием алиментов получателем алиментов

Дудров Максим Александрович, студент;

Козлов Ярослав Викторович, студент;

Егоров Роман Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье авторы исследуют одну из дискуссионных проблем семейного права — возможность и пределы контроля плательщика алиментов за тем, расходует ли получатель полученные суммы на содержание, воспитание и образование ребёнка. Анализируют правовая природа обязанности целевого расходования алиментов, закреплённой в пункте 2 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации, и констатируют отсутствие в действующем законодательстве прямого механизма такого контроля. Исследуют опосредованные правовые средства: перечисление части алиментов на счёт ребёнка, договорные условия соглашения об уплате алиментов, иные семейно-правовые инструменты. Оценивают современные законодательные инициативы (введение отчётности получателя и «карты ребёнка»). Делают вывод о необходимости поиска баланса между интересом плательщика в прозрачности расходов и недопустимостью чрезмерного вмешательства в автономию семьи и личную жизнь получателя.

Ключевые слова: алименты, целевое использование, имущественные права ребёнка, контроль за расходованием алиментов, соглашение об уплате алиментов, счёт ребёнка, нецелевое расходование, интересы ребёнка.

1. Постановка проблемы

Алиментное обязательство родителей в отношении несовершеннолетних детей относится к числу важнейших институтов семейного права и непосредственно связано с конституционной обязанностью родителей заботиться о детях и обеспечивать их содержание [1]. Между тем практика применения алиментного законодательства устойчиво воспроизводит вопрос, который не получил однозначного решения ни в законе, ни в науке: вправе ли плательщик алиментов — как правило, родитель, проживающий отдельно от ребёнка, — контролировать, на какие именно нужды получатель направляет переданные средства, и какими правовыми инструментами такой контроль может быть обеспечен.

Острота проблемы обусловлена внутренним противоречием самой конструкции алиментов на несовершеннолетнего. Формально денежные суммы предназначены ребёнку, однако в силу его недееспособности они поступают в распоряжение второго родителя (иного законного представителя) и обезличиваются в общем семейном бюджете. Плательщик, добросовестно исполняющий обязанность, нередко не имеет возможности убедиться, что деньги израсходованы именно на ребёнка, а не на личные потребности получателя. Это порождает конфликты, недоверие и, по распространённому мнению, является одной из причин уклонения от уплаты алиментов.

Цель настоящей статьи — определить, какие правовые механизмы контроля за целевым использованием алиментов допускает действующее законодательство Российской Федерации, выявить их пределы и оценить перспективы реформирования соответствующего регулирования.

2. Обязанность целевого расходования алиментов: правовая природа

Базовая норма содержится в пункте 2 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ): суммы, причитающиеся ребёнку в качестве алиментов, пенсий и пособий, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребёнка [2]. Тем самым закон закрепляет двойную правовую характеристику этих средств. С одной стороны, право требования алиментов и право на сами средства принадлежат ребёнку; с другой — правомочие по распоряжению ими передаётся законному представителю, который действует в интересах ребёнка.

Из приведённой нормы прямо вытекает обязанность получателя расходовать алименты строго по целевому назначению — на содержание, воспитание и образование ребёнка. Однако законодатель ограничился лишь общим указанием цели, не раскрыв ни перечня допустимых расходов, ни критериев их соразмерности, ни — что осо-

бенно важно — механизма проверки соблюдения этой обязанности. Понятия «содержание», «воспитание» и «образование» носят оценочный характер и охватывают широкий спектр затрат: питание, одежду, лекарства и лечение, оплату жилья и коммунальных услуг в части, приходящейся на ребёнка, образовательные и развивающие занятия, отдых, досуг и иные потребности.

В доктрине справедливо отмечается, что обязанность целевого расходования сформулирована как обязанность по существу декларативная: она устанавливает должное поведение получателя, но не снабжена ни специальной санкцией за нарушение, ни процедурой контроля. Это сближает её с так называемыми «несовершенными» обязанностями, исполнение которых обеспечивается преимущественно общими мерами семейно-правовой ответственности, а не специальными контрольными механизмами.

3. Отсутствие прямого механизма контроля

Принципиальное положение состоит в том, что действующее семейное законодательство не предусматривает прямого механизма контроля за расходованием алиментов и не возлагает на получателя обязанности отчитываться перед плательщиком о направлениях их использования. Плательщик не вправе требовать от получателя предоставления отчётов, чеков, выписок или иных документов, подтверждающих целевой характер расходов, а уклонение от добровольного предоставления такой информации не влечёт для получателя правовых последствий.

Такой подход законодателя не случаен и опирается на ряд принципов семейного и гражданского права. Во-первых, это принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и автономии воли участников семейных отношений [3]. Во-вторых, это презумпция добросовестности родителя, проживающего с ребёнком: предполагается, что он действует в интересах ребёнка и распоряжается средствами разумно. В-третьих, практическая невозможность точного учёта: алименты обезличиваются в семейном бюджете, и большинство расходов на ребёнка (питание, коммунальные платежи, совместный отдых) технически неотделимы от расходов семьи в целом.

Возложение на получателя безусловной обязанности отчитываться означало бы установление режима, близкого к опеке или доверительному управлению, что не соответствует природе родительского правоотношения, в котором родитель является самостоятельным носителем родительских прав и обязанностей, а не управляющим чужим имуществом. Вместе с тем отсутствие прямого контроля не равнозначно бесконтрольности: закон и судебная практика выработали ряд опосредованных

средств, позволяющих защитить интересы ребёнка и косвенно — законный интерес плательщика.

4. Опосредованные правовые механизмы контроля

4.1. Перечисление части алиментов на счёт ребёнка

Наиболее действенным легальным инструментом является предусмотренное абзацем вторым пункта 2 статьи 60 СК РФ право суда по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты, вынести решение о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках. Этот механизм не позволяет напрямую проконтролировать уже произведённые расходы, но обеспечивает, что часть средств гарантированно аккумулируется в интересах ребёнка и не может быть израсходована получателем на иные цели.

Условия и порядок применения данной нормы разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 [5]. Согласно этим разъяснениям, удовлетворение требования возможно, в частности, при ненадлежащем исполнении получающим алименты родителем обязанности по их расходованию на содержание, воспитание и образование ребёнка, при условии, что и после перечисления части средств на счёт ребёнка сохранится уровень материального обеспечения, достаточный для его полноценного развития. Суд исходит прежде всего из интересов ребёнка, а не из стремления плательщика снизить фактические выплаты получателю.

Если алименты были взысканы на основании судебного приказа или решения суда, соответствующее требование разрешается в порядке статьи 203 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации как вопрос об изменении способа и порядка исполнения судебного акта¹. В доктрине отмечается, что бремя доказывания нецелевого или неразумного расходования лежит на заявителе, а суд оценивает совокупность обстоятельств: размер алиментов, уровень доходов получателя, реальные потребности ребёнка и достаточность остающейся в распоряжении получателя части средств [6].

4.2. Соглашение об уплате алиментов как договорный инструмент

Если алименты уплачиваются на основании соглашения об уплате алиментов (статьи 99–101 СК РФ), стороны располагают существенно большей свободой в конструировании условий контроля [2, Ст. 99–101]. Поскольку соглашение является, по существу, семейно-правовым договором, родители вправе включить в него условия,

¹ [5] Вопрос разрешается в порядке ст. 203 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, если алименты взысканы на основании судебного приказа или решения суда.

прямо не предусмотренные законом, но и не противоречащие ему и интересам ребёнка.

В частности, в соглашение могут быть включены: обязанность получателя периодически предоставлять отчёт о расходовании средств с приложением подтверждающих документов; перечисление части или всей суммы непосредственно поставщикам услуг (образовательным, медицинским организациям) либо на специальный счёт ребёнка; целевое назначение отдельных платежей (на обучение, лечение, приобретение определённого имущества); порядок согласования крупных расходов. Соглашение заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению, после чего приобретает силу исполнительного документа [2, Ст. 100], а при наличии спора может быть изменено по соглашению сторон или в судебном порядке.

Таким образом, договорный механизм позволяет легитимно ввести именно тот контроль за целевым использованием алиментов, который прямой нормой закона не предусмотрен. Его ограничение состоит в том, что он действует только при взаимном согласии сторон: понудить второго родителя к включению в соглашение условий об отчётности невозможно.

4.3. Иные семейно-правовые средства защиты интересов ребёнка

Наряду с указанными инструментами законный интерес плательщика в надлежащем содержании ребёнка может быть защищён и иными средствами, лежащими за рамками собственно «контроля». Систематическое расходование алиментов вопреки интересам ребёнка, сопровождающееся пренебрежением его нуждами, может рассматриваться как ненадлежащее осуществление родительских прав². В крайних случаях это способно повлечь постановку вопроса об изменении места жительства ребёнка, об ограничении или лишении родительских прав, а также о привлечении органов опеки и попечительства. Эти меры, однако, направлены на защиту ребёнка, а не на удовлетворение интереса плательщика в прозрачности расходов, и применяются лишь при наличии серьёзной угрозы интересам ребёнка.

5. Проблема доказывания нецелевого расходования

Слабым звеном всех перечисленных механизмов остаётся доказывание факта нецелевого расходования. В силу обезличивания алиментов в семейном бюджете и оценочного характера понятий «содержание», «воспитание» и «образование» провести границу между допустимыми и недопустимыми тратами крайне затруднительно. Рас-

ходы на жильё, питание, отдых, в которых участвует и сам получатель, не могут быть строго разделены на «детскую» и «взрослую» части.

На практике суды не требуют от получателя доказательств того, что каждая полученная сумма потрачена на ребёнка; напротив, именно плательщик должен представить доказательства того, что потребности ребёнка не удовлетворяются или удовлетворяются ненадлежащим образом (например, ребёнок не обеспечен необходимой одеждой, питанием, лишён доступа к образованию и лечению), а уровень его обеспечения явно не соответствует размеру выплачиваемых алиментов. Лишь при доказанности этих обстоятельств суд может применить механизм перечисления части средств на счёт ребёнка. Тем самым законодатель и судебная практика смещают акцент с контроля за расходами на оценку результата — фактического состояния обеспеченности ребёнка.

6. Законодательные инициативы и научная дискуссия

Неудовлетворённость значительной части плательщиков существующим положением периодически порождает законодательные и общественные инициативы, направленные на введение обязательного контроля. К числу наиболее обсуждаемых относятся предложение о законодательном закреплении обязанности получателя представлять отчёт о расходовании алиментов, а также идея введения специальной «карты (карточки) ребёнка», на которую плательщик перечислял бы средства и через которую мог бы отслеживать целевой характер трат³. На момент подготовки настоящей статьи эти предложения носят характер проектов и в действующее законодательство не внесены.

В научной литературе подобные инициативы оцениваются неоднозначно. Сторонники указывают, что прозрачность расходов повысила бы доверие между родителями и платёжную дисциплину, а также реально защитила бы интересы ребёнка. Оппоненты обращают внимание на ряд серьёзных возражений. Во-первых, введение тотальной отчётности противоречит принципу автономии семьи и невмешательства в её внутренние дела, а также праву получателя на неприкосновенность частной жизни. Во-вторых, оно технически трудноисполнимо ввиду неотделимости значительной части расходов на ребёнка от общесемейных. В-третьих, оно создаёт риск злоупотреблений со стороны плательщика, который может использовать механизм контроля как инструмент давления на бывшего супруга. В-четвёртых, формализация контроля способна превратить родительскую заботу в подотчётное

² [2] П. 1 ст. 65 Семейного кодекса РФ: родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей; обеспечение интересов детей — предмет основной заботы родителей.

³ Обзор инициатив см.: предложения Общественной палаты РФ о «карте (карточке) ребёнка» и инициатива об отчётности получателя алиментов, обсуждавшиеся в 2023–2025 гг. Носят характер проектов и в действующее законодательство не внесены.

администрирование, что не соответствует существу семейных отношений.

Представляется, что компромиссное решение состоит не во введении всеобщей обязательной отчётности, а в развитии и упрощении уже существующих диспозитивных и судебных механизмов: расширении применения перечисления части алиментов на счёт ребёнка, стимулировании заключения соглашений с условиями о целевом расходовании, а также в возможном законодательном уточнении критериев, при которых суд вправе устанавливать дополнительные гарантии целевого использования средств.

7. Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1) Действующее законодательство Российской Федерации закрепляет обязанность получателя расходовать алименты на содержание, воспитание и образование ребёнка (п. 2 ст. 60 СК РФ), однако не предусматривает прямого механизма контроля за её исполнением и не возлагает на получателя обязанности отчитываться перед плательщиком.

2) Отсутствие прямого контроля является осознанной позицией законодателя, основанной на принципах автономии семьи, невмешательства в её дела, презумпции добросовестности проживающего с ребёнком родителя и практической невозможности раздельного учёта расходов.

3) Защита законного интереса плательщика обеспечивается опосредованными средствами: судебным перечислением до пятидесяти процентов алиментов на счёт ребёнка при доказанности их ненадлежащего расходования; договорными условиями соглашения об уплате алиментов; общими семейно-правовыми мерами защиты интересов ребёнка.

4) Ключевой проблемой остаётся доказывание нецелевого расходования; судебная практика ориентируется не на контроль каждой траты, а на оценку фактического уровня обеспеченности ребёнка.

5) Инициативы о введении обязательной отчётности и «карты ребёнка» нуждаются в осторожной оценке: предпочтительным представляется развитие диспозитивных и судебных инструментов, обеспечивающих баланс между прозрачностью расходов и недопустимостью чрезмерного вмешательства в частную жизнь и автономию семьи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями) // Официальный интернет-портал правовой информации. Ст. 38.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. Ст. 8.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов».
6. Шелютто М. Л. Рассмотрение заявления о перечислении части сумм алиментов на счёт, открытый на имя ребёнка в банке, в связи с их нецелевым расходованием. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения; КОНТРАКТ, 2021.
7. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М (актуальное издание).
8. Нечаева А. М. Семейное право: учебник. М.: Юрайт (актуальное издание).

Определение места жительства ребенка в судебной практике: проблемы правового регулирования и правоприменения

Жигало Алёна Валерьевна, студент;
Мирсагатова Алина Азизовна, студент;
Фрадкина Мария Михайловна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу судебной практики определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей. Исследуются правовые критерии, установленные ст. 65 Семейного кодекса РФ, и их интерпретация судами. Анализируются статистические данные о распределении решений в пользу матери и отца, исторические предпосылки

формирования судебной доктрины. Рассматривается феномен синдрома отчуждения родителя (PAS) как психологическая проблема, требующая экспертной оценки. На примере судебных решений Верховного Суда РФ и практики региональных судов демонстрируются тенденции изменения подходов. Выявляются проблемы исполнения судебных решений и предлагаются направления совершенствования законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: место жительства ребенка, споры о воспитании детей, Семейный кодекс РФ, судебная практика, Пленум Верховного Суда РФ, равенство прав родителей, интересы ребенка, исполнение судебных решений.

Determining a child's place of residence in judicial practice: issues of legal regulation and law enforcement

The article is devoted to the analysis of judicial practice of determining the place of residence of a child when parents are separated. The article examines the legal criteria established by Article 65 of the Family Code of the Russian Federation and their interpretation by the courts. The statistical data on the distribution of decisions in favor of the mother and father, the historical background of the formation of judicial doctrine are analyzed. The phenomenon of parental alienation syndrome (PAS) is considered as a psychological problem requiring expert assessment. The problems of the execution of court decisions are identified and directions for improving legislation and law enforcement are proposed.

Keywords: the child's place of residence, disputes about the upbringing of children, the Family Code of the Russian Federation, judicial practice, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, equality of rights of parents, the interests of the child, enforcement of court decisions.

В современной России сохраняется высокий уровень разводов. По данным Росстата, за январь-февраль 2025 года число разводов снизилось на 26,8 %, однако в абсолютных цифрах речь по-прежнему идет о сотнях тысяч ежегодно расторгаемых браков [1]. После развода родители часто не могут договориться, с кем будет жить ребенок, что приводит к судебным спорам. По закону (ст. 61 СК РФ) мать и отец имеют равные права, однако на практике это равенство не работает. Сложившаяся судебная доктрина, отдающая приоритет матери, создает перекося: примерно в 95 % споров ребенок остается с матерью и лишь в 5 % — с отцом. Главная проблема суда — принять решение, с кем оставить ребенка, но при этом не нарушить права второго родителя и не травмировать несовершеннолетнего. Суд обязан исходить из равенства прав родителей, однако приоритет имеет обеспечение интересов ребенка, что требует всестороннего исследования фактических обстоятельств. Цель статьи — показать, как суды принимают решения по спорам об определении места жительства ребенка, выявить проблемы правового регулирования и правоприменения, а также предложить изменения в законодательство.

В соответствии с абзацем 2 пункта 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации, а также с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 года № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», суд обязан исходить из интересов ребенка и учитывать целый ряд обстоятельств. К ним относятся привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для

воспитания и развития с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения. При этом Верховный Суд РФ специально подчеркнул, что преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя [2]. Также суд обязан учитывать мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, при условии, что это не противоречит его интересам. Важной процессуальной особенностью является то, что спор об определении места жительства ребенка может рассматриваться в различные периоды: до расторжения брака, в рамках бракоразводного процесса либо после его завершения. При этом судебная практика допускает неоднократное обращение с подобными исками, поскольку условия воспитания ребенка динамичны — они могут меняться в зависимости от состояния здоровья родителя или ребенка, появления отчима или мачехи, изменения материального или семейного положения сторон [3].

Несмотря на то, что закон не устанавливает никакого формального приоритета матери или отца и провозглашает равенство прав родителей в статье 61 Семейного кодекса РФ, десятилетиями в российской правоприменительной практике сложилась устойчивая тенденция: в подавляющем большинстве случаев суды оставляют ребенка с матерью. Исторически сложившаяся в России тенденция имеет глубокие корни. Как отмечает Е. Е. Леканова, в первые годы советской власти рассмотрение споров о детях было крайне непрофессиональным: судьи не мотивировали решения, а решающим фактором зачастую выступало фактическое проживание ребенка с матерью на момент разбирательства. Ни кодексы 1918, 1926, ни даже 1969 года не содержали примерного перечня обстоятельств, подлежащих исследованию, что

оставляло судейскому усмотрению практически безграничные рамки. В таких условиях судьи обращались к бытовым стереотипам, в которых мать воспринималась как главный воспитатель, особенно для малолетних детей [4]. Позднее сложившаяся практика получила дополнительное обоснование в виде Принципа 6 Декларации прав ребенка 1959 года, согласно которому малолетний ребенок не должен быть разлучаем с матерью, за исключением исключительных обстоятельств [5]. Суды стали активно ссылаться на этот принцип, превратив его в фактическую презумпцию. Однако в последнее время правовая система начала последовательно отходить от этой традиции. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 года, сформулирована принципиально важная правовая позиция: споры об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей суд должен разрешать в соответствии с принципом равенства прав родителей и с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего 10-летнего возраста, руководствуясь исключительно интересами ребенка [6]. Верховный Суд прямо указал, что Принцип 6 Декларации 1959 года не может рассматриваться как устанавливающий приоритет матери, и обязал суды разрешать споры на основе равенства прав родителей и интересов ребенка.

Помимо формальных юридических критериев, суды сталкиваются с необходимостью оценки фактических обстоятельств, характеризующих внутрисемейные отношения, в том числе с таким сложным феноменом, как синдром отчуждения родителя (Parental Alienation Syndrome, PAS), введенным в научный оборот американским психиатром Р. Гарднером в 1985 году. Данный синдром проявляется в том, что один из родителей (как правило, тот, с кем проживает ребенок) сознательно или неосознанно настраивает ребенка против второго родителя, обесценивает его, внушает, что тот не любит ребенка, запрещает или ограничивает общение. Мотивом часто выступает месть бывшему супругу, а интересы самого ребенка во внимание не принимаются. Как указывается в юридической литературе, проблема воспрепятствования отдельно проживающему родителю в общении с ребенком в результате манипуляций со стороны другого родителя изучается в науке с 1970-х годов, при этом воздействие на ребенка с целью его отчуждения от одного из родителей рассматривается как психическое насилие, которое должно учитываться при определении места жительства ребенка [7]. Как писала А.С. Спиваковская, ситуация годами длящегося «хронического» развода наиболее неблагоприятна для ребенка, поскольку его жизнь лишается необходимой стабильности [8].

В связи со сложностью оценки данных обстоятельств, главной процессуальной рекомендацией является назначение судебной психолого-педагогической экспертизы. Её основная задача — анализ личности всех заинтересованных лиц и их системы взаимоотношений, на

основании которого даются рекомендации относительно места проживания ребенка. Сложность дел о месте жительства ребёнка в том, что суд работает на стыке права и иных областей знания, а самый прямой источник доказательств — мнение ребёнка — наиболее уязвим для процессуальных манипуляций.

Анализ судебных решений последних лет демонстрирует постепенное изменение подходов и формирование единообразной практики вышестоящими судебными инстанциями. Так, Хунзахским районным судом Республики Дагестан 19 августа 2025 года было рассмотрено гражданское дело № 2–728/2025 по иску Османова Ю. З. к Курбаналиевой С. Г. об изменении места жительства детей [9]. Ранее решением того же суда место жительства детей было определено с матерью. Однако отец обратился с иском об изменении места жительства, указав, что ответчик самоустранилась от воспитания, с детьми время практически не проводит, а он, напротив, создал все необходимые условия. Судом было установлено, что с июня 2025 года дети фактически проживают с отцом, находятся на его полном иждивении, в его доме имеется все необходимое. Стороны представили суду соглашение от 15 августа 2025 года, которым определили место жительства детей с отцом. Суд, руководствуясь статьями 24, 61, 65 Семейного кодекса РФ, а также разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 года № 10, удовлетворил иск, определив место жительства несовершеннолетних с отцом. Другим примером является дело по иску Д. к А., рассмотренное Нефтекамским городским судом, на которое содержится указание в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 года. Суд первой инстанции определил место жительства ребенка с отцом, фактически исходя из его лучшей материальной обеспеченности. Однако судебная коллегия Верховного Суда Республики Башкортостан отменила это решение, указав, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении не может служить основанием для определения места жительства ребенка с отцом, поскольку ребенок постоянно проживает с матерью, и исключительных обстоятельств для разлучения с матерью не имеется [10]. Эти примеры иллюстрируют последовательную позицию вышестоящих судов о недопустимости формального подхода, о приоритете интересов ребенка и о необходимости всестороннего исследования всех юридически значимых обстоятельств, предусмотренных ст. 65 СК РФ.

Одной из самых острых и нерешенных проблем остается принудительное исполнение судебных решений по данной категории дел. Пунктом 3 статьи 66 Семейного кодекса РФ предусмотрено, что при злостном невыполнении решения суда суд по требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может вынести решение о передаче ему ребенка. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что данный механизм применяется крайне редко. Аналогичным образом обстоит си-

туация с исполнением судебных решений об определении порядка общения: приставы, как правило, ограничиваются вынесением постановлений о наложении незначительных штрафов, что не создает действенного стимула для исполнения. Показательным примером данной проблемы служит дело, рассмотренное Всеволожским городским судом, где суд первоначально определил место жительства ребенка с матерью, однако в резолютивной части решения отсутствовала четкая формулировка обязанности отца передать ребенка [11]. В результате судебные приставы отказали в возбуждении исполнительного производства из-за неполноты формулировок судебного акта. Ситуация разрешилась только после того, как мать обратилась к Уполномоченному по правам человека, который инициировал процесс разъяснения судебного решения. В ходе разбирательства было внесено уточнение с обязательной формулировкой об обязанности отца передать ребенка матери для постоянного проживания.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что судебная практика определения места жительства ребенка прошла сложный путь эволюции: от полного отсутствия законодательно закрепленных критериев и доминирования бытовых стереотипов до детальной правовой регламентации и постепенного отказа от негласного приоритета матери. Проблема перекоса в пользу матерей, обусловленная исторической инерцией правоприменения и длительным неправильным толкованием Принципа 6 Декларации прав ребенка, в настоящее время постепенно преодолевается благодаря последовательной правовой позиции Верховного Суда РФ. Однако анализ практики позволяет утверждать, что существуют

системные проблемы, требующие решения. Во-первых, суды не всегда в полной мере используют предусмотренные процессуальным законом механизмы доказывания, в частности судебную психолого-педагогическую экспертизу, без которой объективная оценка всех юридически значимых обстоятельств затруднительна. Во-вторых, сохраняется проблема эффективного принудительного исполнения судебных решений, особенно в части, касающейся порядка общения отдельно проживающего родителя с ребенком: предусмотренные законом меры на практике почти не применяются. В-третьих, законодательство не содержит стимулов для родителей к достижению соглашения о месте жительства ребенка и порядке общения во внесудебном порядке. В связи с изложенным представляется необходимым: 1) на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ конкретизировать обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию при разрешении споров об определении места жительства ребенка, включая вопрос о назначении экспертизы в конфликтных ситуациях; 2) внести изменения в законодательство об исполнительном производстве, установив более строгие санкции за неисполнение судебных решений об определении порядка общения с ребенком; 3) развивать институт семейной медиации в целях досудебного урегулирования споров о детях. Только комплексное реформирование семейного и исполнительного законодательства в сочетании с правильным применением норм процессуального права способно обеспечить реальную, а не декларативную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних при разрешении споров об определении их места жительства.

Литература:

1. Росстат. Данные о естественном движении населения в феврале 2025 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/258153> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19357/ (дата обращения: 29.05.2026).
3. Кузнецова А. М. Споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Вестник магистратуры. — 2015. — № 9 (48). — С. 112–115.
4. Леканова Е. Е. Спор об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей: история и современность // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 1 (158). — С. 72–81.
5. Декларация прав ребенка (принята Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959) // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 142–147.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 (ред. от 27.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8.
7. Зыков С. В. Синдром родительского отчуждения (PAS) как вызов российскому семейному праву // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 2 (62). — С. 45–53.
8. Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. Том 2. — М.: ООО «Апрель Пресс», ЗАО «Изд-во ЭКСМО-Пресс», 2000. — 304 с.
9. Решение Хунзахского районного суда Республики Дагестан от 19 августа 2025 г. по делу № 2–728/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 29.05.2026).
10. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Обязать передать: Уполномоченный добился уточнения решения суда, благодаря чему ребёнок вернётся к матери после долгой разлуки // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Ленинградской области. — URL: <https://www.ombudsman47.ru/novosti/obyazat-peredat-upolnomochennyy-dobilysya-utochneniyaresheniya-suda-blagodarya-chemu-rebenok-vernetsya-k-materi-posle-dolgoy-razluki/> (дата обращения: 29.05.2026).

Особенности правового статуса инвалидов как социально уязвимой категории населения

Забродина Анастасия Андреевна, помощник прокурора
Прокуратура Чкаловского района г. Екатеринбург

В статье анализируется правовой статус лиц с ограниченными возможностями как одной из социально уязвимых категорий населения, нуждающихся в дополнительной защите. Рассматриваются причины приоритетности защиты прав инвалидов, а также особенности их статуса, обусловленного регламентированной дефиницией.

Ключевые слова: правовой статус, социальная уязвимость, инвалид, лицо с ограниченными возможностями, лицо с дополнительными потребностями.

Уязвимость означает подверженность личности более высокому риску нарушения прав человека, обусловленному различными внешними факторами и индивидуальными характеристиками, полагает Е. С. Алисиевич [1, с. 14].

Соответственно, социальная уязвимость — это особое положение человека, который ввиду возраста, состояния здоровья, семейного положения и иных обстоятельств не может самостоятельно реализовать гарантированные права и свободы и нуждается в дополнительной защите со стороны государства.

Социально уязвимыми категориями населения являются несовершеннолетние дети, инвалиды, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, ветераны, пенсионеры, многодетные семьи и малоимущие граждане. Безусловно, защита прав и свобод вышеуказанных групп граждан стоит в приоритете у государства, правоохранительных и контролирующих органов. Однако в данной работе хотелось бы акцентировать внимание на особом правовом статусе инвалидов как одной из социально незащищенных категорий граждан.

С. С. Алексеев и Д. В. Перевалов под правовым статусом личности понимают «положение человека, отражающее его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [2, с. 324]. Данное утверждение обширно раскрывает правовой статус физических лиц.

Научные деятели, в том числе О. Е. Кутафин и Е. И. Козлова, выделяют несколько видов правового статуса: общий, специальный и индивидуальный [3, с. 167–169].

Под общим правовым статусом граждан подразумевается совокупность прав, свобод, гарантий и обязанностей, установленных Конституцией Российской Федерации.

Под специальным правовым статусом следует понимать правовое положение лица, права и обязанности ко-

торого зависят от его служебного положения. Специальный правовой статус имеют военнослужащие, судьи, депутаты, иные государственные служащие.

Индивидуальный правовой статус отражает совокупность прав и обязанностей физического лица с учетом его текущего семейного положения, возраста, состояния здоровья и иных факторов.

По мнению С. С. Алексеева и Д. В. Перевалова, фактическое положение граждан влияет на их правовой статус. Соответственно, с учетом состояния здоровья инвалиды имеют не только общий, но и индивидуальный правовой статус. В этой совокупности статусов заключается одна из особенностей правового статуса инвалидов.

Статьей 1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» регламентировано понятие «инвалид». Это «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [4].

Указанная дефиниция отражает следующую особенность правового статуса инвалидов. Данная категория населения нуждается в социальной защите ввиду имеющих ограничений, обусловленных состоянием здоровья.

Вместе с тем следует отметить, что в действующем российском законодательстве отсутствует термин «инвалидность», используется понятие «ограничение жизнедеятельности».

Под ограничением жизнедеятельности законодатель понимает полную или частичную утрату лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

Как отмечают М. В. Бегидов, Т. П. Бегидова, ограничение жизнедеятельности подразделяется на врожденное и приобретенное [5, с. 9].

Указанная классификация также влияет на правовой статус инвалида. Лицо, имеющее стойкое расстройство функций организма и не достигшее возраста 18 лет, является ребенком-инвалидом. Инвалиды, достигшие возраста 60 и 65 лет (женщины и мужчины соответственно), являются пенсионерами с установленной группой инвалидности. То есть возрастной ценз имеет существенное значение для определения правового статуса гражданина. Несовершеннолетние дети и пенсионеры, являющиеся инвалидами, нуждаются в еще большей правовой защите в силу возрастных и физиологических особенностей.

В соответствии со статьей 7 Конституции «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [6].

Как следует из преамбулы Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», целью государственной политики в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Социальная защита прав и свобод инвалидов выражается в государственной поддержке, которая направлена на создание для них равных возможностей участия в жизни общества.

Примерами социальной защиты инвалидов являются предоставление технических средств реабилитации в рамках индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалидов, выплата пенсии по инвалидности, социальных пособий для родителей по уходу за ребенком-инвалидом, предоставление набора социальных услуг в натуральном виде или в денежном эквиваленте, обеспечение услуг социального работника, социального такси и оказание иных видов помощи по индивидуальной программе предоставления социальных услуг.

Кроме того, для инвалидов презюмирована государственная правовая защита. В порядке статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации органы прокуратуры защищают интересы и восстанавливают нарушенные права инвалидов в суде [7]. Органы прокуратуры систематически осуществляют надзорную деятельность за соблюдением законодательства о социальной защите инвалидов контролирующими органами и иными организациями.

Ключевая позиция законодателя в части социальной защиты инвалидов подразумевает обеспечение равных возможностей в реализации гарантированных прав и свобод. Однако положение рассматриваемой категории

населения, по моему мнению, стигматизировано на законодательном уровне.

Моя позиция обусловлена императивно регламентированной дефиницией «инвалид». Во всех нормативно-правовых, организационно-распорядительных и локальных актах лиц, имеющих расстройства функций организма, наименоывают инвалидами ввиду отсутствия иного юридического термина.

Безусловно, с правовой точки зрения указанное понятие является всеобъемлющим, точно раскрывающим социальное положение таких лиц. Вместе с тем с точки зрения социологии термин «инвалид» является весьма консервативным. Не следует исключать особенностей некоторых категорий современного общества, которому свойственны правовой нигилизм, конформизм, отсутствие толерантности.

В процессе интеграции в общество инвалиды, а в большей степени дети-инвалиды сталкиваются со стигматизацией ввиду особенностей здоровья, подвергаются дискриминации, ущемляются в правах. Бесспорно, это довольно непростая социальная проблема. Полагаю, есть несколько путей решения: проводить в образовательных учреждениях лекции, беседы, иные просветительские мероприятия по вопросам воспитания толерантности; характеризовать лиц, имеющих нарушения функций организма, не как лиц с ограниченными возможностями, а как лиц с дополнительными потребностями.

Наименование «инвалид» для указанной социально уязвимой категории населения противоречит позиции законодателя и создает пробел в праве. Я полагаю, что инвалидность не следует стигматизировать, трактуя ее как ограничение жизнедеятельности. Каждый человек имеет гарантированное право на жизнь. Соответственно, инвалидов не следует характеризовать как людей с ограниченными возможностями. Инвалиды имеют равные, а в исключительных случаях еще и большие возможности. В качестве примера можно привести лиц с расстройством аутистического спектра, которые в силу особенностей работы головного мозга могут отличаться незаурядными способностями. К числу таких лиц гипотетически относят великого ученого Альберта Эйнштейна и выдающегося композитора Вольфганга Амадея Моцарта.

Говорить о том, что лица, страдающие сложными заболеваниями, не имеют ограничений жизнедеятельности, было бы опрометчиво. Однако при надлежащем лечении, уходе и помощи третьих лиц инвалиды могут иметь равные возможности в реализации прав и свобод. Следовательно, инвалиды — это лица со стойкими расстройствами функций организма, имеющие дополнительные потребности для реализации жизнедеятельности.

Нельзя не согласиться с мнением С. В. Соловьевой, считающей, что инвалид — это субъект равных прав, который нуждается в социальной защите [8, с. 16]. Все граждане в качестве субъектов права имеют равные гарантированные права и свободы. Указанный тезис не включает в себя вопросы ограничения прав во исполнение су-

дебных актов. Соответственно, объем конституционных прав и возможностей не может быть ограничен ввиду особенностей состояния здоровья человека.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что инвалиды являются социально уязвимой категорией населения с особым правовым статусом ввиду со-

стояния здоровья и совокупности общего и индивидуального статусов. Инвалиды — полноценные члены общества и равные субъекты права, имеющие дополнительные потребности для реализации жизнедеятельности, а также нуждающиеся в социальной защите со стороны государства.

Литература:

1. Алисиевич Е. С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве: учеб. пособие / Е. С. Алисиевич. — М.: РУДН, 2012.
2. Алексеев С. С. Теория государства и права: учебник / С. С. Алексеев [и др.]; под. ред. Д. В. Перевалова. — М.: Инфра-М, 2011.
3. Козлова Е. И. Конституционное право России: учебник, 5-е изд. / Е. И. Козлова, Е. О. Кутафин. — М.: Проспект, 2013.
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 03.06.2026).
5. Бегидов М. В. Социальная защита инвалидов / М. В. Бегидов, Т. П. Бегидова. — М.: Юрайт, 2026.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 03.06.2026).
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. № 46.
8. Соловьева С. В. Трансформация правового регулирования статуса инвалидов / С. В. Соловьева // Society and Security Insights. — 2025. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pravovogo-regulirovaniya-statusa-invalidov> (дата обращения: 03.06.2026).

Полномочия и правовые средства прокурора по надзору за исполнением законов в отношении детей-инвалидов

Забродина Анастасия Андреевна, помощник прокурора
Прокуратура Чкаловского района г. Екатеринбурга

В статье рассматриваются понятия, сущность и особенности полномочий и правовых средств прокурора в рамках осуществления надзорной деятельности за соблюдением прав и свобод детей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: прокурорский надзор, полномочия прокурора, правовые средства прокурора, прокурорская проверка, мониторинг, меры прокурорского реагирования, ребенок-инвалид.

В научной среде отсутствует единое мнение по вопросу разграничения понятий «полномочия прокурора» и «правовые средства прокурора».

Некоторые авторы считают данные понятия тождественными. Однако Е. Р. Ергашев занимает противоположную позицию. Автор убежден в том, что правовые средства прокуроров обусловлены полномочиями прокуроров [1, с. 114]. Соответственно, правовые средства выступают «действенным инструментарием» при реализации полномочий прокурора.

Н. Р. Корешникова полагает, что полномочия прокурора — это права, предоставляемые государством органам прокуратуры для осуществления возложенных

функций [2, с. 88–91]. Под правовыми средствами прокурора автор понимает деятельность в пределах предоставленных прокурору полномочий.

О. С. Капинус и А. Ю. Винокуров считают, что полномочиями прокурора является совокупность установленных в законе форм волеизъявления прокурора при осуществлении надзорной деятельности [3, с. 231].

Указанные понятия имеют различное лексическое и юридическое значение. Следовательно, рассматривать их сущность и особенности реализации следует в разных аспектах.

Прокуратура наделена широкими полномочиями в области надзора за соблюдением прав всех категорий гра-

ждан, включая детей-инвалидов, как это предусмотрено Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4].

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о защите детей-инвалидов является одним из приоритетных направлений правозащитной деятельности органов прокуратуры [5, с. 16] ввиду особого статуса рассматриваемой категории граждан. Соответственно, вопросы восстановления нарушенных прав детей-инвалидов находятся на особом контроле у прокуратуры.

Полномочия прокурора, то есть установленные законом права, должны быть использованы в полной мере для защиты прав и свобод детей с ограниченными возможностями.

В научно-практическом контексте полномочия прокурора подразделяются на три группы: направленные на выявление нарушений закона; направленные на устранение нарушений закона; направленные на предотвращение нарушений закона.

Статьей 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» установлены полномочия, которые прокурорские работники вправе использовать в полной мере при осуществлении надзорной деятельности.

Полномочия прокурора по устранению нарушений закона выражаются в применении прокурором мер реагирования.

При реализации полномочий по предупреждению нарушений закона прокурорские работники используют превентивные меры.

А. Ф. Смирнов и А. А. Усачев к полномочиям прокурора относят также рассмотрение обращений граждан о нарушении их прав и свобод и разъяснение пострадавшим гражданам порядка защиты нарушенных прав [6, с. 256].

Представители органов прокуратуры вправе защищать нарушенные права детей-инвалидов в суде в порядке статей 45 ГПК РФ и 37 УПК РФ.

В процессе надзорной деятельности органы прокуратуры систематически выявляют нарушения прав детей-инвалидов, которые выражаются в ненадлежащем обеспечении доступности к объектам инфраструктуры, в некачественном оказании медицинских и образовательных услуг, в непроведении реабилитационных мероприятий по индивидуальным программам реабилитации и абилитации инвалидов, в ненадлежащем обеспечении социальными услугами и техническими средствами реабилитации, а также в нарушении прав детей с ограниченными возможностями на социальные выплаты, жилищные, транспортные, налоговые льготы.

Ввиду большого количества нарушений органам прокуратуры необходимо использовать все предусмотренные законом полномочия для защиты детей-инвалидов и добиваться восстановления нарушенных прав.

Для наиболее эффективного осуществления надзорной деятельности прокурорские работники обязаны руководствоваться организационными документами гене-

рального прокурора. Согласно пункту 2.1.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 органам прокуратуры необходимо во всех организациях для детей, включая учреждения культуры и спорта, оценивать соблюдение требований законодательства о создании безопасных условий пребывания в них несовершеннолетних (в том числе с точки зрения защищенности объектов и информационной безопасности детей), об обеспечении надлежащего качества оказываемых услуг, питания, доступности услуг детям с ограниченными возможностями здоровья [7].

Аналогичные положения содержатся в пункте 2.5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 23.01.2018 № 24 [8]. Органы прокуратуры обязаны «уделять внимание своевременности оказания помощи и поддержки детям из малообеспеченных и многодетных семей, детям, находящимся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации».

Приказом от 13.12.2021 № 744 усилен надзор за соблюдением прав несовершеннолетних на предоставление доступных, бесплатных и качественных медицинских, образовательных и социальных услуг.

В соответствии с пунктом 2.6 приказа от 23.01.2018 № 24 органы прокуратуры обязаны держать на контроле вопросы соблюдения органами государственной власти, органами местного самоуправления законодательства об использовании бюджетных средств, выделяемых на реализацию государственных и муниципальных программ социальной поддержки инвалидов.

Указанным пунктом предусмотрен надзор за законностью осуществляемых закупок товаров, работ (услуг) для государственных и муниципальных нужд, а также за своевременностью и полнотой исполнения государственных контрактов, заключенных в рамках индивидуальных программ реабилитации и абилитации инвалидов.

При надлежащем применении норм законодательства и неукоснительном соблюдении требований организационно-распорядительных актов генерального прокурора прокурорские работники могут оперативно проводить надзорные мероприятия и восстанавливать нарушенные права детей с ограниченными возможностями.

Помимо реализации вышеизложенных полномочий, органы прокуратуры не реже одного раза в квартал проводят координационные совещания руководителей правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также заседания коллегии. Указанные протокольные мероприятия проводятся по направлениям деятельности прокуратуры. По конкретным вопросам организуются такие мероприятия: координационное совещание руководителей правоохранительных органов по вопросу профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении них; заседание коллегии по вопросам исполнения законодательства о защите прав инвалидов.

Обычно координационные совещания и заседания коллегии проводятся по расширенным вопросам, которые не включают всех проблемных аспектов рассматриваемых

мого направления. По данной причине в органах прокуратуры проходят заседания межведомственных рабочих групп. На подобных заседаниях более подробно рассматриваются узконаправленные вопросы, в том числе касающиеся защиты прав и законных интересов детей-инвалидов.

В рамках реализации надзорной функции органы прокуратуры уполномочены проводить личный прием граждан. Органы прокуратуры по поручению генерального прокурора обязаны обеспечивать доступ в здание прокуратуры лицам с ограниченными возможностями посредством выделения парковочных мест для инвалидов, установки пандусов, поручней, ориентирующих контрастных табличек с рельефно-точечным шрифтом Брайля, устройств вызова сотрудника, иных средств для маломобильных групп населения.

Учитывая малоподвижность лиц с ограниченными возможностями здоровья, органы прокуратуры организуют мобильные приемные и проводят личный прием инвалидов в учреждениях социальной защиты.

Вследствие того, что надзор за исполнением законодательства в отношении детей с ограниченными возможностями стоит на особом контроле у Генеральной прокуратуры, территориальным органам прокуратуры необходимо в полной мере использовать предоставленные законом полномочия для защиты прав и свобод детей-инвалидов.

Как было отмечено ранее, полномочия прокурора реализуются путем использования средств прокурорского реагирования.

Правовые средства прокурора — это регламентированные действующим законодательством, совершаемые в установленном законом порядке действия прокурора, направленные на выявление нарушений закона, причин и условий, способствующих этим нарушениям, а также действия, направленные на устранение выявленных нарушений закона, причин и условий, способствующих им, на восстановление нарушенной законности и привлечение к установленной законом ответственности виновных лиц.

В. К. Бобров разделяет позицию большинства авторов и характеризует правовые средства прокурора исключительно как средства реагирования [9, с. 75–76]. Автор полагает, что прокурор обязан принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод граждан через применение мер прокурорского реагирования.

Закон о прокуратуре, а также ведомственные акты генерального прокурора не определяют содержания рассматриваемого понятия. Правовые средства выявления нарушения закона — это регламентированные законом, применяемые органами прокуратуры Российской Федерации правовые средства, направленные на выявление нарушений закона, причин и условий, способствующих этим нарушениям, а также виновных в их совершении лиц.

Средствами выявления нарушения закона являются прокурорская проверка и мониторинг. И с практической, и с научной точки зрения это неотъемлемые правовые

средства деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Ученые не пришли к единому мнению относительно дефиниции понятия «прокурорская проверка». В. Д. Ломовский считает прокурорскую проверку «наиболее распространенным правовым средством выявления нарушения закона» [10, с. 89–93].

О. Н. Коршунова имеет противоположную позицию по данному вопросу. С одной стороны, автор убежден, что прокурорская проверка является «основным средством выявления нарушения закона» [11, с. 4–5]. С другой стороны, считает прокурорскую проверку «полномочием прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов».

К чему все-таки относится прокурорская проверка: к правовому средству или к полномочиям прокурора? Как было сказано ранее, отождествление понятий «полномочия прокурора» и «правовые средства прокурора» не является аксиомой. В рамках настоящего исследования данные понятия следует различать. Прокурорская проверка — это правовое средство выявления нарушений закона, представляющее собой комплекс мыслительных и организационно-правовых действий прокурора, направленных на выявление нарушений Конституции Российской Федерации и действующих на территории Российской Федерации законов, установление причин и условий этих нарушений, а также виновных лиц.

Обычно органы прокуратуры проводят комплексные проверки исполнения законодательства в отношении несовершеннолетних, а именно соблюдения их прав на доступные и качественные медицинские, образовательные, социальные и иные услуги [12, с. 144].

Однако в отношении детей с ограниченными возможностями проводятся целевые проверки по отдельным обращениям.

Перед проведением надзорных мероприятий прокурорские работники обязаны детально изучить обращение, а также действующее законодательство, судебную и правоприменительную практику, направить в адрес поднадзорных объектов требование о предоставлении необходимых документов и материалов, подготовить решение о проведении проверки.

В пределах организационного этапа проверки соблюдения прав детей-инвалидов прокурор должен получить «сведения о количестве детей-инвалидов, состоящих на учете в органах социальной защиты, здравоохранения и образования, региональных отделах Социального фонда РФ, дать оценку организации межведомственного взаимодействия на поднадзорной территории, достоверности и полноте учета детей-инвалидов в различных ведомствах» [13, с. 404].

При проведении выездной проверки прокурорский работник изучает предоставленные документы и материалы на рабочем месте, вызывает должностных лиц учреждений системы здравоохранения, образования или

иных социальных органов и организаций в прокуратуру для отбора объяснений.

Перед проведением выездных проверок оперативный сотрудник органов прокуратуры заранее подготавливает необходимые выписки и документы, направляет ходатайство о выделении специалиста в вышестоящий орган прокуратуры или непосредственно в контролирующие органы, устанавливает дату и время проведения проверки. В процессе проведения выездного надзорного мероприятия прокурорский работник (при необходимости со специалистом) проверяет на поднадзорном объекте соблюдение требований действующего законодательства, а также нормативные правовые акты, издаваемые должностными лицами поднадзорных учреждений.

Если по итогам проведения проверки нарушения законодательства в отношении детей-инвалидов не выявлены, представитель органов прокуратуры составляет акт о проведении проверки.

Правовой мониторинг — это средство выявления нарушений законов, выражающееся в систематическом наблюдении за поднадзорными объектами и субъектами, а также за издаваемыми ими нормативно-правовыми актами.

Мониторинг — это не только юридический способ выявления нарушений закона, но и инструмент, который помогает обеспечить соблюдение прав и свобод детей-инвалидов. В процессе мониторинга средств массовой информации органы прокуратуры выявляют нарушения законодательства в отношении детей с ограниченными возможностями. По данному основанию проводят проверки и вносят акты прокурорского реагирования.

Как справедливо отметила Л. В. Потапова, сфера защиты прав детей, а также их социальная защита признаны государством приоритетными [14, с. 3]. В этой связи органы прокуратуры обязаны в процессе осуществления надзорной деятельности за исполнением законов в отношении детей с ограниченными возможностями принимать исчерпывающие меры для защиты, восстановления и недопущения последующих нарушений прав детей-инвалидов.

При выявлении фактов насилия или жестокого обращения с детьми-инвалидами со стороны воспитательных, образовательных, медицинских учреждений, родителей или иных лиц органы прокуратуры должны безотлагательно пресекать данные нарушения [15].

Пункты 1.1 и 3.4 приказа от 23.01.2018 № 24 предусматривают принятие органами прокуратуры мер по пресечению правонарушений и преступлений при выявлении нарушений прав инвалидов на социальное обеспечение, а также принятие мер по привлечению виновных должностных и юридических лиц к установленной законом ответственности.

Согласно пункту 2.1.1 приказа от 13.12.2012 № 744 органы прокуратуры обязаны принимать исчерпывающие меры по защите прав детей-инвалидов, в том числе на

предоставляемые услуги и технические средства реабилитации, а в случае самостоятельного приобретения законными представителями несовершеннолетних положенных бесплатно изделий и средств — добиваться компенсации этих расходов.

Руководствуясь положениями организационно-распорядительных актов генерального прокурора, органы прокуратуры должны использовать средства прокурорского реагирования комплексно.

Специфическим средством прокурорского реагирования являются акты прокурорского реагирования, вносимые в отношении объектов и субъектов надзора.

Акты прокурорского реагирования следует подразделять на надзорные и ненадзорные, процессуальные и непроцессуальные.

При выявлении нарушений прав детей-инвалидов органы прокуратуры вносят в отношении должностных лиц медицинских, образовательных и социальных учреждений надзорные непроцессуальные акты прокурорского реагирования: протест на незаконный нормативный правовой акт директора образовательного учреждения; представление об устранении нарушения положений закона; предостережение о недопустимости нарушений законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц в деятельности образовательных учреждений; постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении по статьям 5.43, 6.7, 20.4 КоАП РФ.

К надзорным процессуальным актам прокурорского реагирования относится мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 УПК РФ.

Ненадзорными процессуальными актами прокурорского реагирования являются иски в интересах детей с ограниченными возможностями в порядке статьи 45 ГПК РФ, частные, апелляционные, кассационные, надзорные представления, а также представления по новым и вновь открывшимся обстоятельствам на незаконные решения суда.

Ненадзорные непроцессуальные акты представляют собой сведения, справки, докладные записки о результатах надзора за исполнением законов о несовершеннолетних детях-инвалидах, направляемые в вышестоящие органы прокуратуры в порядке отчетности.

В практике надзора за соблюдением прав детей-инвалидов используются все вышеперечисленные акты прокурорского реагирования.

По поручению генерального прокурора для устранения нарушений законов и пресечения последующих нарушений органы прокуратуры должны комплексно вносить акты реагирования. Соответственно, при выявлении нарушений прав детей-инвалидов медицинским, образовательным или социальным учреждением органы прокуратуры вносят представление об устранении нарушений

закона и ставят вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц.

Согласно пункту 1.4 приказа от 13.12.2021 № 744 органы прокуратуры обязаны оперативно принимать меры по восстановлению нарушенных прав детей, а также добиваться возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

Нельзя не отметить весьма важный аспект. Органам прокуратуры следует защищать права детей-инвалидов посредством использования актов прокурорского реагирования первично в досудебном порядке. Только в случае, если полное восстановление нарушенных прав невозможно, после внесения совокупности актов реагирования в отношении поднадзорных субъектов следует по-

давать исковое заявление в суд. Прокурор в порядке части 1 статьи 45 ГПК РФ обязан обращаться в суд с иском в защиту прав и свобод детей-инвалидов, так как ребенок ввиду возраста и состояния здоровья самостоятельно не сможет защитить свои нарушенные права.

Таким образом, в целях повышения эффективности надзора за исполнением законодательства в обозначенной сфере следует акцентировать внимание на необходимости использования прокурорами всего предусмотренного объема полномочий и правовых средств. Комплексное их использование обеспечивает эффективность прокурорского надзора на практике и создает условия для оперативного выявления нарушений, их устранения и восстановления нарушенных прав детей-инвалидов и иных групп населения.

Литература:

1. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов. / Е. Р. Ергашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025.
2. Корешникова Н. Р. К вопросу о понятии и сущности правовых средств прокурора / Н. Р. Корешникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2009. — № 4 (10).
3. Прокурорский надзор. Общая часть: учебник для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. — 6-е изд. пер. и доп. — М.: Юрайт, 2024.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.09.2024) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 03.06.2026).
5. Гришин А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов о социальной защите детей-инвалидов: сборник научных докладов. / А. В. Гришин, Т. Г. Воеводина, М. Л. Харламова, Е. А. Сухова; под общ. ред. О. С. Капинус. — Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — М.: 2013.
6. Смирнов А. Ф. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов, А. А. Усачев. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2025.
7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403666/ (дата обращения 03.06.2026).
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.01.2018 № 24 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства о социальной защите и социальном обслуживании инвалидов» (ред. от 05.05.2023) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294314/ (дата обращения 03.06.2026).
9. Бобров В. К. Прокурорский надзор: учебник для вузов / В. К. Бобров. — 8-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2025.
10. Ломовский В. Д. О понятии и содержании прокурорской проверки / В. Д. Ломовский // Правоведение. — 1988. — № 5.
11. Коршунова О. Н. Методика и тактика проведения прокурорской проверки: учебное пособие / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Н. В. Кулик [и др.]; под ред. О. Н. Коршуновой. — Спб., Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014.
12. Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров. — 17-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2025.
13. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова; под науч. ред. Винокурова А. Ю. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022.
14. Потапова Л. В. Некоторые вопросы прокурорского надзора за законностью правовых актов органов местного самоуправления / Л. В. Потапова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — № 3 (24). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-prokurorskogo-nadzora-za-zakonnostyu-pravovyh-aktov-organov-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 05.06.2026).
15. Зайкина А. А. Надзор за соблюдением законодательства о несовершеннолетних как самостоятельная отрасль прокурорского надзора / А. А. Зайкина // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. — Часть 3. — Томск, 2016.

Прокурорский надзор за соблюдением прав детей-инвалидов в сфере здравоохранения, образования и социального обеспечения

Забродина Анастасия Андреевна, помощник прокурора
Прокуратура Чкаловского района г. Екатеринбург

В статье анализируются особенности осуществления прокурорского надзора за соблюдением норм законодательства учреждениями системы здравоохранения, образования и социальной защиты при реализации прав детей-инвалидов на медицинскую помощь, образование и социальное обеспечение.

Ключевые слова: прокурорский надзор, меры прокурорского реагирования, паллиативная медицинская помощь, инклюзивное образование, социальная адаптация, интеграция, доступная среда, социальное обеспечение, ребенок-инвалид.

Несовершеннолетние дети составляют приоритетную категорию граждан, за исполнением прав, свобод и законных интересов которых органы прокуратуры осуществляют наиболее пристальный надзор. Приоритетность обусловлена социальным положением детей, которые ввиду возраста и состояния здоровья не могут самостоятельно защищать свои права и интересы. Соответственно, возрастной ценз играет важную роль для органов прокуратуры при защите прав и свобод человека и гражданина.

Лица с ограниченными возможностями относятся к социально незащищенным слоям населения и ввиду серьезных проблем со здоровьем нуждаются в защите со стороны государства.

В федеральном законодательстве отсутствует понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья». Законодатель предусмотрел дефиниции терминов «инвалид», «ребенок-инвалид».

Согласно статье 1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалид — «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [1].

Ребенок-инвалид — это лицо в возрасте до 18 лет, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма. Недостатки функций организма обусловлены заболеваниями, последствиями травм или дефектами, которые приводят к ограничению жизнедеятельности.

Дети-инвалиды имеют особый правовой статус, обусловленный двумя аспектами. Во-первых, дети ввиду малолетнего возраста и беспомощного состояния не понимают или не осознают, как защитить свои нарушенные права. Во-вторых, любые лица с ограниченными возможностями физического или психического здоровья не могут отстаивать свои законные интересы. Учитывая возраст и состояние здоровья несовершеннолетних детей с ограниченными возможностями, их относят к категории социально незащищенных граждан, имеющих особый статус. Права и свободы таких лиц, как и иных социально уяз-

вимых граждан, находятся под особой защитой органов прокуратуры.

Предметом надзора за исполнением законов в отношении детей-инвалидов в сфере здравоохранения следует считать соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, предусматривающих право детей с ограниченными возможностями на доступную, качественную и бесплатную медицинскую помощь.

Перечень поднадзорных объектов и субъектов индивидуализирован ввиду специфики надзора. Объектами надзора в данном направлении являются: Министерство здравоохранения РФ, министерства здравоохранения субъектов РФ, департаменты здравоохранения субъектов РФ, Социальный фонд РФ, региональные отделения Социального фонда РФ, медицинские организации, реабилитационные центры, клиничко-диагностические центры, лечебно-профилактические учреждения, фармацевтические предприятия и организации, включая аптечные учреждения, федеральные учреждения медико-социальной экспертизы, органы системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних в части оказания медицинских услуг детям-инвалидам.

Субъектами надзора являются должностные лица, а именно руководители органов государственной власти и органов местного самоуправления системы здравоохранения, руководители Социального фонда и его региональных отделений, главные врачи и заведующие отделениями медицинских учреждений, руководители учреждений медико-социальной экспертизы, руководители органов системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Согласно пункту 3.6 приказа от 14.03.2019 № 192 органы прокуратуры обязаны осуществлять всесторонний надзор за исполнением законодательства при реализации всех национальных проектов. Пункт 3.7 данного приказа предусматривает надзорное сопровождение национального проекта «Демография» в области здравоохранения [2]. Органы прокуратуры надзирают за исполнением законодательства в сфере здравоохранения, а именно при осуществлении экстренной и первой медицинской помощи, введении и использовании новых медицинских технологий, открытии новых медицинских учреждений. Выделен прокурорский надзор за осуществлением и раз-

вitiем здравоохранения для несовершеннолетних детей. Прокурорским работникам следует также пресекать случаи незаконного прекращения деятельности учреждений системы здравоохранения в населенных пунктах [2, пункт 3.8].

В 2024 году завершился шестилетний этап реализации национальных проектов в России. Деятельность по осуществлению национальных проектов регламентирована Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3].

По результатам реализации национального проекта «Здравоохранение» «за период с 2018 по 2024 год было построено и реконструировано более 1000 поликлиник, закуплено 174 тыс. единиц инновационного медицинского оборудования. В селах, поселках городского типа и малонаселенных городах проведены ремонтные работы 10 тыс. фельдшерско-акушерских пунктов и других медицинских объектов» [13].

Достижение положительных результатов при осуществлении национального проекта не исключает нарушений прав и свобод несовершеннолетних детей с ограниченными возможностями на качественное и доступное медицинское обслуживание.

Учитывая проблемные сферы общественной жизни, президент Российской Федерации подписал Указ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Первой национальной целью определено «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Для достижения поставленной цели необходимо увеличить продолжительность жизни населения до 78 лет к 2030 году, до 81 года к 2036 году, повысить коэффициент рождаемости до 1,6 и 1,8 соответственно, понизить уровень временной нетрудоспособности [4].

В рамках реализации указанной национальной цели в сфере здравоохранения планируется к 2030 году создать и ввести в эксплуатацию цифровую платформу, способствующую «формированию, поддержанию и сохранению здоровья человека на протяжении всей его жизни, на базе принципа управления на основе данных» [4].

Вследствие того, что забота о несовершеннолетних детях является государственным приоритетом, большая часть ресурсов направляется на их материальное обеспечение и правовую защиту.

К распространенным нарушениям прав детей с ограниченными возможностями в данном направлении относятся: несоответствие требованиям содержания детей-инвалидов в детских медицинских учреждениях; отсутствие необходимых лекарственных препаратов, медицинских изделий, медицинского оборудования в медицинских учреждениях, а также в специальных образовательных и иных социальных учреждениях круглосуточного пребывания детей-инвалидов; нарушение санитарно-эпиде-

миологических норм в медицинских, образовательных и социальных учреждениях для детей с ограниченными возможностями; ненадлежащее обеспечение детей-инвалидов лекарственными препаратами и специальным лечебным питанием; отсутствие в образовательных учреждениях медицинских пунктов; ненадлежащее оказание медицинской или паллиативной помощи детям с ограниченными возможностями, нарушение порядка присвоения федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы статуса «ребенок-инвалид»; необоснованный отказ в присвоении или продлении статуса «ребенок-инвалид», необоснованный отказ в направлении на реабилитацию или абилитацию; необоснованный отказ в предоставлении путевки на санаторно-курортное лечение; необоснованный отказ в направлении заявки или в приеме заявки Министерством здравоохранения РФ на предоставление детям-инвалидам лекарственных препаратов и медицинских изделий.

В ходе проведения проверок в медицинских организациях органам прокуратуры следует обращать особое внимание на определенные аспекты, такие как: соответствие актов, принимаемых должностными лицами учреждений системы здравоохранения, установленным требованиям закона; соблюдение порядка и условий оказания бесплатной медицинской помощи детям-инвалидам в рамках программы государственных гарантий, а также платной помощи, предоставляемой по желанию пациента и его законного представителя [5, с. 11–116]; своевременная подготовка и направление медицинскими учреждениями заявок на обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и инновационным оборудованием; направление детей-инвалидов на санаторно-курортное лечение; прием и рассмотрение заявок Министерства здравоохранения РФ на обеспечение медицинских учреждений лекарственными препаратами, изделиями медицинского назначения и инновационным оборудованием; амбулаторное, стационарное и паллиативное лечение детей-инвалидов; соблюдение порядка и условий проведения врачебной комиссии в отношении ребенка, имеющего стойкое расстройство функций организма, для направления заключения на медико-социальную экспертизу и медико-техническую комиссию; финансирование лечения по индивидуальным программам детей-инвалидов.

В бюро медико-социальной экспертизы прокурору следует проверить: соответствие актов, принимаемых должностными лицами учреждений медико-социальной экспертизы, установленным требованиям закона; соблюдение требований законодательства при организации, проведении медико-социальной экспертизы, принятии решений о признании ребенка инвалидом; организацию разработки индивидуальных программ реабилитации и абилитации детей-инвалидов; полноту разработки программ реабилитации и абилитации на предмет наличия сведений о необходимости проведения мероприятий психолого-педагогической реабилитации, сведений об

учебном процессе, об индивидуальных особенностях ребенка с ограниченными возможностями; своевременность проведения переосвидетельствования и продления статуса «ребенок-инвалид».

В настоящее время территориальные прокуратуры направляют все усилия на недопущение нарушений прав и свобод детей с ограниченными возможностями ввиду того, что Генеральная прокуратура держит вопросы защиты прав детей-инвалидов на доступную и качественную медицинскую помощь на особом контроле.

По поручению Генерального прокурора Российской Федерации в 2024 году органы прокуратуры всех регионов провели проверки исполнения законодательства при оказании медицинской, в том числе паллиативной помощи детям, обеспечении их лекарственными препаратами, медицинскими изделиями, техническими средствами реабилитации, а также специализированными продуктами лечебного питания.

Исходя их официальных данных, размещенных на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по результатам прокурорских проверок более 500 лечебных учреждений дооснащены оборудованием согласно требованиям, закуплено свыше 3,2 млн единиц медицинских изделий для стационарного лечения несовершеннолетних детей-инвалидов, из них 86,9 тыс. назогастральных зондов для осуществления питания, 64,7 тыс. кислородных концентраторов [6].

После проведения прокурорских проверок Министерство здравоохранения РФ наладило процесс приема заявок учреждений системы здравоохранения на обеспечение детей-инвалидов лекарственными препаратами и медицинскими изделиями.

В результате прокурорского реагирования в некоторых субъектах Российской Федерации на 1,7 млрд рублей увеличено финансирование реализации программ бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также приобретение жизненно необходимых лекарственных средств для детей-инвалидов.

Меры, принятые органами прокуратуры, позволили увеличить штат патронажных служб и выездных бригад паллиативной помощи, улучшить маршруты их передвижения, в том числе в отдаленных и труднодоступных местностях.

Соблюдение законодательства в сфере здравоохранения в отношении детей с ограниченными возможностями стоит на особом контроле у органов прокуратуры ввиду особого правового статуса несовершеннолетних. Прокурорские работники систематически проводят проверки исполнения действующего законодательства поднадзорными органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, медицинскими, образовательными и социальными учреждениями, а также их должностными лицами, готовят проекты актов прокурорского реагирования и контролируют их дальнейшее исполнение поднадзорными объектами и субъектами.

Органы прокуратуры выступают основным звеном обеспечения законности в отношении несовершеннолетних детей с ограниченными возможностями в сфере образования.

Предметом прокурорского надзора в этой сфере выступает соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, регламентирующих право детей-инвалидов на бесплатное, доступное и качественное образование разных форм и уровней, в том числе право на инклюзивное образование.

Понятийный аппарат, необходимый для раскрытия данного аспекта, содержится в статье 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Образование трактуется в пункте 1 как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [7].

Пункт 27 статьи 2 этого закона определяет понятие «инклюзивное образование» как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [7]. В обязанности педагогических работников учреждений системы образования для детей с ограниченными возможностями входят обучение и развитие детей-инвалидов, их адаптация и интеграция в общество, а также минимизация дискриминации детей, вызванной особенностями их здоровья.

Основными объектами и субъектами прокурорского надзора за исполнением законов в отношении детей являются органы системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, их руководство.

В специфическом направлении надзора за исполнением законодательства в отношении детей-инвалидов в сфере образования поднадзорными объектами также являются: Министерство образования и науки РФ, министерства, департаменты, управления образования субъектов РФ, дошкольные образовательные учреждения, общеобразовательные учреждения, учреждения дополнительного образования, учреждения среднего профессионального образования, высшие учебные заведения, школы-интернаты, центры инклюзивного образования.

Субъектами рассматриваемого направления надзора являются руководители органов государственной власти и органов местного самоуправления системы образования, директора, заведующие образовательными учреждениями.

На основании пункта 3.7 приказа от 14.03.2019 № 192 органы прокуратуры обязаны осуществлять надзорное сопровождение национального проекта «Демография» и

принципиально реагировать на нарушения законности при создании условий для получения бесплатного и качественного образования лицами с ограниченными возможностями [2].

По мнению Н. А. Игониной, нарушения прав детей-инвалидов в сфере образования выражаются в непредоставлении инклюзивного образования в учреждениях системы образования, понуждении к переводу детей с ограниченными возможностями на домашнее обучение, отсутствии специальных условий образования детей-инвалидов [8, с. 30].

Кроме того, права детей-инвалидов на образование нарушаются в результате непредоставления или недостаточного предоставления специальных учебных материалов, выполненных рельефно-точечным шрифтом Брайля, специальных устройств для чтения «говорящих книг», световых и вибрационных сигнализаторов звука, телевизоров с телетекстом со скрытыми субтитрами, а также в результате неукomплектования учебных кабинетов специальным оборудованием. В образовательных учреждениях с индивидуальными программами реабилитации и абилитации детей-инвалидов не хватает педагогов, специальных ассистентов, осуществляющих техническую помощь детям с ограниченными возможностями, сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков. В качестве нарушения следует выделить также недостаточную профессиональную квалификацию педагогов инклюзивного образования. Преподавателям для работы с детьми-инвалидами необходимо пройти курсы повышения квалификации (переподготовку) по профессиональному стандарту «Педагог-дефектолог».

Одним из распространенных нарушений является дискриминационное отношение сотрудников учреждений системы образования к детям-инвалидам.

Органы прокуратуры принимают решения о проведении проверок по указанным и иным видам нарушений прав детей-инвалидов в сфере образования и проводят выездные надзорные мероприятия. Поводом для проведения проверок являются жалобы родителей, законных представителей детей-инвалидов.

Органам прокуратуры следует проверять соблюдение норм законодательства образовательными учреждениями и их должностными лицами; соответствие актов, принимаемых должностными лицами учреждений системы образования, установленным требованиям закона; наличие аккредитации у образовательных учреждений на предоставление образовательных услуг детям-инвалидам; наличие профессионального образования по профессиональному стандарту «Педагог-дефектолог» у педагогов, работающих с детьми-инвалидами; организацию и осуществление инклюзивного образования детей-инвалидов в образовательных учреждениях, а также обучения на дому и в медицинских учреждениях; обеспечение детей с ограниченными возможностями бесплатным питанием в образовательных учреждениях; обеспечение детей с ограниченными возможностями здоровья, прожива-

ющих в специальных образовательных учреждениях, питанием, одеждой, обувью; организацию образовательного процесса для детей-инвалидов (предоставление специальных средств и материалов, необходимых для освоения образовательных программ, укomплектование учебных кабинетов специальным учебным, компьютерным и реабилитационным оборудованием); разработку и реализацию образования по индивидуальным программам реабилитации и абилитации детей-инвалидов; финансирование обучения детей с ограниченными возможностями в образовательных учреждениях, на дому и в медицинских учреждениях.

Предметом прокурорского надзора за исполнением законов в отношении детей-инвалидов в сфере социального обеспечения является соблюдение Конституции РФ, исполнение законов, устанавливающих права таких детей на социальную защиту, предоставление мер социальной поддержки, услуг и гарантий.

В соответствии со статьей 3 Федерального закона от 28.12.2012 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» социальное обслуживание — это «деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам» [9]. Социальные услуги — это действия, направленные на оказание помощи и улучшение качества жизни граждан.

Лица с ограниченными возможностями, так же как и все остальные граждане, имеют социальные права. Ввиду особого правового статуса вопросы социального обеспечения инвалидов регулируются Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ.

Лица с ограниченными возможностями, как иные категории населения, нуждаются в социальной защите и социальной поддержке. Данные определения не являются тождественными, их следует разграничивать.

Согласно статье 2 упомянутого закона, под социальной защитой инвалидов понимается «система гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, обеспечивающих инвалидам условия его преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества» [10].

Социальная поддержка инвалидов представляет собой систему мер, которая обеспечивает социальные гарантии.

Ввиду того, что формирование доступной среды для детей с ограниченными возможностями входит в основную деятельность уполномоченных органов государственной власти РФ, постановлением Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 363 утверждена государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» [11].

Приоритетами данной государственной программы, кроме прочего, являются обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к общему имуществу в многоквартирных домах, к техническим средствам, транспортной и социальной инфраструктуре, к информации.

Государственная программа «Доступная среда» способствует в том числе осуществлению национального проекта «Демография» посредством улучшения качества жизни лиц с ограниченными возможностями.

Одним из механизмов достижения указанных целей в области социального обеспечения инвалидов является предоставление субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации (в целях софинансирования).

Для реализации стратегических приоритетов настоящей программы необходимо своевременно предоставлять меры социальной поддержки инвалидам. Достижение поставленных целей в части обеспечения беспрепятственного доступа невозможно без предоставления лицам с ограниченными возможностями технических средств реабилитации и услуг.

Программы социальной защиты предполагают обеспечение доступной и безбарьерной среды для детей-инвалидов. Все объекты инфраструктуры, организации, места отдыха должны быть оснащены специальными пандусами, поручнями, автоматическими дверями, лифтами, предупредительными знаками и табличками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля.

Помимо права на беспрепятственный доступ к местам общего пользования детям-инвалидам предоставляются и иные социальные гарантии, предусмотренные жилищным, земельным, налоговым законодательством и иными нормами закона.

Дети-инвалиды вправе получать материальную помощь в виде социальной пенсии, компенсации за отказ от набора социальных услуг, налоговые льготы. Кроме того, родители или законные представители вправе получать пособия по уходу за ребенком-инвалидом.

Органы прокуратуры в данном направлении осуществляют надзор за Министерством труда и социальной защиты РФ, министерствами, департаментами, управлениями социальной политики субъектов РФ, органами управления социальной защиты населения и учреждениями социального обслуживания, Социальным фондом РФ, региональными отделениями Социального фонда РФ, общественными организациями и ассоциациями детей-инвалидов, центрами социальной помощи и обслуживания, социально-реабилитационными центрами, центрами психолого-педагогической помощи, центрами экстренной психологической помощи, домами-интернатами, центрами дневного пребывания для развития, социализации детей-инвалидов и поддержки их семей.

Субъектами надзора являются должностные лица, а именно руководители органов государственной власти и органов местного самоуправления социальной сферы, руководители Социального фонда РФ и его региональных отделений, руководители органов управления социальной защиты и учреждений социального обслуживания.

В процессе осуществления надзорных мероприятий в учреждениях социальной защиты и социального обслуживания органам прокуратуры надлежит обращать

особое внимание на организацию учета детей-инвалидов для предоставления им социальных услуг; создание условий для реабилитационных и лечебных мероприятий, образовательной деятельности, культурного, бытового обслуживания на основании индивидуальной программы реабилитации; законность отказов в предоставлении социальных услуг; соответствие социально-бытового обслуживания государственным стандартам, своевременность и полнота оказания социальных услуг; непредоставление сертификатов на обеспечение техническими средствами реабилитации и услугами; несвоевременное проведение ремонтных работ технических средств реабилитации; ненадлежащее обеспечение беспрепятственного доступа к объектам инфраструктуры (отсутствуют пандусы, поручни, предупредительные знаки, мнемосхемы, лифты, кнопки вызова персонала, парковочные места и иные средства организации доступности для инвалидов и маломобильных граждан); ненадлежащее предоставление, непредоставление набора социальных услуг; невозмещение денежных затрат на самостоятельное приобретение технических средств реабилитации и оплату услуг.

В региональных отделениях Социального фонда РФ прокурорам следует проверять: законность отказов в назначении пенсий детям-инвалидам, приостановления или прекращения выплаты пенсий; своевременность выплаты пенсий и ее индексации; соблюдение права детей-инвалидов на ежемесячную денежную выплату.

Руководствуясь методикой О. С. Капинус и С. Г. Кехлерова, прокурор при проведении проверки учреждений социальной защиты должен обратить внимание на факты незаконного использования денежных средств и имущества детей с ограниченными возможностями [12, с. 404].

Прокурору необходимо проверить факты дискриминации детей-инвалидов со стороны сотрудников социальных учреждений (физическое и (или) психологическое насилие, эксплуатация, грубое обращение).

По результатам проведения прокурорских проверок органы прокуратуры принимают следующие меры реагирования: протест, представление, постановление о возбуждении производства об административном правонарушении, мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. В пределах указанных направлений надзора прокурор или его заместитель вносит представление об устранении нарушения закона. В случае неисполнения требований, установленных в представлении, органы прокуратуры направляют исковое заявление в суд в защиту социальных прав ребенка-инвалида в порядке статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

В настоящей статье описана методика проведения прокурорской проверки на предмет соблюдения прав детей-инвалидов учреждениями здравоохранения, образования и социальной защиты. Данный методический материал

содержится в настольной книге прокурора, что весьма важно для студентов, аспирантов и научных деятелей.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что защита прав детей с ограниченными возможностями должна находиться на особом контроле у органов прокуратуры ввиду большого количества нарушений в этой

сфере. В целях защиты и восстановления нарушенных прав детей-инвалидов на доступную, качественную и бесплатную медицинскую помощь, образование и социальную защиту органы прокуратуры осуществляют надзорные мероприятия и принимают исчерпывающие меры реагирования.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (последняя редакция) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 03.06.2026).
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/72200538/> (дата обращения 07.06.2026).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 07.06.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/408992634/> (дата обращения: 07.06.2026).
5. Мещерякова Т. Ф. Прокурорский надзор по делам в отношении несовершеннолетних: учебное пособие для вузов / Т. Ф. Мещерякова [и др.]; под ред. А. В. Ростокского. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2024.
6. По поручению Игоря Краснова восстановлены права детей на обеспечение жизненно важными лекарствами и медицинскими изделиями / Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. — Москва. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=99682784> (дата обращения 07.06.2026).
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения 07.06.2026).
8. Игонина Н. А. Защита прав детей-инвалидов, проблемы и способы их решения // Деятельность органов прокуратуры по защите прав детей, находящихся в наиболее сложном социальном положении (детей-инвалидов, детей-сирот, детей, проживающих в семьях на отдаленных и труднодоступных территориях, и др.): сборник материалов круглого стола (Москва, 24 мая 2018 года). — Университет прокуратуры Российской Федерации. — М., 2018.
9. Федеральный закон от 28.12.2012 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» // КонтурНорматив. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=461439> (дата обращения 07.06.2026).
10. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/10164504/> (дата обращения 07.06.2026).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 363 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/72216666/> (дата обращения 07.06.2026).
12. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022.
13. Тисвенко Д. Национальные проекты России 2019–2024: цели и итоги / Д. Тисвенко // МТПК «Мир». — URL: <https://mir24.tv/articles/16629223/nacionalnye-proekty-rossii-2019-2025:-celi-i-itogi?ysclid=mq6tvng1il274304887> (дата обращения 10.06.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 23 (626) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 17.06.2026. Дата выхода в свет: 24.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.